

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE UNIVERSITY
BULLETIN

MOSCOW STATE UNIVERSITY BULLETIN

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY – AUGUST

This journal is a publication
prepared by the Philological Faculty
Editorial Board.

There are six issues a year

MOSCOW UNIVERSITY PRESS • 2016

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 года

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит

один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2016

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л.Ремнёва, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *главный редактор*

О.А.Смирницкая, докт. филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *зам. главного редактора по лингвистике*

В.М.Толмачев, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *зам. главного редактора по литературоведению*

Е.В.Клобуков, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *отв. секретарь по лингвистике*

Г.В.Зыкова, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *отв. секретарь по литературоведению*

Е.Г.Домогацкая, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова по редакционно-издательской деятельности – *оргсекретарь*

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

О.В.Александрова, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова по науке

А.Е.Беликов, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Т.Д.Венедиктова, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

М.В.Всёволодова, докт. филол. наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Д.П.Ивинский, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

А.И.Изотов, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.В.Князев, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

И.М.Кобозева, докт. филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.И.Кормилов, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Н.Т.Пахсарьян, докт. филол. наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.Г.Татевосов, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

О.Е.Фролова, докт. филол. наук, ст. научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Кривнова О.Ф., Князев С.В., Моисеева Е.В.</i> Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка	7
<i>Кортава Т.В.</i> Язык и стиль произведений пустозерских узников	34
<i>Савельев В.С.</i> Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения с субъективно-модальным содержанием (на материале «Повести временных лет»)	47
<i>Нефедова Е.А.</i> О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка	75
<i>Трахтенберг Л.А.</i> Образ издателя в русских сатирических журналах	90

ДЕЛА И ЛЮДИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

<i>Памяти В.Е.Хализова / Сост. С.И.Кормилов и С.А.Мартыанова</i>	109
<i>Черняков А.А.</i> Турбинский семинар и окрестности (конец 1950-х – 1960-е годы) / Публикация Г.В.Зыковой	119

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Пуряева Н.Н.</i> Писательницы в «Словаре русских светских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова)	131
<i>Бакаева С.А.</i> Рецепция классики в современной французской литературе	145
<i>Григорьева О.Н., Туран П.</i> Гендерный аспект именования человека по его отношению к собственной внешности	154
<i>Ма Цзя-ин.</i> «Грамматика славенская» Федора Максимова: Круг источников	163
<i>Рыжова Д.А.</i> Фантастическая конференция, чудовищный доклад: формирование оценочных значений на базе русской признаковой лексики	178

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Вдовин А.В.</i> Федотов А. Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Tartu: University of Tartu Press, 2016. 178 с. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuens. 35)	193
<i>Изотов А.И.</i> Holá L. Český krok za krokem 1. Praha: Akropolis, 2016. 204 с. . . .	201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Дедова О.В., Петрухина Е.В., Галинская Е.А., Голубков М.М.</i> III Международный симпозиум «Славянские язык и культура в современном мире	211
<i>Атаянц Г.Р., Сорочан А.Ю.</i> Конференция «Мгновение как сюжет» в Твери . . .	223
<i>Панков Ф.И., Тресорукова И.В.</i> Презентация российских университетов в Салониках	230
<i>Рошкеттаева Т.Г., Красильникова Л.В.</i> VI Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» . . .	233

CONTENTS

ARTICLES

<i>Krivnova O.F., Knyazev S.V., Moiseeva E.V.</i> Studies in Prosodic Phrasing of Russian	7
<i>Kortava T.V.</i> Language and Style of the Works by Puzosersk Inmates	34
<i>Saveliev V.S.</i> Old Russian Illocutionary Multifunctional Utterances: Communications with Subjective-Modal Content (on the Material of The Tale of Bygone Years)	47
<i>Nefedova E.A.</i> On the Place of Arkhangelsk dialects in the dialect Division of the Russian Language	75
<i>Trahtenberg L.A.</i> The Editor's Persona in the Russian Satirical Magazines	90

PEOPLE AND AFFAIRS OF MOSCOW UNIVERSITY

In the Memory of V.E.Khalizev / Collected by <i>S.I.Kormilov</i> and <i>S.A.Martyanova</i>	109
<i>Chernyakov A.A.</i> Turbin Seminar and Around / Interview by <i>G.V.Zykova</i>	119

COMMUNICATIONS AND MATERIALS

<i>Puryaeva N.N.</i> Women Writers in the "Dictionary of Russian Secular Writers" by Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov)	131
<i>Bakaeva S.A.</i> The Reception of Classical Literature in Contemporary French Novels	145
<i>Grigorieva O.N., Turan P.</i> Gender Aspect of Naming Persons in Relation to Their Appearance	154
<i>Ma Jia-Ying (Taiwan).</i> "Grammatika Slovenska" by Fedor Maksimov: Set of the References	163
<i>Ryzhova D.A.</i> "Fantastic Conference", "Prodigious Report": Derivation of Evaluative Meanings in Russian Adjectives	178

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Vdovin A.V.</i> Fedotov A. Russian Theatrical Magazine in the Cultural Context of the 1840 th . Tartu: University of Tartu Press, 2016. 178 p. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis. 35).	193
<i>Izotov A.I.</i> Holá L. Česky krok za krokem 1. Praha: Akropolis, 2016. 204 s. . . .	201

SCHOLARLY LIFE

<i>Dedova O.V., Petrukhina E.V., Galinskaya E.A., Golubkov M.M.</i> III International Symposium "Slavic Languages and Culture in the Modern World"	211
<i>Atayanz G.R., Sorochan A.Yu.</i> The Conference "Moment as the Plot" in Tver . . .	223
<i>Pankov F.I., Tresorukova I.V.</i> Presentation of Russian Universities in Saloniki . .	230
<i>Roschektaeva T.G., Krasilnikova L.V.</i> VI International Scientific and Practical Conference "Text: Problems and Perspectives. Aspects of Studying for the Aims of Teaching Russian as a Foreign Language"	233

СТАТЬИ

О.Ф.Кривнова, С.В.Князев, Е.В.Моисеева

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСОДИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ ЗВУЧАЩЕГО ТЕКСТА НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию просодического членения звучащего текста на материале русского языка. Введение содержит краткое описание базовых понятий, связанных с проблематикой данной области фонетических описаний. В основной части приводятся сведения о фонетических и нефонетических коррелятах просодических границ и их иерархической организации. В заключении характеризуется текущее состояние дел в данном сегменте современной фонетики, формулируются основные задачи, стоящие перед исследователями просодического членения русской звучащей речи.

Ключевые слова: фонетика, интонация, звучащая речь, просодическое членение, просодические границы, глубина просодических швов, фонетические и нефонетические показатели.

This paper deals with the problem of prosodic phrasing in a spoken text. The introductory section provides a brief description of the background, clarifies basic terms and explains the concept of prosodic break and word boundary strength. The second section contains the analysis of the current state of research in this area of phrasal prosody, highlights the main directions of the modern fundamental studies and applications, notes their relevance and the need to expand their empirical base. The third section deals with the issues related to the local markers of prosodic phrasing, their hierarchy and phonetic means of realization. In the conclusion, the material, methods and results of the experimental studies discussed in this paper are compared, the current trends in the use of the data are highlighted, the prospects and challenges for further studies of prosodic phrasing in speech are outlined.

Key words: phonetics, spoken language, prosodic phrasing, prosodic break, word boundary strength, pause marker, perception, instrumental analysis.

0. Введение

Целью данного обзора является анализ теоретических и прикладных исследований по тематике проекта «Иерархия просодического членения звучащей речи: контролирующие факторы и средства реализации» 15-06-06103, поддержанного в 2015 г. РФФИ, – в том числе анализ способов и детализации представления просодического членения в речевых корпусах на материале русского языка, представленных в русскоязычных и англоязычных литературных источниках. Будет дана также оценка текуще-

го состояния знаний в области просодической макросегментации речи и определены актуальные направления дальнейшей работы над данной проблемой в рамках проекта.

В фонетике под просодическим членением (ПЧ) звучащего текста (устной речи) понимается членение текста на фонетически организованные фрагменты разной размерности (от слога до сверхфразового единства), которое осуществляется говорящим с помощью звуковых средств просодической природы, в соответствии с общими принципами фонетической организации речи и с учетом смысловой и синтаксической структуры текста. В русскоязычной литературе для обозначения данного явления используется также термин «макросегментация речи». ПЧ на фразовом уровне (ср. термины «синтагматическое, интонационное членение») представлено составляющими, превосходящими по размеру фонетические слова, и имеет определенную внутреннюю иерархию (структуру). Границы между фразовыми просодическими составляющими при их артикуляционно-акустической реализации образуют просодические швы (разрывы, далее ПШ) в звучащем тексте (англ. «prosodic breaks»). Просодический шов в более глубинном и узком смысле – это абстрактный показатель границы между просодическими составляющими, который имеет определенное фонетическое (акустическое) воплощение с возможной вариативностью, а также перцептивные корреляты в виде субъективного ощущения определенной степени автономности смежных слов и групп слов в звучащем тексте. В несколько иной формулировке просодический шов можно рассматривать как абстрактный показатель сегментирующего потенциала словораздела, который реализуется в тексте с разной вероятностью и с разной сегментирующей силой, что создает различную глубину ПШ и просодического членения текста в целом¹.

В соответствии с изложенной интерпретацией глубина ПШ понимается как абстрактный количественный показатель сегментирующей силы соответствующего словораздела, которая реализуется в устной речи с помощью разных просодических средств между и на краях фразовых просодических составляющих. Разная глубина ПШ является также отражением внутренней иерархии просодического членения. В интонационной

¹ В современных зарубежных моделях ПЧ признается, что любая граница (словораздел) между словами имеет определенный сегментирующий *потенциал*, который может реализоваться в звучащем тексте с разной вероятностью и силой в зависимости от контекстных условий и контролирующих факторов локальной и глобальной природы.

фонологии многие исследователи разделяют точку зрения, согласно которой иерархический статус просодической составляющей однозначно соответствует глубине ПШ, завершающего эту составляющую, т. е. чем выше фразовый уровень составляющей, тем больше глубина ПШ в ее конце, и наоборот. Это положение так называемой строгой поуровневой гипотезы (Strict Layred Hypothesis SLH) разделяется, однако, не всеми интонологами и никогда не проверялось экспериментально на сколь угодно представительном речевом материале; см. [Ladd, 1986; Ladd, Campbell, 1991; Sanderman, 1996; Selkirk, 1984].

В отечественной лингвистике впервые обратил внимание на ПЧ и его особую природу академик Л.В. Щерба. Он писал о том, что в европейских языках (а возможно, и во многих других) самым важным средством выражения связи между словами и группами слов является «интонация», «фразировка» в самом широком смысле слова [Щерба, 1915]. Л.В. Щерба обозначил практически все отличительные особенности этого явления, которые в настоящее время являются предметом исследования во многих работах по фразовой просодии, однако не описаны и не объяснены полностью ни для одного из европейских языков. Это относится, в частности, и к иерархической природе ПЧ: «Синтагмы могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями <...> и в конце концов образуют фразу – законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона» [Щерба, 1963: 87]. В этой же работе приведены авторские транскрипции русского стиха, наряду с французскими примерами, где используются 4 маркера для фразовых ПШ разной глубины: в завершении фразосинтагм], полуфраз {, фраз |, сверхфразовых единств ||. Отмечена также зависимость реализации ПЧ от стиля и темпа произнесения, т. е. от установки говорящего на степень выразительности речи. Обосновывая необходимость выделения в фонетике особого раздела «Синтаксической фонетики», Л.В. Щерба подчеркивал динамическую, деятельностьную природу ПЧ как в спонтанной, так и в репродуцированной речи (в режиме чтения текста), глубинную связь с «процессом речи-мысли», с активной грамматикой говорящего. Эта идея интенсивно развивается в настоящее время в психолингвистике, когнитивной лингвистике и анализе дискурса. Л.В. Щерба отмечает также, что ПЧ зависит от стиля и жанра текста, ср. [Светозарова, 2000]. В литературе описывается корреляция между типом устной речи (чтение или спонтанная речь) и членением предложений на синтагмы: в спонтан-

ной речи просодические синтагмы короче, чем при чтении (и составляют в среднем 2,7 слова против 4,2 слова) [Иомдин, Лобанов, 2009].

Очевидно, что характер просодического членения зависит от идиолекта [Светозарова, 1982]. Существует и связь между просодическим членением и эмоциональным состоянием говорящего, а также индивидуальным темпом речи, установкой на степень выразительности речи или чтения. Как показали результаты проведенных экспериментов, особенности паузирования тесно сопряжены с более общей проблемой вариативности манер чтения, проблема произносительной нормы в области интонации в связи с ПЧ рассматривается в [Кривнова, Чардин, 1999].

О.Ф. Кривнова [Кривнова, 1995] описывает четырехбалльную шкалу глубины ПШ, которые соответствуют просодическим составляющим, большим, чем фонетическое слово, следующим образом:

- Просодическая / фонетическая синтагма;
- интонационная фраза²;
- интонационно-смысловой комплекс;
- высказывание.

Данная шкала³ представляется нам наиболее адекватным инструментом описания и разметки просодического членения и фонетической организации предложения, так как с ее использованием информанты при проведении перцептивного эксперимента определяли текстовую локализацию и глубину ПШ согласованно [Кривнова, 1995].

Специальный анализ показал, что длительность физической паузы на словоразделе коррелирует с глубиной ПШ [Кривнова, 1995], равно как и частотностью его обнаружения [Кривнова, 2015]. Так, при минимальном по глубине ПШ пауза может отсутствовать и часто действительно отсутствует; эти швы имеют, по-видимому, ритмическую мотивацию, чем и отличаются от всех остальных. На швах большей глубины пауза присутствует всегда, причем больше 200 мс [Кривнова, 1995]. Таким образом, 200 мс (или один слог в случае относительной длительности) – ключевой момент для перцептивной и функциональной категоризации физической длительности пауз.

Несмотря на интересное и продуктивное обсуждение иерархической

² Связный, грамматически организованный фрагмент текста (предложение или его часть), которому при синтезе речи приписывается одна интонационная модель [Кривнова, 1998].

³ 4-балльная шкала глубины ПШ соответствует 5-балльной шкале сегментирующей силы словоразделов, принятой в стандартной системе просодической разметки текстов TObI.

природы ПЧ и контролирующих его факторов в русской текстологической литературе XX в., до 1980–1990-х гг. конкретных исследований ПЧ в речи было очень мало как на материале русского, так и на материале других языков. В 1980–1990-е гг. в фонетике и в лингвистике в целом произошел «просодический бум», тесно связанный с переходом от преимущественно структурного подхода к функциональной и когнитивной научной парадигме, изучению устного дискурса, «языка в действии», интересом к компьютерным моделям языка и устной речи, к разработкам по автоматическому синтезу речи, невозможному без понимания функций и природы ПЧ.

Основные направления исследования ПЧ в современной лингвистике сформулированы О.Ф. Кривновой следующим образом: «главные направления исследований ПЧ (теоретических, экспериментально-инструментальных, прикладных) группируются вокруг следующих проблем:

Локальные маркеры (границы, просодические швы) ПЧ – текстовая локализация, глубина создаваемого членения (сегментирующая сила границ, их иерархия), средства фонетической реализации.

Квантованная / блочная природа просодических составляющих, их иерархический статус, интегрирующие просодические схемы разного уровня, их фонетическая реализация.

Функциональный аспект ПЧ, контролирующие факторы: коммуникативные, семантико-синтаксические, психофизиологические (когнитивные, речепроизводящие)» [Кривнова, 2015: 329].

В конкретных исследованиях ПШ могут анализироваться при интерпретации уже озвученного текста, то есть с позиции Слушающего, который воспринимает текст (в прикладных системах распознавание «Речь-Текст»), или с позиции говорящего, который порождает или читает письменный текст (в прикладных системах синтез «Текст-Речь»).

Центральной, однако, является позиция фонетиста-исследователя, задача которого состоит в том, чтобы выявить факторы, контролирующие ПЧ, и описать в явной форме их взаимодействие не только в отношении текстовой локализации и глубины ПШ, но и в аспекте их просодической реализации (локальной и интегральной). Эти сведения важны как для фонетической науки, так и для разработки прикладных речевых систем.

Во всех указанных исследовательских ситуациях возникает проблема выбора речевого материала, который может рассматриваться как адекватная эмпирическая база для изучения и моделирования ПЧ. Достаточно очевидно, что ПЧ в спонтанной речи должно изучаться и описываться

отдельно от репродуцированной речи (озвучивания готового письменного текста). Однако и в последнем случае, в силу стилистической и индивидуальной вариативности ПЧ, эта проблема актуальна, особенно для современных речевых технологий синтеза и распознавания речи, которые используют вероятностно-статистические методы и обучаются обработке устной речи на материале представительных речевых корпусов с экспертной разметкой ПЧ [Кодзасов и др., 2008; Продан и др., 2009; Лобанов, 2010; Кривнова, 2008; Лобанов, Цирульник, 2008]. Именно в этих исследованиях рассматривается задача поиска и определения критериев выбора «золотого стандарта», т. е. звучащего текста, который по своим семантико-синтаксическим и просодическим характеристикам в наибольшей степени отражал бы научные представления о функциях и фонетике ПЧ [Кривнова, Чардин, 1999].

Принципиальная трудность в поиске золотого стандарта ПЧ состоит в том, что оно в значительной степени вариативно. Так, Е.А. Брызгунова отмечает необходимость разграничения обязательных и факультативных ПШ (границ ПЧ): «Пауза... при синтагматическом членении возможна, но не обязательна... Наибольшие возможности паузы при синтагматическом членении проявляются в тех высказываниях, где слово на границе членения может быть отнесено и к предшествующей, и к последующей синтагмам, граница уровней тона которых выражена недостаточно» [Брызгунова, 1980: 98–99]. Однако и условия обязательности ПЧ, и его вариативность на материале русского языка изучены недостаточно. К сожалению, нам не удалось найти обстоятельного анализа этого важного для описания ПЧ разграничения, хотя возможно, что в неявной форме оно признается и проявляется в исключительном внимании исследователей к феномену темпорального паузирования звучащего текста.

Действительно, необходимость правильного интонационного членения текста с помощью физических пауз, например в автоматическом синтезе речи, обусловлена тем, что физические паузы как яркое средство реализации ПШ принимают участие в передаче определенных синтаксических и смысловых отношений, часто выступая в функции смысловоразличения, а при восприятии звучащего текста слушающему необходимо иметь определенные временные ресурсы для того, чтобы текущим образом производить лингвистическую обработку текста и отдельных предложений в нем, запоминать ее результаты и строить смысловую текстовую структуру. Процесс такой обработки и понимания текста значительно облегчается при наличии физических пауз [Кривнова, Чардин, 1999].

Наряду с темпоральными паузами в русскоязычной литературе анализируются различные фонетические и нефонетические корреляты просодических швов, которые будут описаны ниже в основном на материале работ по автоматическому синтезу речи, для которого необходимы эксплицитные алгоритмы задания локализации и акустической реализации ПЧ.

Текстовая локализация ПШ фразового уровня составляет одну из главных задач лингвистической предобработки письменного текста в целях его последующего озвучивания. В ходе ее решения для каждого предложения в тексте необходимо определить нейтральный вариант ПЧ и соответствующий ему вариант физической реализации, в частности физической паузации. Для этого надо уметь находить в тексте те контексты и ситуации, в которых на интонационной границе⁴, коррелирующей с синтаксической, появляется физическая пауза, и уметь оперировать ее длительностью. В конечном итоге нужно научить систему синтеза составлять в любом письменном тексте, по крайней мере те просодические границы, которые сопровождаются всегда или в подавляющем большинстве случаев (в чтении разных людей) физическими паузами и уметь задавать их длительность [Кривнова, Чардин, 1999].

В дальнейшей части обзора Раздел 1 будет посвящен нефонетическим коррелятам ПШ в письменном тексте, а раздел 2 – фонетическим средствам реализации ПШ в звучащем тексте.

1. Нефонетические корреляты просодических швов в тексте

1.1. Просодически значимые маркеры ПШ в письменном тексте

Согласно имеющимся экспериментальным данным, в письменном тексте границы самых крупных просодических составляющих однозначно коррелируют с границами абзацев и при этом всегда оформляются при помощи физических пауз и других просодических средств [Светозорова, 2000: 120; Чардин, 1999: 66].

Первичное грубое членение текста при синтезе речи обычно опирается на знаки препинания (ЗП). Это естественное решение, так как в письменном тексте ЗП выступают в качестве формальных показателей сег-

⁴ В русскоязычных публикациях по синтезу речи авторы, в отличие от зарубежных коллег, вместо термина и понятия «просодический шов» используют термин «интонационная граница», часто отождествляя к тому же это понятие с паузой. На наш взгляд, желательно все-таки придерживаться более четкого и однозначного употребления этих базовых терминов.

ментирующей силы словоразделов (word boundary strength), и при этом они не только членят текст на когерентные фрагменты, но и указывают в определенной степени на их относительный иерархический статус, т. е. выполняют в письменном тексте функцию, аналогичную просодическим швам в устной речи. Соответствующая процедура реализована в программе русскоязычного синтеза «Мультифон» [Цирульник, Лобанов, Сизонов, 2008], в системе синтеза речи по тексту «Оратор» [Вольская и др., 2005] и «Vital Voice» [Хомицевич, Соломенник, 2010] (две последние – разработки компании «Центр речевых технологий»), в «Открытом корпусе» [Бочаров и др., 2012], системах «Агафон» [Захаров, Зиновьева, Кривнова, 1995], «Агафья» и др.

По данным [Иомдин, Лобанов, 2009], некоторый знак препинания соответствует концу просодической синтагмы в 90% случаев. Н.Д. Светозарова разделяет знаки препинания по контекстам их употребления на три группы:

- внешние («.»⁵, «?», «!», «...») и их комбинации, то есть ЗП, соответствующие границе самостоятельного предложения,
- внутренние («:», «;», «–», «,—») и
- {без названия} («запятая, парные тире и скобки»).

По имеющимся данным каждая группа ЗП соотносится с паузами различной длительности [Светозарова, 2000: 124]. Так, пауза при внешних ЗП («.», «?», «!», «...») имеет большую длительность, чем при внутренних («:», «;», «–», «,—»), и возникает в 99% случаев [Чардин, 1999: 66], а запятая, парные тире и скобки соответствуют наименьшей паузе [Светозарова, 2000: 124].

Несколько иная классификация знаков препинания представлена в [Лобанов, 2010]. В соответствии с реализацией пауз различной длины Б.М. Лобанов выделяет следующие группы ЗП и других графических маркеров (длительность пауз по убыванию):

- «суперабзац» между параграфами, главами (пауза 2–5 сек);
- абзац (1–2 сек);
- знаки конца предложения [.], [. –], [...], [... –], [!], [! ...], [!!!], [?], [? –], [?!] (0,5–1 сек);
- части сложного предложения [()], [– / –], [;], [:], [–] (0,2–0,5 сек);

5 В данную группу не включается точка при сокращениях. Случаи, когда знак (прежде всего точка) не соответствует концу предложения, рассматриваются в [Кудинов и др., 2011; Ровинская, 2000].

- запятая при отсутствии паузы или крайне незначительной ее длительности (0–0,2 сек).

В группу графических маркеров можно также отнести заголовки (подзаголовки) и кавычки: «[«], [»] – знаки цитации или иронии» [Лобанов, 2010].

Следуя вышеизложенным наблюдениям, на основе графики абзацев и внешних ЗП при первичной просодической разметке текста могут быть выделены крупные просодические составляющие (фразы⁶, фоноабзацы)⁷. Гораздо сложнее проблема членения письменного текста на просодические синтагмы и интонационные фразы, и именно ей посвящена значительная часть существующей русскоязычной литературы. В частности, отмечается, что локализация ПШ далеко не всегда совпадает с просодической границей и наоборот. Например, ЗП при вводных словах чаще не соответствует просодической границе, чем соответствует ей [Чардин, 1999: 66–67]. Обычно при озвучивании текста не выделяются паузами краткие графически обособленные конструкции *конечно, может быть* [Чистиков и др., 2014: 28], «частица *мол* “снимает” запятую» [Светозарова, 2000: 125] и т. п. Запятую снимают обычно и одиночные обращения, например: *Здравствуйте, ребята!*

1.2. Когнитивный и физиологический факторы просодического членения

Помимо графических маркеров обязательного / факультативного ПЧ в тексте, многие исследователи обращают внимание на наблюдаемые ограничения в фонетической длине просодической синтагмы. В частности, отмечается, что пауза обязательна в любой фразе, содержащей более 8 слов. Кроме того, имеется тенденция к уменьшению количества пауз во фразе, включенной в контекст, по сравнению с изолированным произнесением той же фразы [Дозорец, 1971]. Существенную роль для предсказания наличия или отсутствия ПШ может играть расстояние между просодическими границами в графических и фонетических словах, и длительность предыдущего и последующего отрезков относительно данной точ-

⁶ Определенную проблему при автоматическом определении границ предложений представляют омонимичные знаки препинания, к примеру, точка в обозначениях даты и времени, при сокращениях, многоточие, обозначающее пропуск части текста. В этих случаях существенно улучшить качество просодической сегментации позволяет статистический подход [Урюпина, 2008].

⁷ О проблеме разбиения на графические слова в связи с использованием графических знаков в письменном тексте см. [Бочаров и др., 2012].

ки [Светозарова, 2000; Цирульник, Лобанов, Сизонов, 2008; Хомицевич, Соломенник, 2010].

Традиционно считается, что существенным фактором, влияющим на ПЧ, является дыхательный ритм: средняя частота дыхательных пауз в речи составляет 16–20 в минуту [Потапова, Блохина, 1986], следовательно, в среднем после отрезка речи длиной 3–3,75 секунд можно ожидать появление ПШ с дыхательной паузой.

Однако Л.Р. Зиндер пишет в связи с этим: «Человек, у которого органы речи находятся в нормальном состоянии <...>, делает вдох во время пауз между теми или иными синтаксическими единицами, определяющимися смыслом речи. Механизм дыхания предоставляет для этого широкие возможности благодаря постоянному наличию в легких достаточного запаса воздуха, позволяющего при необходимости значительно продлить время фонации» [Зиндер, 1979: 277]. Этот вывод подтверждается и экспериментально, так что в современной фонетике принята точка зрения, согласно которой дыхание пассивно подстраивается под интонационно-смысловые паузы, которые возникают в процессе развертывания высказывания по независимым от потребностей дыхания причинам. Это, однако, не совсем так, учитывая ограничения на длину просодических синтагм и фраз, которые, возможно, связаны с когнитивно-физиологическими механизмами речи [Кривнова, 2007].

В разработках по синтезу речи в алгоритмах ПЧ при отсутствии знаков препинания в длинном текстовом фрагменте определяется количество фонетических слов в нем. Если их достаточно много, то в таком фрагменте необходима дополнительная внутренняя граница, разделяющая фрагмент на просодические синтагмы. Длина последовательности знаменательных / фонетических слов, внутри которой постулируется необходимость просодической границы, определяется разными исследователями по-разному:

- 6 [Светозарова, 2000: 125];
- «более 4 слов» [Цирульник, Лобанов, Сизонов, 2008];
- более 5 слов для системы паузации «Оратор» [Хомицевич, Соломенник, 2010].

На конкретном материале со статистическими данными этот вопрос исследован в работах О.Ф. Кривновой [Кривнова, 1989; Кривнова, 2007]: «Вероятность появления интонационной паузы без вдоха растет с увеличением длины речевого отрезка, предшествующего паузе. По нашим данным, полученным на материале связной речи, 70% текста покрывается

интонационными фразами (ИФ) длиной от 2 до 6 полнозначных слов. В то же время максимальная длина ИФ в нашем материале составляет 10–12 графических слов, считая служебные» [Кривнова, 2007: 122].

1.3. Лексические и грамматические маркеры (сигналы) просодического членения в тексте

Аналогично знакам препинания некоторые лексемы также задают границы просодических синтагм и фраз или, наоборот, их отсутствие. Последнее характерно для служебных / функциональных слов⁸, которые образуют закрытый список и к тому же очень частотны. Словоразделы между ними и знаменательными словами в звучащем тексте практически никогда не маркируются просодическими швами: *на=столе, о=погоде, Таня=же*» [Светозарова, 1982: 125].

Невелика вероятность просодической границы после союзов и вводных слов, даже в том случае, когда за ними следует запятая [Лобанов, Гецевич, 2011]. Однако в целом принадлежность слова к определенной части речи влияет на вероятность появления после него ПШ в значительно меньшей степени, чем наличие знака препинания на словоразделе [Лобанов, Гецевич, 2011].

В качестве потенциальных лексических и грамматических маркеров ПШ между просодическими синтагмами при отсутствии ЗП разными авторами выделяются:

- союзы *и, да, или* (граница ставится перед ними) [Светозарова, 2000: 125; Цирульник, Лобанов, Сизонов, 2008; Лобанов, Гецевич, 2011];
- личная форма глагола: «пауза ставится перед личной формой глагола или на одно (два) слова левее», если эти слова зависят от формы глагола [Светозарова, 2000: 125];
- предложная группа (граница ставится перед ней) [Светозарова, 2000: 125];
- последнее из следующих подряд имен собственных (граница после него) [Цирульник, Лобанов, Сизонов, 2008];
- аббревиатуры (граница после) [Цирульник, Лобанов, Сизонов, 2008];

⁸ Согласно так называемому *chunks 'n' chinks-алгоритму*, предложенному для расстановки интонационных границ в английском тексте, минимальная просодическая группа выделяется как последовательность функциональных (function) слов (chinks), за которой следует последовательность знаменательных (content) слов, (chunks) [Liberman and Church, 1992].

- названия разрядов чисел (граница после) [Цирульник, Лобанов, Сизонов, 2008];
- названия месяцев, слов «час, минута» при расшифровке даты и времени (граница после) [Цирульник, Лобанов, Сизонов, 2008];
- фразеологические словосочетания (*краеугольный камень, брать в свои руки, душа в душу* и т. п.), внутри них нет просодического шва. Сюда же может быть отнесена большая группа словосочетаний, не являющихся фразеологизмами, но по многим параметрам эквивалентных слову. В [Рогожникова, 1991] такие словосочетания определяются как «устойчивые сочетания, характеризующиеся «целостностью значения, преимущественно постоянной, неизменной формой», в речевом потоке имеющие «обычно одно словесное ударение» [Иомдин, Лобанов, Гецевич, 2011: 4]. Ср. например, такие употребительные выражения, как *«вот что; ничего себе; вместе с тем* и многие другие».

Как нетрудно видеть, лексико-грамматические маркеры ПЧ образуют весьма пеструю группу. При синтезе речи по тексту они определяются эмпирическим путем и задаются списком [Лобанов, 2008]. К сожалению, никакой статистики, подтверждающей указанные выше эмпирические наблюдения, авторы разработок по синтезу речи не приводят.

Относительно союзов *и, или* дополнительно отмечается, что они бывают «открывающими» в словосочетаниях типа *и то, и другое, и третье*. Другие союзы (*или / да / либо / ни / то / не то / то ли*) также могут исполнять открывающую роль – при итерации [Окатьев, Ерехинская, Ратанова, 2010]. В этих случаях союз не выступает в качестве маркера просодической границы.

Словораздел, являющийся потенциальным местом ПШ во всех случаях, рассмотренных выше, соответствует одновременно концу текстового фрагмента слева и началу некоторого фрагмента справа. Эксплицитных данных о том, какой из описанных маркеров важнее или же важна комбинация характеристик левого и правого контекстов словораздела, в литературе, посвященной просодическому членению в русском языке, обнаружить не удалось. В психолингвистике считается более значимой маркировка конца, так как это больше соответствует инкрементной стратегии порождения речи вне условий полного знания конца создаваемого / произносимого предложения, тот же результат получен в [Sanderman, 1996].

Ситуация в устной спонтанной речи несколько иная: здесь в качестве дополнительных пограничных маркеров могут выступать дискурсивные

частицы *вот, как бы, ага, ну и вот*; границы в этом случае могут оформляться с одной стороны или же с обеих сторон частиц, в последнем случае образуя отдельное высказывание [Рыко, Степанова, 2009; Коротаев, 2009].

1.4. Структурные синтаксические показатели просодических границ при отсутствии знаков препинания и лексико-грамматических маркеров

Д.Э. Розенталь сформулировал некоторые синтаксические правила для расстановки ПШ в тех местах предложения, где знаки препинания отсутствуют [Розенталь, 1994]:

- между группой подлежащего и группой сказуемого;
- после обстоятельственных слов, обычно со значением места, времени, причины;
- после дополнений, стоящих в начале предложения;
- перед союзом *и*, если при трех и более однородных членах он объединяет два последних.

В литературных источниках на основе анализа морфосинтаксической структуры текста и просодических наблюдений выделяются определенные «грамматико-смысловые словосочетания / синтаксические группы», внутри которых, как правило, не может находиться граница просодической синтагмы. В частности, единую синтаксическую и просодическую группу, по данным Б.М. Лобанова, известного специалиста по синтезу речи, составляют:

- согласованное определение и следующее за ним существительное,
- наречие с последующим инфинитивом,
- глагол и следующий за ним инфинитив и многие другие [Лобанов, 2008].

Иначе говоря, в группу бинарных словосочетаний со словоразделом, никогда не маркируемым просодически, включаются пары слов, находящихся в непосредственном линейном контакте и тесно связанных по смыслу и синтаксически.

В системе *Мультифон* паузы определенной длины расставляются на основе полной морфосинтаксической разметки предложения (полное ли-неаризованное дерево зависимостей). Дерево строится при помощи программы автоматического синтаксического анализа ЭТАП-3, а в синтезе речи по тексту с его использованием устанавливаются синтагматические

просодические границы и эмфатически выделенные элементы [Иомдин и др., 2011].

В работе [Хомицевич, Соломенник, 2010] описан алгоритм расстановки пауз на границах просодических синтагм⁹ в системе синтеза «Vital Voice» (разработка компании «Центр речевых технологий»). В текстовых фрагментах без знаков препинания анализируются синтаксические зависимости. Дерево зависимостей не строится полностью, но выявляются часто встречающиеся синтаксические сочетания на основе следующей информации:

- частеречной принадлежности слов,
- их дополнительных грамматических характеристик,
- некоторых семантических признаков слов.

Между всеми словами текстовой последовательности устанавливаются синтаксические связи двух типов: те, которые могут быть разорваны, и те, которые не могут быть разорваны (например, связи в последовательностях предлог + существительное, согласованное определение + существительное разорваны быть не могут).

Определенные синтаксические группы и грамматические классы слов обрабатываются специальными алгоритмами паузирования. К ним относятся:

- однородные члены предложения (например, «пять, шесть или семь»);
- обозначения дат, времени (например, «двадцатого мая две тысячи десятого года»);
- неразрывные идиоматические последовательности («задом наперед», «бог весть» и т. п.);
- вводные слова («например», «наверно», «в частности» и т. п.);
- междометия («ну», «ах» и т. п.);
- обращения (например, «до свидания, господа»);
- сложные предлоги, энклитики, послелоги, союзы («несмотря на», «спустя», «уж», «бы» и т. п.);

Пауза потенциально ставится там, где синтаксические связи или связь может быть разорвана, по мнению авторов данной системы. При этом учитывается также длина получившихся отрезков: к примеру, считается, что получившаяся часть не может состоять из одного слова [Хомицевич, Соломенник, 2010].

⁹ В данной системе синтеза паузы всегда соответствуют синтагматическим границам, поэтому они употребляются в указанной статье как синонимы.

В.И. Подлесская на материале анализа речевых данных, представленных в различных корпусах русского языка, (вслед за [Croft, 1995]) отмечает, что границы просодических и синтаксических составляющих в русских предложениях часто не совпадают: так, в синтаксических конструкциях с относительными придаточными определяемое слово синтаксически связано с придаточным, а просодическая граница находится обычно между ними [Podlesskaya, 2012]. При этом вероятность просодической границы между опорным словом главного предложения и зависимым от него придаточным зависит от типа придаточного (границы чаще фиксируются, а паузы бывают более длительными перед относительными придаточными (RC), чем перед придаточными других типов) [Коротаяев, 2009а]: “pausation patterns convincingly demonstrate the strong prosodic break on the left edge of RSc” [Podlesskaya, 2012: 534], при этом “discontinuous RCs and RCs with the pipe-piping effect can aggravate the separation of the relative clause from the head noun both syntactically and prosodically” [Podlesskaya, 2012: 535].

1.5. Статистические методы предсказания просодических границ в автоматическом синтезе речи

Автоматическое предсказание просодических границ в тексте по экспертным, лингвистическим правилам с использованием определенных текстовых ключей, о которых шла речь выше в разделах 1.1–1.5, даже при ограничении достаточно простыми текстами и нормами золотого произносительного стандарта затруднено при синтезе речи по тексту следующими принципиальными особенностями русского языка:

- свободным порядком слов;
- богатой словоизменительной морфологией и, следовательно, сложностью автоматической морфологической и синтаксической разметки текста перед его озвучиванием;
- наличием значительного числа омонимов и омографов [Khomitsevich, Chistikov, 2013].

Указанные особенности русского языка привели разработчиков синтеза русской речи к необходимости применения статистических методов при создании алгоритмов разбиения синтезируемого текста на просодические составляющие. При этом были выделены следующие группы информативно и статистически значимых текстовых признаков – предикторов локализации просодических границ:

- пунктуационные;

- количественные (число слов / слогов в просодической единице);
- грамматические: частеречная принадлежность, падеж, имя собственное / нарицательное, наличие согласования между соседними словами (каждый признак анализируется для данного слова, а также двух предшествующих и двух последующих).

Отмечается, что просодическое членение часто вариативно: для трех дикторов совпадение границ составляет лишь около 70% [Khomitsevich, Chistikov, 2013]. При этом неверно считать, что просодические швы должны быть только в местах полного совпадения – в этом случае их будет слишком мало. Еще сложнее определить необходимую длительность для каждой из граничных пауз [Khomitsevich, Chistikov, 2013]. Алгоритмы, использующие вероятностно-статистические модели ПЧ, дают, по мнению разработчиков синтеза, более адекватный результат предсказания текстовой локализации ПШ по сравнению с алгоритмами, основанными на правилах [Dutoit, 1997].

Таким образом, при решении прикладных задач синтеза речи по тексту «самые перспективные алгоритмы и правила базируются на статистических моделях, параметры которых определяются по размеченному текст-фонетическому речевому корпусу. Идеальным вариантом для учета многофакторной природы просодического членения является такая база данных, которая содержит информацию, статистически значимую по объему, а список учитываемых параметров включает все значимые факторы (смысловой, синтаксический, ситуационный, психофизиологический)» [Кривнова, Чардин, 1999: 101].

2. Средства фонетической реализации просодических границ

Просодическому шву в речевом сигнале может соответствовать или не соответствовать физический перерыв, обусловленный перерывом в артикуляции, и явления резкой смены тональных и других просодических характеристик (количественно-динамических, фонационных, артикуляционных) на соответствующем словоразделе или в его окрестности, на краях пограничных просодических составляющих. В этой связи Л.К. Цеплитис [Цеплитис, 1974] предложил отграничивать от темпоральных пауз нетемпоральные, то есть такие, в реализации которых нет перерыва в артикуляции. В последнем случае термин «пауза» и даже более подходящий вариант «перцептивная пауза» представляются весьма неудачными, поскольку речь идет именно о беспаузальной реализации ПШ.

Четко сформулировать, какие именно контрасты интенсивности, ЧОТ и длительности создают обязательный эффект нетемпоральной паузы, пока не удалось. При этом просодический контраст воспринимается как разрыв плавности звучания только в тех точках текста, которые разрешаются интонационным членением, т.е. там, где локализован ПШ как абстрактный маркер просодической границы [Каспарова, 1965].

В [Кибрик, Кодзасов, Худякова, 2009] выделяются следующие фонетические параметры, которые значимы для слушающего и могут быть использованы при детектировании и идентификации просодических швов в звучащем тексте и их акустической реализации в случае автоматического синтеза речи:

- наличие физических пауз, «в том числе абсолютных и заполненных», а также их длительность;
- синтаксические акценты, прежде всего тональные (между двумя такими акцентами обычно наличие ПШ);
- некоторые значимые движения тона за пределами акцентов, в частности, граничные тоны;
- квазисегментные явления (ларингализация, придыхание) и элементы речевого дыхания);
- изменение тонального регистра (возвращение на базовый уровень, т.н. resetting);
- замедление темпа произнесения перед ПШ (финальное продление), ускорение после него;
- уменьшение интенсивности перед ПШ, увеличение после;
- особенности фонетической реализации фонем (отсутствие редукции в конечных открытых слогах);
- эмфатическая просодия [Кибрик, Кодзасов, Худякова, 2009].

В качестве наиболее очевидного пограничного сигнала в литературе и соответствующих исследованиях выделяются темпоральные (физические) паузы¹⁰ (подробный обзор вопросов, связанных с паузированием при автоматическом синтезе речи, см. [Чардин, 1999]). Паузы подразделяются на грамматические (имеющие отношение к смыслу и синтаксису предложения) и неграмматические (хезитационные и выделительные) [Светозарова, 1982].

¹⁰ Как уже было сказано выше, зачастую в литературе это слово употребляется не терминологически, а как синоним любой просодической границы, что, на наш взгляд, нежелательно, так как приводит к терминологической путанице.

Собственно паузы (темпоральные или чем-то заполненные) не являются обязательным коррелятом границы просодических синтагм, но очень вероятны на границах предложений [Коротаев, 2009]. Вероятность наличия паузы в качестве средства реализации ПШ повышается при произнесении предшествующих просодических синтагм без пауз между ними [Коротаев, 2009]. Особую группу физических пауз представляют собой **дыхательные паузы (ДП)** – это интонационно-смысловые паузы с включенным в них вдохом (при этом физиологически обусловлена необходимость включения вдоха в некоторые темпоральные интонационные паузы, но не сами по себе дыхательные паузы).

Длительность темпоральных пауз коррелирует с глубиной членения [Гвоздев, 1949]. Интервал длительностью от 3 до 25 мс воспринимается аудитором как помеха; от 25 до 100 мс – как нарушение в звучании, но не пауза [Каспарова, 1971]. Достаточно надежное восприятие паузы в речевом сигнале происходит при длительности 150–200 мс. Среднее значение длины паузы в мс для внутренних пауз меньше, чем для пауз на границах предложения, и для последних – меньше, чем для пауз на границах абзацев [Чардин, 2009]; паузы длительностью от 60 до 600 мс маркируют межсинтагменные границы; от 600 до 1800 мс – межфразовые [Потапова, Блохина, 1986]¹¹. Перцептивно особенно важны паузы с длительностью не менее 200 мс: в области значений длительности пауз от 200 до 300 мс находится значимая категориальная граница, разделяющая поверхностно-артикуляторные паузы, отражающие ритмические швы, и паузы, являющиеся «рефлексом глубинных пауз-остановок в работе фонетического процессора», типичные для собственно интонационных швов [Кривнова, 2015].

Предпочтительное (но не единственное) место дыхательных пауз – конец предложения или конец клаузы внутри предложения [Шейкин, 1966; Златоустова, 1968; Дозорец, 1971]. Эта тенденция взаимодействует с когнитивными характеристиками дикторов, при этом в организации речевого дыхания отражается иерархическая структура текстовых единиц; вероятность вдоха уменьшается на границах текстовых фрагментов следующим образом: абзац (100%), самостоятельное предложение внутри

¹¹ Одной из основных причин вариативности в перцептивной категоризации длительности пауз является темп речи. Ее уменьшение достигается переводом абсолютной длительности пауз в относительную. При чтении длительность краткой паузы (между интонационными фразами) соответствует длительности фонетического слова.

абзаца (94%), клауза внутри предложения (65%), компонент внутри клаузы (34%); варьируется и длительность ДП (10 – 5 – 3 – 3 слога соответственно) [Кривнова, 2014: 52–53, 57]. При этом текстовая локализация дыхательной паузы (ДП) является главным фактором, определяющим ее длительность, а значимых корреляций между длительностью ДП и такими факторами, как длина последующей и предшествующей дыхательной группы и длительность предшествующей ДП, в экспериментах не обнаружено [Кривнова, 2014: 57–58].

Интересно отметить, что ДП с разной текстовой локализацией имеют не только разную длительность, но также и различное акустико-физиологическое наполнение (носовой вдох, ротовой вдох, сглатывание) и разную интенсивность дыхательного шума [Кривнова, 2014: 54, 59–60].

В качестве физического показателя просодической границы может выступать удлинение конечных гласных последнего слова в синтагме [Потапова, Блохина, 1986; Качковская, 2015].

Другой возможный показатель – просодическая акцентуация или так называемое синтагматическое и фразовое ударение в русской фонетике. По мнению Л.В. Щербы, объединение слов в синтагме достигается «легким усилением последнего ударения и той или другой выразительной интонацией, объединяющей все это в единое целое» [Щерба, 1957: 87]. Он же говорит об иерархии разных типов объединяющих метрических схем, выстраивая их в следующем порядке: ритмическое ударение – синтагматическое ударение – фразовое ударение. Таким образом, важен не только факт локального наличия просодического акцента на конечном слове синтагмы, а создание метрического контраста между словами в синтагме, который функционирует как интегрирующая просодическая схема.

Эксперименты на русском материале показывают, что почти в 90% случаев граница просодической синтагмы в прозаическом тексте находится сразу после акцентированного слова [Иомдин, Лобанов, 2009]. Поэтому достаточно часто, особенно в англоязычной просодической литературе, такое слово называют носителем ядерного (nuclear) синтаксического акцента [Selkirk, 1984]. «Остальные 10% акцентных выделений, не совпадающих с концом синтагмы, приходится на индивидуальную, синтаксически немотивированную установку границы синтагмы после неакцентированного слова» [Иомдин, Лобанов, 2009: 347]: *Полтора часа *назад | из *Вены пришло *сенсационное *известие |, которое грозит *крупным международным *скандалом | и должно *повлиять | на судьбу*

*арестованного в *Австрии | сотрудника || международного управления *РосКосмоса |||*¹². “

Таким образом, хотя и не любое выделенное слово сигнализирует о просодической границе, но если граница есть, то в 90% случаев перед ней находится просодически акцентированное слово, по крайней мере в выразительной репродуцированной речи. Метрическая вершинность конечного, предграницного синтагматического / фразового ударения (синтаксического акцента) нарушается только в синтагмах с сильно выделенными смысловыми акцентами. Однако, как показала Т.М. Николаева [1982, 2000], полной нейтрализации синтагматического/фразового ударения не происходит: в границах синтагмы/фразы могут сосуществовать оба функциональных типа фонетического выделения. Интересно отметить, что по экспериментальным данным [Кривнова, 1995] средняя плотность сильных словесных ударений в прозаическом тексте равна 2,8, т. е. одно ударение на три фонетических слова, что хорошо согласуется с универсальными эвритмическими требованиями и предпочтением ямбического типа ритма. Это можно рассматривать как свидетельство влияния ритмического фактора на формирование просодического членения в прозе.

3. Заключение

Обзор имеющихся в русскоязычной литературе данных показывает, что состав и взаимодействие факторов, влияющих на текстовую локализацию ПШ и их фонетическую реализацию, изучены недостаточно полно, даже для текстов, озвученных в режиме чтения. На сегодняшний день выявлены лишь определенные тенденции, а не закономерности, но и для них нет строгого, формализованного и статистически достоверного описания текстовых ключей для автоматической расстановки интонационных границ и пауз. Недостаточно также накоплено и статистических данных, которые позволяли бы отделять нормативное (нейтральное) прочтение текста от допустимого (не нейтрального) или же ошибочного. Существует явная потребность в проведении специальных исследований интонационно-смыслового членения и паузирования в русском языке, ориентированных на задачи автоматического синтеза и распознавания речи, а также обучения носителей языка выразительной речи. Представ-

¹² (знаком «|||» обозначен конец предложения, «||» – пауза между синтагмами, «|» – беспаузальная граница между синтагмами, «*» – просодически выделенные слова).

ляется интересным опробовать на материале русского языка наиболее успешные из эвристических подходов, применяемых в системах синтеза для иностранных языков, оценить доступность технологической базы, необходимой для создания аннотированных речевых корпусов и использования статистических методов.

Намечая перспективные направления дальнейших исследований, нужно отметить, что состав факторов, оказывающих влияние на ПЧ при чтении текста, можно считать достаточно хорошо установленным: большинством исследователей признается, что интонационное членение и использование пауз для маркировки его границ мотивировано семантически, синтаксически и фонетически, а также до некоторой степени определяется когнитивными и физиологическими причинами. Однако вопрос о том, каков относительный вес этих факторов и как они взаимодействуют между собой, по-прежнему остается открытым: результаты исследования корреляции между параметрами пауз и факторами, определяющими паузирование, нельзя считать полными и удовлетворительными [Кривнова, Чардин, 1999].

Возможно, основные усилия должны быть направлены на определение параметров, задающих «автоматические синтаксические паузы» [Goldman-Eisler, 1961], то есть такие, использование которых достаточно жестко регулируется правилами, так что паузальное оформление текста у разных чтецов будет одинаковым.

Список литературы

- Бочаров В. В., Алексеева С.В., Грановский Д.В., Остапук Н.А., Степанова М.Е., Суриков А.В. Сегментация текста в проекте «Открытый корпус» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2012.
- Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Вольская Н., Коваль А., Коваль С., Опарин И., Погарева Е., Скрелин П., Смирнова Н., Таланов А. Синтезатор русской речи по тексту нового поколения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог'2005» (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.). Под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М., 2005. С. 234–237.
- Дозорец Ж.А. Эксперимент по определению связи между ритмом дыхания и паузами в речи // Уч. записки МГПИ. № 423. М., 1971.
- Гвоздев А.Н. О фонологических средствах русского языка. М., 1949.

- Жарков И.В., Слободянюк С.Л., Светозарова Н.Д.* Автоматический акцентно-интонационный транскриптор произвольного русского текста // Бюллетень фонетического фонда русского языка. 1995. № 3. Бохум; СПб., 1995. С. 58–70.
- Захаров Л., Зиновьева Н., Кривнова О.* Программный синтез русской речи (синтезатор АГАФОН) // Труды междунар. семинара Диалог'95 по компьютерной лингвистике и ее приложениям / Под ред. А.С. Нариньяни. М., 1995.
- Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. М., 1979.
- Златоустова Л.В.* Некоторые замечания о речевом дыхании // Исследования по речевой информации. М., 1968.
- Иомдин Л.Л., Лобанов Б.М.* Синтаксические корреляты просодически маркированных элементов предложения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конференции «Диалог». М., 2009.
- Иомдин Л.Л., Лобанов Б.М., Гецевич Ю.С.* Говорящий «ЭТАП»: Опыт использования синтаксического анализатора системы ЭТАП в русском речевом синтезе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2011.
- Каспарова М.Г.* О механизме речевой паузы. Сообщение II. Восприятие паузы при «непрерывном» звучании речи // Новые исследования в педагогических науках. 1965. №3. С. 154–155.
- Каспарова М.Г.* О речевой паузе // Исследование языка и речи. Уч. записки МГПИИЯ им. М. Тореца. № 60. М., 1971. С. 146.
- Качковская Т.В.* Взаимодействие сегментных и просодических факторов, влияющих на степень и локализацию предпаузального удлинения в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015.
- Кибрик А.А., Кодзасов С.В., Худякова М.В.* Просодическая транскрипция: уровни детализации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2009.
- Кодзасов С.В., Архипов А.В., Захаров Д.М., Кривнова О.Ф.* База данных «Интонация русских информационных текстов» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2008.
- Кодзасов С.В., Архипов А.В., Захаров Л.М., Кривнова О.Ф.* База данных «Интонация русских повествовательных текстов» // Компьютерная

- лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2009.
- Коротаев Н.А.* Отсутствие пауз на границах элементарных дискурсивных единиц: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2009.
- Коротаев Н.А.* Синтаксис и просодия в системе средств дискурсивной связности текста: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009а.
- Кривнова О.Ф.* Автоматический синтез русской речи по произвольному тексту (2-я версия с женским голосом) // Труды междунар. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог'98». Таруса, 1998.
- Кривнова О.Ф.* Временная структура синтагмы в связном тексте // Экспериментальный фонетический анализ: проблемы и методы. Л., 1989.
- Кривнова О.Ф.* Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Труды междунар. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог'98». «Диалог» (Москва, 27--30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). М., 2015.
- Кривнова О.Ф.* Научная речь как объект и материал фонетического исследования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 6. С. 57–70.
- Кривнова О.Ф.* Общая фонетическая картина дыхательных пауз в репродуцированной русской речи (на материале чтения) // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности С.К. Пожарицкой. М., 2010. С. 61–70 (*Вопросы русского языкознания*. Т. 13).
- Кривнова О.Ф.* Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связном тексте // Проблемы фонетики II. М., 1995. С. 228–238.
- Кривнова О.Ф.* Речевое дыхание: локализация и фонетические характеристики дыхательных пауз в репродуцированной речи // Проблемы фонетики VI. М., 2014.
- Кривнова О. Ф.* Ритмизация и интонационное членение текста в процессе «речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования) М., 2007.
- Кривнова О.Ф.* Смысловая значимость просодических швов в связном тексте // Проблемы фонетики III. М., 1999.

- Кривнова О.Ф.* Фактор речевого дыхания в интонационно-паузальном членении речи // «Лингвистическая полифония»: Юбилейный сб. к 70-летию проф. Р.К. Потаповой. М., 2007.
- Кривнова О.Ф., Чардин И.С.* Паузирование при автоматическом синтезе речи // Теория и практика речевых исследований (АРСО-99). М., 1999.
- Кудинов А.С., Ворopaев А.А., Калинин А.Л.* Высokоточный метод распознавания концов предложений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2011.
- Лобанов Б.М.* Алгоритм сегментации текста на синтаксические синтагмы для синтеза речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2008.
- Лобанов Б.М.* Пунктуационная структура художественных произведений и ее роль в синтезе выразительной речи по тексту // Труды Междунар. конф. «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» («Диалог'2010»), 26–30 мая 2010. М., 2010.
- Лобанов Б.М., Гецевич Ю.С.* Статистические характеристики синтагматического членения предложений в приложении к синтезу выразительной речи по тексту // Труды Междунар. конф. «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» («Диалог'2011»), Бекасово 25–29 мая 2011. Вып. 10 (17). М., 2011.
- Лобанов Б.М., Цирульник Л.И.* Автоматизация анализа просодических характеристик для экспериментальных исследований и синтеза речи по тексту // Второй междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» АР³-2008, 27–28 августа 2008 года. СПб., 2008.
- Николаева Т.М.* О существующих принципах отбора речевого материала при исследовании фразовой интонации // Русская разговорная речь. Саратов, 1970.
- Николаева Т.М.* О синтаксических отношениях единиц интонационного уровня и о соотношении фразовой интонации и синтаксиса языка // Теоретическая фонетика и обучение произношению. М., 1975.
- Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева Т.М.* Смысловое членение текста и его индивидуальные варианты // *Semiotyka i struktura tekstu*. Warszawa, 1973.
- Николаева Т.М.* От звука к тексту. М., 2000.
- Окатьев В.В., Ерехинская Т.Н., Ратанова Т.Е.* Тайные знаки пунктуации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2010.

- Подлесская В.И., Кибрик А.А.* Речевые сбои и затруднения // Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009. С. 177–218.
- Потапова Р.К.* Просодические характеристики макросегментации слитной речи // Экспериментальная фонетика / Под ред. Л.В. Златоустовой. М., 1989.
- Потапова Р.К., Блохина Л.П.* Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. М., 1986.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Речевая коммуникация. От звука к высказыванию. М., 2012.
- Продан А.И., Корольков Е.А., Опарин И.В., Таланов А.О.* Особенности использования многоуровневой разметки звукового корпуса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2009.
- Ровинская М.* Точка как проблема // Материалы Междунар. конф. «Диалог». М., 2000.
- Рогожникова Р.П.* Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М., 1991.
- Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.
- Рыко А.И., Степанова С.Б.* Стратегии членения спонтанной речи на синтаксические единицы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2009.
- Светозарова Н.Д.* Роль фразовой интонации в речевой деятельности и возможности ее моделирования // Фонология речевой деятельности. СПб., 2000.
- Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982.
- Урютина О.* Автоматическое разбиение текста на предложения для русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2008.
- Хомицевич О.Г., Соломенник М.В.* Автоматическая расстановка пауз в системе синтеза русской речи по тексту // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2010.
- Цеплитис Л.К.* Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
- Цирульник Л.И., Лобанов Б.М., Сизонов О.Г.* Алгоритм интонационной разметки повествовательных предложений для синтеза речи по текст-

- ту // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2008.
- Чардин И.С.* Проблема паузирования при автоматическом синтезе речи: Дипломная работа. М., 1999.
- Чистиков П.Г., Хомищев О.Г., Рыбин С.В.* Статистические методы автоматического определения мест и длительности пауз в системах синтеза речи // Известия высших учебных заведений. Приборостроение. Т. 57. 2014. № 2 (февраль).
- Шейкин Р.Л.* К механизму возникновения пауз в речи // Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков. М.; Л., 1966.
- Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. М., 1963.
- Dutoit T.* An introduction to text-to-speech synthesis. Dordrecht, 1997.
- Goldman-Eisler F.* The distribution of pause durations in speech // Language and Speech. 1961. Vol. 4. №4.
- Ladd D. Robert* (1986). Intonational phrasing: the case for recursive prosodic structure, *Phonology Yearbook* 3: 311–340.
- Ladd D. R., Campbell N.* Theories of prosodic structure: evidence from syllable duration // Proc. of the 12th Congress of Phonetic Sciences, 1991. Aix-en-Provence, France. P. 290–293.
- Lieberman M.J., Church K.W.* Text Analysis and Word Pronunciation in Text-To-Speech Synthesis // *Advances in Speech Signal Processing*, S. Furui, M.M. Sondhi eds. Dekker, New-York, 1992. P. 791–831.
- Podlesskaya V.I.* Relative clauses in spoken Russian and elsewhere: a corpus approach // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2012.
- Khomitsevich O.G., Chistikov P.G.* Using statistical methods for prosodic boundary detection and break duration prediction in a Russian TTS system // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». М., 2013.
- Sanderman A.* Prosodic Phrasing (production, perception, acceptability and comprehension). Eindhoven, 1996.
- Selkirk E.* Phonology and syntax: the relation between sound and structure. Cambridge, 1984.

Сведения об авторах:

Кривнова Ольга Федоровна, докт. филол. наук, ведущий науч. сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: okrivnova@mail.ru.

Князев Сергей Владимирович, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка МПГУ. E-mail: svknia@gmail.com.

Моисеева Елена Владимировна, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: Imoisseyeva@yandex.ru

Т.В.Кортава

ЯЗЫК И СТИЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУСТОЗЕРСКИХ УЗНИКОВ¹

В острополюемических обличительных произведениях пустозерских сидельцев протопопа Аввакума и дьякона Федора отражена контаминация черт устной проповеди, народно-разговорного и приказного языков, что в сочетании с сознательным опрощением речи и введением в нее зооморфных метафор определяет уникальность данных произведений, которые представляют собой неоценимый источник для изучения особенностей живого народно-разговорного языка XVII в.

Ключевые слова: публицистика писателей-старообрядцев, народно-разговорный язык XVII в., приказный язык, стилистика, морфология.

Subtly polemic accusatory works of Pustozersk inmates protopope Avvakum and Deacon Fedor reflects a contamination of the features of oral sermon, colloquial language and clerk language. In combination with the conscious simplification of speech and integration of zoomorphic metaphors, it defines the uniqueness of these works, which represent an invaluable source for the study of the features of the colloquial language of the XVIIth century.

Key words: Pustozersk, polemic accusatory publicism of the Old Believers writers, the colloquial language of the XVIIth century, clerk language, stylistics, morphology.

Московскую Русь середины XVII в. глубоко потряс раскол русской православной церкви, обозначивший крутой перелом в духовной и культурной жизни общества.

В истории европейских стран эпохи средневековья церковные реформы с жестокими расправами не редкость. В 1572 г. католики во Франции за одну ночь вырезали около 30 тысяч гугенотов. Но если в большинстве случаев попытки реформирования церкви возникали как протест народных масс против церковной власти, поддерживаемой государством, в России церковная реформа была осуществлена сверху – самой государственной властью.

В 1653 г. царь Алексей Михайлович «тишайший» был одержим идеей создания Православной империи. А его «собинный друг» патриарх Ни-

¹ Статья отражает содержание доклада, прочитанного на пленарном заседании Ломоносовских чтений – 2016 (филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 18 апреля 2016 г.).

кон мечтал освободить церковь от власти государства и возвысить ее над оным. Эту задачу он не смог решить и сосредоточил свои силы на исправлении обрядов и книжной справе. Его противники – «ревнители благочестия», во главе с «мятежным» протопопом Аввакумом, – выступали за исправление нравов самого духовенства, которое узурпировало функции светской власти и забыло о миссии Руси как оплоте православия.

Возникнув поначалу в религиозной среде, после Собора 1666 г. раскол принял характер народно-демократического движения. Под его знаменем шли восстания Степана Разина, Емельяна Пугачева и Кондратия Булавина.

Духовные искания сторонников древлеправославной веры нашли свое отражение в старообрядческой литературе, которая, несмотря на «потаненность», оказала заметное воздействие на русского читателя как непосредственно, так и через реминисценции русских писателей XVIII–XX вв.

Под наименованием «пустозерские узники», или «сидельцы», скрываются четыре автора: протопоп Аввакум Петрович Кондратьев, дьякон Федор Иванов, поп Лазарь Романовский и соловецкий инок Епифаний. В Пустозерске, глухом поселении на р. Печора, за Полярным кругом на вечной мерзлоте, в начале XVII в. был построен острог для особо опасных преступников, в котором отбывали долгое «сидение» и приняли мученическую смерть первые вожди старообрядчества.

В обыденном сознании закрепилось упрощенное представление о них как безумных фанатиках. Оно далеко от истины. Нравственный подвиг первых расколоучителей глубоко осмыслил Варлам Шаламов в поэме «Аввакум в Пустозерске» [Шаламов, 1994: 157]:

Наш спор – не в обрядах,
Не в этом вражда.
Для божьего взгляда
Обряд – ерунда.
Наш спор – о свободе,
О праве дышать,
О воле Господней
Вязать и решать.

До пустозерской ссылки никто из узников не имел писательского опыта, но все они были яркими проповедниками, за что и пострадали: 27

августа 1667 г. на Болотной площади иноку Епифанию и попу Лазарю вырезали языки. Чуть позже, 25 февраля 1668 г., дьякону Федору также отрезали язык. А в 1670 г. уже в Пустозерске всем троим вторично резали языки; кроме того, Епифанию отсекали персты правой руки, попу Лазарю – правую кисть, а дьякону Федору рассекли поперек ладонь правой руки. За 14 лет «сидения» они создали около 100 оригинальных произведений, по стилю тяготеющих к демократической публицистике и устной проповеди.

Наиболее плодовитым среди авторов был протопоп Аввакум, что объясняется не только его ярчайшим литературным талантом, но и тем, что он не подвергся в Москве физическому увечью и был самым молодым среди пустозерских сидельцев. Союзник протопопа Аввакума соловецкий монах старец Епифаний, уйдя из монастыря, долгое время жил пустынником на маленьком острове за Полярным кругом и оставил после себя «Житие» с рисунками. Инок Епифаний пользуется особым уважением в старообрядческой среде. В предании о казни пустозерских узников говорится, что останков Епифания не нашли на пепелище, но многие видели, как он вознесся на небеса. По содержанию жития Аввакума и Епифания – это автобиографические записки, повествующие о мученических страданиях за веру. Испытывая острую потребность в бумаге, узники поначалу проговаривали свои произведения. Этим объясняется разговорный характер посланий и челобитных, адресованных духовным «чадам» и «заблудшим». А нарративное повествование часто сопровождается элементами драматизации.

От увечного попа Лазаря сохранилось несколько коротких записок, дьякон Федор составил множество челобитных и посланий. Свои произведения пустозерские узники закладывали в тайники деревянных крестов, которые искусно мастерил инок Епифаний, или в древки бердышей стрельцов – тайных помощников страстотерпцев. Через «верных людей» послания передавались на Мезень, где жила семья Аввакума, и далее по скитам – для многократного переписывания.

Произведения писателей-старообрядцев отличаются живостью, оригинальностью и особым полемическим задором. Они являются неоценимым источником для изучения особенностей живого народно-разговорного языка периода, непосредственно предшествовавшего формированию нового русского литературного языка. Наиболее известным в данном кругу авторов является «огненный» протопоп Аввакум, личность незаурядная, литературно одаренная, родоначальник традиции простоговоре-

ния, которое В.В. Виноградов рассматривал как факт своеобразной обограны русского литературного языка от польско-литовской книжности и отражения борьбы за литературные права народной речи в XVII в. [Виноградов, 1938: 38]. Аввакум отстаивал права «русского природного языка», который противопоставлялся не церковнославянскому, а риторству, или философствованию. Завершая свою часть «Епистолии страдальческой», написанной всеми четырьмя союзниками, Аввакум обращается к читателям: «не позазрите просторечию нашему, понеже *люблю свой русской природной язык, виришами философскими не обыкъ рѣчи красить...* не брегу о краснорѣчии и *не унижаю языка русскаго*. Ну простите же меня грѣшнаго, а васъ всѣхъ рабовъ Христовыхъ Богъ простить и благословить. Аминь» [Пустозерский сборник, 1975: 112].

В простоговорении Аввакума сочетались элементы народно-разговорного и церковнославянского языков. Результат этого смешения сам Аввакум называл «природной речью», «вяканьем», «бяканьем», «воркотней» и «ковырянием».

Д.С. Лихачев считал Аввакума самым замечательным русским писателем XVII в., отмечал его своеобразную стилевую манеру – крайний субъективизм и презрение ко всякой украшенной речи, которую автор воспринимал как латинскую ересь, барочное любование. «Рачительный пастырь словесных овец» был убежден, что «красноглаголанье губит разум», «чем проще скажешь, тем лучше» [Лихачев, 1975: 301].

Следует отметить, что Аввакум не был новатором в области остропомемической обличительной публицистики. Лингвистам хорошо известен «кусательный стиль» Ивана Грозного, не стеснявшегося в выражениях. «Белый Иван» никогда не редактировал свои тексты, «занеже слово мимощественно, а не поостоятельно» [Лихачев, Лурье, 1951: 206]. Нестязатель Вассиан Патрикеев тоже был «горек и дерзок языком». Митрополит Даниил сочетал книжно-славянские нравоучения с натуралистическими картинами земных пророков, активно используя гротеск. Живописностью и образностью поражают письма «бедного холопа», «полоняника Васюка Грязного».

Вне всякого сомнения, Аввакум называл свою речь «вяканьем» и «ковырянием» иронически. Будучи образованным книжником, он сознательно опрощал свою речь, ориентируясь на широкую аудиторию. В этом его принципиальное отличие от предшественников. Именно Аввакум в «темнозрачном веке» возродил древнюю традицию церковной проповеди.

В сочинениях «могучего» протопопа, его сторонников и последователей на первое место выступают зооморфные метафоры. На них впервые обратил внимание В.В. Виноградов. Отмечая семантическую двуплановость сочинений «изящного страдальца», он называл метафорические сравнения Аввакума «метафорическими приравнениями» [Виноградов, 1958: 372], приводя примеры сравнения Никона с блудным сыном и лихой птицей. В.В. Виноградов отмечал искрометность стиля Аввакума, острое сочетание разных «родов глаголения».

Наиболее распространенным является метафорический образ пса. Пес, собака – это политический противник, агрессивный и лживый. Аввакум называет Никона «борзой кобель», «умерый пес», «бешеный пес», «смрадный пес», «собачий сын». Образ собаки связан в сознании Аввакума с вероломством, коварством и ложью: «Яко пси лають на непорочную церковь» [Материалы, 1881: 34], «хотя бы одному кобелю голову ту назад рожею заворотил...» [Фундаментальная библиотека, 1934: 211]. Его духовный сын дьякон Федор в ответ на сомнения в необходимости ценою собственной жизни упорствовать в противостоянии никонианам получал от Аввакума нелестные характеристики: «молодой щенок», «собака косая», «гордой пес», «хохлатая собака». По словарю В.И. Даля, хохлик – это дьявол. Иногда собака отождествляется с волком: «Со Христом и большому волку, хохлатой собакѣ, глаз вырву, нежели щенятам» [Русская историческая библиотека, 1927: 949]. Отмечая коварство Никона, старообрядцы называют его «овчеобразным волком зверским».

Более всего опасаясь того, что его дети потеряют стойкость, Аввакум в частых посланиях ласково и подозрительно называет из «кобельками». Себя же протопоп именует «заяц бедный», старообрядцы для него – «зайцы Христовы». Думается, что такое сравнение основано не на признаке «трусости». Заяц – ловкий и быстро ускользает от врага. Образ зайца, ассоциировавшийся с гонимым, несправедливо и жестоко преследуемым человеком, не новый в русской литературе. Когда Васюк Грязной «плакался» царю, от тоже называл себя зайцем: «да заяц, государь, не укусит ни одное собаки» [Вехи, 1924: 74]. В письмах Грязного, сцена преследования врага метафорически описывалась как «с собаками гоняти за зайцы» [Вехи, 1924: 74].

Аввакум также сравнивает старообрядцев с овцами: «такъ стѣснены яко овцы посредѣ волковъ, – едва уже дышуть» [Материалы, 1881: 34]. «И я... видя их, хищниковъ, ловящихъ овецъ Христовыхъ, не умолчал ему!» [Русская историческая библиотека, 1927: 908]. Царя Алексея Михайлови-

ча Аввакум сравнивает с козлом, скачущим по холмам. Козел – символ бестолковости и крикливости. Многоголосное пение, введенное Никоном, старообрядцы называют «козлогласованием», ибо «крупно все кричаху».

В посланиях дьякона Федора появляется новый образ – «лукавый змий», который восколебал весь мир. Образ змия-искусителя в Выговской писательской традиции впоследствии получил развитие, и появился «змий-собака», «седмглавый змий», «десяторожный змей».

В плане создания ярких метафорических анималистических сравнений среди пустозерских узников особенно плодотворным был дьякон Федор. В челобитной царю Алексею Михайловичу он обвинил Никона и его справщиков в том, что в деревнях многие поселяне остаются язычниками, поклоняются солнцу и лошадям, а справщики «блудят, государь, что кошки по кринкам...». Устойчивое сравнение Никона с волком, львом, собакой, «волохищником» прослеживается во всех сочинениях пустозерских авторов, при этом в наименовании «овчеобразный волк» подчеркивается коварство Никона. В «Епистолии страдальческой» Никон сравнивается и с бесом: «Егда бысть патриархом злый вождь, овчеобразный волк зверский, рыкнув на святую церковь», «рожка крутленьки, в космах, что у барашка» [Христианство и церковь, 1989: 322].

Дьякон Федор, пожалуй, превосходит своего духовного наставника Аввакума в оригинальности зооморфных метафор: «и стали тот праведный их суд заметать лестию, яко лукавии лисове хвостами след свой» [Послание сыну Максиму, 2009: 375]; «Они же, кровососы, начаша рогитися и клятися пред царем, и широкими ризами потрясати, и колокольчиками, яко сучки плясовые, позвякивати...» [Послание сыну Максиму, 2009: 362]; «И от тех нечистых духов напиваются мутнаго пития, яко свинии и кабацкия барды» [Послание сыну Максиму, 2009: 378].

Кроме зооморфных образно-оценочных метафор, в сочинениях старообрядцев появляются устойчивые метафорические картины – утлое суденьшко, которое скользит по миру здешнему, то и дело наталкиваясь на преграды; насельники бесовского Нового Иерусалима, напившиеся фарисейского квасу; заблудший, который подобен мухе, попавшей в «мизгиреву паутину». Образ Аввакума также получает метафорическое осмысление. Аввакум – «Иисусов ратник», борющийся с пьяными философами и уподобившийся апостолу Павлу [Барсков, 1912: 16].

В «Епистолии страдальческой» повторяется аввакумовская метафора: «...еще в мори плывем пучиною житейскою, и не видим своего приста- нища и не вемы, доколе живот наш протянется», в «Поучении против

пьянства», написанном Аввакумом, читаем: «Суетный человек! Живешь ты въ нерадѣнїи своемъ мрачномъ, плаваешь въ утломъ суднѣ, доплыти жизни оной блаженной не успѣешь <...>» [Русская историческая библиотека, 1927: 908]. Метафорический образ одинокого лодочника в бескрайнем житейском море встречается в «Житии» Аввакума.

Многие мастера слова высоко ценили живость и образность стиля Аввакума, речистого страстотерпца. «В омертвелой словесности» «живой, играющий, полнокровный» голос, звучавший в произведениях Аввакума, передает «его жесты». «...вы физически ощущаете присутствие рассказчика», — писал А.Н. Толстой [Толстой, 1961: 263].

Сочинения пустозерских страдальцев интересны и фактами «диалогической драматизации» [Виноградов, 1938: 379]. Именно такие примеры позволяют получить представление о живой народно-разговорной речи второй половины XVII в. Так, рисуя сцену казни Лазаря, Аввакум пишет: «Проглагола Лазарь: “Мужикъ, мужикъ, скажь царю: Лазарь безъ языка говорить и болѣзни не чюеть”» [Русская историческая библиотека, 1927: 713], или в письме Афанасию читаем: «А Борис Афанасьевич еще ли Троицу-ту страха ради не принял? Жури ему: боярин-де-су, одинова умереть, хотя бы, то-де, тебя, **скасть**, по гузну-тому плетми-тѣми побили» [Русская историческая библиотека, 1927: 928–929]. Интересно, что частица «**дескать**» еще состоит из двух слов.

Стилистическую неравномерность произведений представителей пустозерской писательской школы В.В. Виноградов охарактеризовал как «тонкую вязь, сотканную из двух стилистических клубков», а те обширные фрагменты, где авторы воссоздают диалогическую речь, он называл «культурным слепком с живого диалекта» [Виноградов, 1923: 211].

Сочинения протопопа Аввакума содержат определенный пласт ненормативной лексики, которая поражает неожиданной синтаксической сочетаемостью. Аввакум не прибегал к мелкой брани. Наличие ненормативной лексики объясняется, как ни странно, авторским смирением. Д.С. Лихачев отмечал, что для Аввакума смирение — это не просто этикетный сценарий. Это отражение религиозного сознания. Это форма комического самоуничижения, стилистического юродства, это игра в «простеца» [Лихачев, 1999: 399]. О себе Аввакум писал: «простец человек и зело исполнен неведения», «тварь худейшая, пометище изверженный», «блуден есмь и вещьлюбив, объаястлив и многосонлив» [ТОДРЛ, 1965: 211–239], «человеченко ни к чему не годной», «некнижен», «простой мужик» [Русская историческая библиотека, 1927: 576].

В «Послании к сыну Максиму» дьякона Федора Иванова соотношение разнообразных стилистических пластов порой носит оксюморонный характер. Когда дьякон Федор поднимается на полемический пьедестал, он использует просторечные метафорические сравнения: «но за старья книги церковныя и за Предания отеческая правая стоим и умираем, а их бесовскими клятвами беззаконными, яко онучами и стельками, афедроны подтираем» [Послание сыну Максиму, 2009: 350].

Стиль посланий пустозерских узников порой отличается назидательностью и имеет характер поучения, наставления, духовного завещания. Некоторые фразы дьякона Федора можно рассматривать как заповеди: «Бог же, праведный Судия, не на лица зрит, но на сердца» [Послание сыну Максиму, 2009: 345] или «Понеже двема казньми не казнится за едину вину никто же» [Послание сыну Максиму, 2009: 372]. Лаконичны и емки фразы Аввакума: «Церковь есть человек, не стены» [Русская историческая библиотека, 1927: 356], «Вера без дела мертва есть», «Дела паче словес научают» [Записки, 1972: 154].

Смысловой доминантой полемических сочинений пустозерских узников является не только идея защиты старой веры, но и стремление спасти весь христианский мир своей личной твердостью и ответственностью за всех, «плывущих в утлом земном суденышке».

Аввакум родился на территории распространения северновеликорусских говоров, поэтому в его произведениях часто присутствуют постпозитивные указательные частицы, распределение которых зависит от форм рода и числа предшествующего имени.

В современном русском литературном языке используется частица *то* – по происхождению это форма среднего рода именительного-винительного падежа единственного числа указательного местоимения. В некоторых современных северновеликорусских говорах эта частица согласуется с существительными и прилагательными. Для существительных мужского рода используется частица *от*, по происхождению связанная с древнерусским указательным местоимением *тъ*, которое иногда выступало в функции постпозитивной частицы и фонетически примыкало к предшествующему слову: столь-тъ. После падения редуцированных и появления новых закрытых слогов появились формы стол-от, в акающих говорах – стол-ат.

В работах диалектологов встречаются рассуждения о том, что частицы *от*, *ту* в случаях Я привязался к брату-ту и привязался, Нашел ножик-от я ведь являются примерами «не до конца развившегося в диалек-

тах изменения постпозитивной частицы по родам, падежам и числам» или фонетического уподобления постпозитивной частицы предшествующему слогу [Орлова, Кудряшова, 1998: 111]. Исследование посланий и челобитных протопопа Аввакума позволяет уточнить современные представления диалектологов. Тексты показывают, что в XVII в. в севернорусском диалекте, носителем которого был Аввакум, существовала развитая система изменения постпозитивных частиц, которая с течением времени утратилась.

Для существительных мужского рода единственного числа именительного-винительного падежей Аввакум использует частицы **ат** и **от** как варианты: «Материнь больше у нея умъ-оть» [Русская историческая библиотека, 1927: 849], «Дайте только срок, собаки! ... выдавлю я из вас сок-оть» [Зеньковский, 1995: 367], «Простой человек Яким-ат» [Зеньковский, 1995: 365]. После конечного мягкого согласного Аввакум употребляет частицу **ет**: «Пускай любодейцу-ту потрясет, хмел-ет выгонит» [*Пустозерская проза*, 1989: 183].

Для существительных среднего рода единственного числа именительного и винительного падежей последовательно используется частица **то**: «Глядел-глядел на ваше рукописание-то: огорчился...» [*Пустозерская проза*, 1989: 145].

С целью выделения в предложении существительных женского рода именительного падежа используется постпозитивная частица **та**: «Сладка въдь смерть-та» [Русская историческая библиотека, 1927: 153], «тяжка су просыпка-та пившему чашу сию» [*Пустозерская проза*, 1989: 153]. Для выделения существительных женского рода единственного числа винительного падежа, выступающих в функции прямого дополнения, Аввакум использует частицу **ту**: «А Меланью-ту твою ведь я знаю, что доброй человек» [*Пустозерская проза*, 1989: 147].

Примером безусловной связи с диалектами можно считать формы дательного принадлежности, которые издревле использовались наряду с родительным принадлежности: ее сосед – сосед ей. Но функционально тождественный родительному присубстантивному дательный принадлежности с самого начала отличался стилистической окраской и сферой употребления. Еще Ф.И. Буслаев отмечал, что эти формы используются «для большей живости речи» [Буслаев, 1858: 165].

Наиболее продуктивными были конструкции, в которых дательный принадлежности выступал в предикативном употреблении при наличии очевидной контаминации атрибутивных и объектных значений: «царев

угодник Малютка Скуратов... душегубный потаковщик и всем верным наветник лютый» [Послание сыну Максиму, 2009: 356]; «Аз бо, грешный дякон Феодор, всему тому самозритель» [Послание сыну Максиму, 2009: 365]; «во иноцех Спиридон ему имя, окольничему де оному Феодору Ртищеву дядя бе по сродству плотскому» [Послание сыну Максиму, 2009: 368], «новинам всем любитель» [Послание сыну Максиму, 2009: 378].

Следует заметить, что формирование отношений притяжательности является более поздним процессом по сравнению с объектными отношениями, поэтому замещение дательного принадлежности притяжательными местоимениями относится уже к XIX в., но особенно долго дательный принадлежности удерживался при одушевленных именах существительных. Эта черта сохраняется как общерусское явление в современных архангельских говорах: фамилия ей Потапова, она мне дочка, я им не пастух.

Очень долго в севернорусских говорах сохраняется предикативное употребление действительных причастий прошедшего времени. Это отражается и в исследуемых текстах: «Они же, окаянии, слышавше и безгласии быша пред ним», «И тако сия вся слышавше и ведавше Иоакиму, паршивому пастырю» [Послание сыну Максиму, 2009: 363]. Отмечаются сочинительные конструкции типа встав и рече: «Патриарх Иоанн послушав архимандрита царева и повинуся царю Анастасию» [Послание сыну Максиму, 2009: 357].

В.И. Даль призывал изучать народный язык – «главный запас», чтобы «спознаться через него с духом родного слова» [Даль, 1842: 11]. Вне всякого сомнения, таким «запасом» в русском языке являются отглагольные существительные с агентивным значением и сложные существительные, прилагательные и причастия, отличающиеся особой образной структурой: потаковник (потаковщик), прошлец, человекоугодник, подцерковник, самозритель, сердцевидец, кроволубец, *блюдолиз*, блудодей, тайнозрительный, злочестивый, самоосужден, многопищия (трапезы), пестрообразный, *толстобрюхий*, душегубный. Тенденция к сложению основ в именном словообразовании отмечается в сочинениях всех пустозерских сидельцев [Кортава, 2013].

Произведения пустозерских узников обнаруживают тесную связь с письменной традицией приказного языка в сфере использования субстантивных и адвербиальных квалитативов. Наречия: скоренко, маленко, хорошенко, близенко, долгонко до сих пор сохранились в говорах. Существительные с квалитативным значением: вражишко, псишко, нехорошка, хульничишко, *платьишко*, бумашка – также отражают связь с приказ-

ным языком. Интересны колебания в формах согласованного определения для существительных не среднего рода: «кровавое кафтанишко», «нужную рыбенко» [ТОДРЛ, 1951: 385].

В челобитных и посланиях пустозерских сидельцев очевидна и другая яркая примета приказного языка – глагольные формы на **-ыва-/ива-** с имперфектным значением отказа от повторявшегося в прошлом действия: Дьякон Федор пишет: «Мы бо вси правовернии христиане, никакова раскола, ни ереси не вложили в книги и в церковь не внашивали» [Послание сыну Максиму, 2009: 350]; ср. также использование данных форм с плюсквамперфектным значением: «тогда бѣсъ меня пуживал сице» [Записки, 1898: 128].

Доходчивость и проникновенность речи Аввакума и его союзников запечатлелась в веках. Известный биолог, краевед и историк Поморья Ксения Петровна Гемп, беседовавшая в 1913 г. со скитницами, записала их речь: «Слово знал. Говорили, жгло оно. Что там жгло – рану кровоточную оставляло <...> Словесный был. Голосище, говорят, было густое. А теперь оскудели мы духом и словом», «по миру с дымом развеялось его слово» [Гемп, 2004: 244–247].

Со времени жестокой казни пустозерских сидельцев прошло 350 лет. Традиция «вяканья» и словесной полемики с противником постепенно утратилась. О многом приходится теперь сожалеть вместе с героем романа «Красное колесо» А.И. Солженицына: «Боже, как могли мы истоптать лучшую часть своего племени?» [Солженицын, 2007: 53]

Источники

Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. 426 с.

Послание сыну Максиму // Пустозерские узники – свидетели Истины / Под ред. епископа Зосимы: Сб. Ростов-на-Дону, 2009. С. 275–283.

Пустозерская проза / Под ред. М.Б. Плюхановой. М., 1989. 364 с.

Русская историческая библиотека. Т. 39. Л., 1927. 960 с.

Субботин Н.И. Материалы для истории раскола / Под ред. Н.И. Субботина. Т. 6. СПб., 1881. 335 с.

Список литературы

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для преподавателей: Ч. 1–2 / Сост. Ф. Буслаевым. М., 1858. 732 с.

- Виноградов В.В.* К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. 371 с.
- Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдение над стилем «Жития протопопа Аввакума» // Русская речь: Сб. статей / Под ред. Л.В. Щербы. СПб., 1923. 293 с.
- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Пособие для высших пед. учеб. заведений. 2-е изд., доп. и перераб. / М., 1938. 534 с.
- Гемп К.П.* Сказ о Беломорье: Словарь поморских речений / Вступ. ст. Д.С. Лихачева, Ф.А. Абрамова; Науч. ред. В.Н. Булатов. 2-е изд., доп. Архангельск, 2004. 637 с.
- Даль В.И.* Недовесокъ къ статьѣ «Полтора слова о русском языке» // Москвитянин. Часть V. 1842. № 9. 20 с.
- Демкова Н.С., Дробленкова Н.Ф., Сазонова Л.И.* Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Под ред. В.И. Малышева, Н.С. Демковой, Л.А. Дмитриева. Л., 1975. 263 с.
- Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 47. СПб., 1898. 377 с.
- Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 33. М., 1972. 154 с.
- Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество // Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. 528 с.
- Кортава Т.В.* Средства выражения субъективной оценки в сочинениях «пустозерских сидельцев» // Филология и культура (Казань). 2013. № 3 (33). С. 85–89.
- Лихачев Д.С.* Историческая поэтика русской литературы // Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 1999. 508 с.
- Лихачев Д.С., Лурье Я.С.* Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. 712 с.
- Орлова Л.М., Кудряшова Р.И.* Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград, 1998. 144 с.
- Послания протопопа Аввакума к боярыне Феодоре Морозовой, княгине Евдокии Урусовой и Марии Даниловой: Сообщ. П.И. Мельников // // Русский архив. 1864. Вып. 7/8. 717 с.
- Солженицын А.И.* Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 9: Узел II. Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. М., 2007. 512 с.
- ТОДРЛ, 1951 – Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Т. VIII. М.; Л., 1951. 434 с.

ТОДРЛ, 1965 – Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. В.И. Малышев. Т. XXI: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л., 1965. 402 с.

Толстой А.Н. Из истории языка // Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1961. 506 с.

Фундаментальная электронная библиотека. Аввакум. Беседа четвертая. Об иконном писании [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. 1934. 211 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/avvakum/texts/a34/a34-209-.htm> (дата обращения: 05.04.2016).

Христианство и церковь в России феодального периода / Под ред. Н.Н. Покровского. Новосибирск, 1989. 368 с.

Царь и опричник // Вехи: Исторический сборник. Пг., 1924. С. 36–78.

Шаламов В.Т. Аввакум в Пустозерске // Шаламов В.Т. Колымские тетради. М., 1994. 288 с.

Сведения об авторе: *Кортава Татьяна Владимировна*, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: tkortava@mail.ru

В.С.Савельев

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИЛЛОКУТИВНО ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: СООБЩЕНИЯ С СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

В статье анализируются устные высказывания персонажей «Повести временных лет». Описываются иллокутивно полифункциональные высказывания, являющиеся минимальными коммуникативными единицами, на примере сообщений о желаемых событиях, благоприятных и неблагоприятных прогнозов, призывов к действию, оценочных суждений, требований информации разного типа (информативных и верификативных вопросов), обращений. Устанавливаются закономерности сочетания основных и дополнительных иллокутивных функций. Автор определяет количественные показатели использования иллокутивно полифункциональных высказываний и делает выводы о частотности их употребления в зависимости от количества речевых шагов в диалогических фрагментах, а также от того, является ли реплика инициальной или реактивной.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», иллокутивно полифункциональные высказывания, закономерности их употребления в диалогах разных типов.

This article is devoted to oral utterances of characters in *The Tale of Bygone Years*. We examine the using of illocutionary multifunctional utterances which can be determined as minimum communicative units on the material of communications on desired events, favorable and unfavorable forecasts, calls to actions, evaluative assertions, information requests of different type (informative and verificational questions) and allocutions. We determine regularities of combinations of basic and additional illocutionary acts. Also we define quantity and frequency of using of illocutionary multifunctional utterances in dialogue fragments which consist of different quantity of speeches and their position in the dialogue (initial or reactive speeches).

Keywords: *The Tale of Bygone Years*, illocutionary multifunctional utterances, quantity and frequency of their using in dialogue fragments of different type.

Данная статья представляет собой продолжение исследования, начатого нами в [Савельев, 2016], где были рассмотрены звучащие в диалогических фрагментах «Повести временных лет» (далее – ПВЛ)¹ сообщения

¹ В качестве материала нашего исследования мы используем текст ПВЛ по Ипатьевской летописи, воспроизведенный в издании [Полное собрание русских

о бывшем, настоящем и будущем. Нам удалось установить, что многие из этих высказываний обладают **иллокутивной полифункциональностью** – способностью высказывания в процессе одного локутивного акта быть использованным одновременно в нескольких иллокутивных функциях. В [Савельев, 2016] нами были описаны только те иллокутивно полифункциональные высказывания (далее – ИПВ), которые являются минимальными коммуникативными единицами и выделяются на уровне элементарных речевых ходов, комплексных речевых ходов 1-го типа, а также комплексных речевых шагов, соотносимых с комплексными речевыми ходами 1-го типа, в составе комплексных речевых ходов 2-го и 3-го типов (подробнее см. [Савельев, 2016]).

Продолжая начатое исследование, мы обратимся к другим типовым ИПВ, также являющимся минимальными коммуникативными единицами. При этом нами сохраняются принципы описания материала, принятые в [Савельев, 2016]: выделяя каждую из групп ИПВ, вначале мы называем общую для ряда ИПВ иллокутивную функцию – основную функцию

летописей, 1908]. В тех случаях, когда в тексте Ипатьевского списка, положенного в основу этого издания, обнаруживаются лакуны, они восстанавливаются по Хлебниковскому списку, сличение с которым производится в том же издании. В тех случаях, когда чтения Ипатьевского списка представляются ошибочными исследователям ПВЛ, занимавшимся изданием текста летописи, приводятся сноски к соответствующим местам: чтения из Хлебниковского списка, а также списков, по которым восстанавливается Лаврентьевская летопись, – Лаврентьевского, Радзивилловского и Академического (по изданию [Полное собрание русских летописей, 1926]). При этом в сносках всегда приводятся чтения Хлебниковского и Лаврентьевского списков, а в случае указания лишь на один из них отсутствие указания на второй свидетельствует о совпадении его чтения с чтением Ипатьевского списка. Указание вариативных чтений кажется нам полезным и необходимым для анализа фрагментов ПВЛ, объяснение которых вызывает затруднения без обращения к текстам разных списков, сохранивших летопись. В разбивке на слова мы в основном следовали изданию [Полное собрание русских летописей, 1908], произведя при этом разбивку текста на предложения и используя пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова). В некоторых случаях мы сочли необходимым дать перевод соответствующих фрагментов. В большинстве случаев приводится один пример, иллюстрирующий каждое из описываемых нами положений; связано это с ограниченностью объема статьи, в действительности же в ПВЛ обнаруживается большее, а в каких-то случаях намного большее количество примеров.

высказывания как прямого речевого акта (далее – ПРА) или косвенного речевого акта (далее – КРА), а затем – дополнительные иллокутивные функции (далее – ДИФ), появление которых чаще всего связано с коммуникативными условиями произнесения высказывания. Для каждого из случаев указывается, является ли реплика инициальной или реактивной.

I. Сообщение о желаемом событии (положении дел) в будущем

Говорящий информирует собеседника о событии (положении дел) в будущем (т. е. когда-то после момента речи), возможность осуществления которого проблематична. В большинстве случаев речь идет о событии (положении дел), реализация которого зависит не от говорящего, а от (желания) его собеседника. Также речь может идти о событии (положении дел), реализация которого не зависит ни от говорящего, ни от собеседника.

1. Призыв к действию.

А. Просьба (в инициальной реплике).

(1) **И рѣша братьѣа къ Антонию: «Ще! Братьѣа оумножается, а хотѣѣ выхомъ поставити манастирь»** (6559 / 1051).

Братия обращается к св. Антонию не только сообщая о своем желании, но прося его о благословении.

Б. Молитва (в инициальной реплике).

(2) **И приде на холмъ, идеже бѣ Ларионъ пещеру ископалъ, и възлюбивъ мѣстце се и вселися во нь, и нача молитися Бѣ со слезами, гла: «Гни! Оутверди ма в мѣстѣць семь, и да будетъ на мѣстѣци семь бл҃гѣнии Сѣѣа Горы и моего игумена, иже ма постриглъ»** (6559 / 1051).

С одной стороны, св. Антоний описывает желаемое положение дел в будущем, с другой – высказывание адресовано к Господу и входит в перчислительный ряд с просительной молитвой **оутверди ма в мѣстѣць семь**.

В. Просьба + молитва (в инициальной и «включенной» инициальной репликах).

(3) (а) **И приде игумень и братьѣа ко Антонию и рекоша ему: «Ще! Оумножилоса братьѣа, а не можемъ са вмѣстити ся в пещерѣ. Да бы Бѣ повелѣлъ и твоѣа мѣтва, да выхомъ поставити црквицу малу внѣ пещеры».** И повелѣ имъ Антонни (6559 / 1051), (б) **Вна же, хотачи домови, приде къ патриарху, бл҃гѣнии просащи на домъ, и рѣе ему: «Люае мои погани и сѣи мои, да бы ма Бѣ събл҃жолъ ѿ всакого зла»** (6463 / 955), (в)

И поучи ю патриархъ в вѣрѣ и рече еи: «Благѣна ты еси в руськихъ князехъ <...>». И заповѣда еи в црковнемъ оуставѣ, и в мѣтвѣ и постѣ, и в мѣтти и в въздѣржаннн тѣла чѣта. Она же, поклонивши главѣ, стояше, аки гѣба нападѣма, внимающе оученью, и, поклѣнившица патриарху, глаше: «Мѣтвами твоими, вѣко, да съхранѣна буду ѿ сѣти неприязнены» (6463 / 955).

В ИПВ (3а) и (3б) просьба о благословении говорящего, адресованная духовному лицу, одновременно представляет собой просительную молитву, обращенную к Господу. ИПВ (3в) формально является реактивной репликой, однако по сути представляет собой речевое действие говорящего, который, «перехватывая» коммуникативную инициативу, произносит инициальную реплику нового микродиалога.

Г. Требование (в инициальной реплике).

(4) По семъ рѣша варязи Володимиру: «Се гра^а нашъ, и мы приахо^а и, да хоще^а имати ѿкупъ на нн^а по .ѣ. гривнѣ ѿ чѣлка» (6488 / 980).

Варяги, помогавшие кн. Владимиру в захвате Киева, требуют от него, чтобы горожане залатили им выкуп.

2. Благословение + молитва (в инициальной реплике).

(5) Говокуплени же братъи, рече имъ Антонни: «<...> Да буди на васъ благѣние первое ѿ Ба, а второе – ѿ Стыпа Горы» (6559 / 1051).

Св. Антоний благословляет братию и возносит просительную молитву, обращенную к Господу.

3. Институциональное высказывание (в инициальной и реактивной репликах).

(6) (а) Но вбаче любаше Улга сѣна свое^е Стослава, ркѣщи: «Вола Бжнн да будѣ^т: аще Бѣ възхошетъ помиловати родѣ моего и землн Рѣкыѣ, да възло^т имъ на срѣце шратити^т къ Бѣ, такоже и мнѣ Бѣ дарова». И се рекши, молашесѣ за сѣна и за люди по всѣ днн и ноци (6463 / 955), (б) И не послуша сего, помышляа: «Како ма хотѣть гати, шногды цѣловали хрестъ <...>?» И помысливъ си, перехрестисѣ, река: «Вола Гѣна да будѣть» (6605 / 1097), (в) и (г) Давыдъ же, имъ вѣры лживымъ словесемъ, нача молвити на Василка, гла сице: «<...> Стополкъ же смѣтесѣ оумомъ, реки: «Ѣда се право будѣть или лжа – не видѣ». Ї рече Стополкъ Дѣдѣ: «(в) Да еще право молвиши, да Бѣ ти буди послухъ. (г) Аще ли завистью молвиши, да Бѣ будѣть за тѣмъ» (6605 / 1097), (д) Исполнившимъсѣ имъ шбонмъ, Василькови же оузвыси хрестъ, гла: «<...> Ї межѣ буди нами хрестъ снн честнын» (6605 / 1097), (е) И пришедшу емѣ, оупроси его Володимеръ: «<...> То чѣмѣ ты не оучилъ

снѣвъ своихъ и роду своего не перестѹпати ротѣ, но проливаете кровь хрестѣаньскѹ? Да се бѹди кровь твоѹ на главѣ твоеѹ. И повели оубити и, и тако расѣкоша и на оудѣ (6611 / 1103), (ж) И посла Мьстиславъ по Ърославѣ, гл҃а: «Сѣди ты на столѣ своемъ Киевѣ, понеже ты еси старѣи братъ, а мнѣ бѹди сторона» (6532 / 1024), (з) И сѣде Улегъ княжа в Киевѣ, и рече Улегъ: «Се бѹди мѣ городоꙗ рѹсьскимъ». И бѣша оу него словѣни и врази, и прочии, прозвашася рѹсью (6390 / 882).

Принимая важное решение, говорящий устанавливает некоторую норму, сообразно которой он сам и другие и должны действовать: в (ба) – (бг) он полагается на волю Божию, в (бд) – на Крестную силу, в (бе) указывает на ответственность нарушившего клятву за последовавшую за этим кару, в (бж) – на свою незаинтересованность в том, что не принадлежит ему по праву, в (бз) устанавливает верховенство Киева над всеми городами Руси. Во всех случаях произносятся клише, употребление которых уместно в данных ситуациях.

4. Предложение (в инициальной реплике).

(7) И тогда посла послы своѹ к Володаревѹ и к Василковѹ: «Помни брата своего Василка к собѣ, и бѹди ваꙗ Перемышль. <...>». И не послуша сего Володаръ и Василко (6607 / 1099).

Сообщение о возможном и желаемом положении дел в будущем (*«Перемышль будет принадлежать Володарю и Василько»*) – таково желание кн. Святополка, Владимира, Давыда и Олега) одновременно является предложением, которое кн. Володаръ и Василько отклоняют.

5. Оценочное суждение + насмешка (в инициальной реплике).

(8) Бѣ же терпаше, и еще бо не скончалася вахѹ грѣси ихъ и безаконье ихъ. Тѣмже и глахѹ: «Гдѣ есть Бѣ ихъ? Да поможетъ имъ и избавитъ ѹ насъ!» – и ина словеса хѹлапа глахѹ на стѣпа иконы, насмихающеся (6604 / 1096).

ИПВ является КРА: «Да поможетъ имъ и избавитъ ѹ насъ!» означает «*Их Бог не поможет им и не избавит их от нас*». Это высказывание помимо отрицательной оценки содержит насмешку: для половцев пропозитивное содержание ИПВ не является истинным – они не ожидают осуществления того, о чем говорят (ср. с примером (57) в [Савельев, 2016]).

6. Согласие (в реактивной реплике).

(9) (а) И рече князь печенѣжьскыи Претичѹ: «Бѹди ми другъ». Унъ же рече: «Тако бѹди». И подаста рѹкѹ межю собою (6476 / 968), (б) И рече Блѹдъ Ърополкѹ: «Видиши ли, колко вон оу брата твоего? Намъ ихъ не вереворѣти. И твори миръ съ братѣмъ своимъ», льста подѣ ниꙗ, се рече. И

рѣ **Ідропolkъ**: «**Тако бѹди**» (6488 / 980), (в) **И рѣша епѣпы и старци**: «**Рать многа. А еже вира, то на конихъ и на шрѹжьи бѹди**». **И рѣ Володимрь**: «**Да тако бѹди**» (6504 / 996).

Клише «(Да) тако бѹди» регулярно используется в ПВЛ в реактивных репликах для выражения согласия, при этом говорящий констатирует желательность возникновения такого положения дел, о котором говорил его собеседник.

7. **Согласие при осуществлении условия** (в реактивной реплике).

(10) **В се же время придоша люде новгородьстни, просаще кнѣза себѣ**: «**Аще не поидете к на^а, то налѣземъ кнѣза себѣ**». **И рѣ к нимъ Сѹславъ**: «**А бы кто к ва^а шелъ**». **И Шпрѣса Ідропolkъ и Улгъ** (6478 / 970).

В отличие от (9) согласие кн. Святополка носит условный характер: сам он не против, но должно еще быть получено согласие того, кто может пойти княжить к новгородцам.

8. **Отказ** (в реактивной реплике).

(11) **Рѣша ему дружина шѣна**: «**Се дружина оу тебе шѣна и вон. Поиди, сяди в Киевѣ на столѣ шѣнѣ**». **Шѣ же рѣ**: «**Не бѹди то: мнѣ възнати рѹки на брата на старѣишаго. <...>**». **И се слышавше вон и разиндошася ѿ него** (6523 / 1015).

В данном ИПВ используется то же клише, что и в (14).

9. **Согласие + благословение + молитва** (в реактивной реплике).

(12) **И рѣша братья къ Антонию**: «**Шѣ! Братья оумножаются, а хотѣлѣ выхомъ поставити манастирь**». **Антонии же, ра^а бывъ, рче**: «**Благѣвѣ Бѣ во всемъ, и матѣвами стѣпа Бѣа и сущихъ шѣ, иже въ Сѣѣн Горѣ. да бѹдетъ с вами**» (6559 / 1051).

Благословляя обратившуюся к нему братию, св. Антоний тем самым соглашается выполнить их просьбу. В то же время реплика св. Антония представляет собой просительную молитву, обращенную к Господу.

10. **Отказ + призыв к совместному действию** (в реактивной реплике).

(13) **Сѹполкъ же повѣда дружини свои рѣчь Володимерю**. **Шни же рекоша**: «**Не верема нынѣ погубити смерьды ѿ ролни**». **И посла Сѹполкъ к Володимерю, глѣ**: «**Да выхѹви сѣ снѣла и ш томъ подѹмали выхѹмъ съ дружиною**». **Послани же придоша к Володимерю и повѣдаша всю рѣчь Сѹполчю**. **И прииде Володимеръ, и срѣтостася на Доловьскѣ** (6619 / 1111).

Отказ кн. Святополка состоит в том, что в качестве ответа он выдвигает встречное предложение («Хорошо бы нам встретиться и с дружиной

об этом подумать»), давая понять, что с предложением собеседника он не согласен.

11. Перформативы.

А. Обещание (в реактивной реплике).

(14) По семь же приде Феодосии и сѣдоша оу него, вному же изнемогающую, възрѣвъ на игүмена и рече: «Не забываи, игүмене, еже ми еси ночесть вѣщаль». И разумѣ Феодосии великии, яко видѣние вѣди, и рече ему: «Брате Дѣмыане! Еже ти есмь вѣщаль, то ти буди». Ун же смѣживъ учи и предасть дхъ в рүцѣ Бѣи (6582 / 1074).

Обещание св. Феодосия выражается клише, сходным по форме с клише в (11).

Б. Постановление игумена (в реактивной реплике).

(15) Варламу же шедшу къ ст҃му Дмитрѣю, и свѣтъ створише братья, идоша къ старцю Антонию и рекоша: «Постави намъ игүмена». <...> И рече: «Кто болии естъ в ваѣ, акъ естъ Феодосии: послушавъ, и кротокъ, и смиренн. Да снї бѹдетъ игүмень вамъ». Братья же ради бывше и поклониша старцю, и поставиша Феодосѣа игүменомъ братын (6559 / 1051).

Поставление игумена фактически происходит в момент, когда св. Антоний называет имя св. Феодосия.

Следует обратить внимание на некоторые особенности, характеризующие рассмотренные выше примеры.

В ИПВ с основной ИФ «сообщение о желаемом событии (положении дел) в будущем» обнаруживаются глагольные формы, редко употребляемые в речи персонажей ПВЛ. К ним относятся прежде всего формы желательного наклонения, которые представляют собой сочетание форм настоящего или будущего простого и частицы **ДА** (см. (2), (3в), (6а), (6б), (6г), (8), (12), (15)). В одном из высказываний **ДА** употреблена с формой будущего сложного I с вспомогательным глаголом **хотѣти** (см. (4)). В ряде случаев **ДА** сочетается с формами сослагательного наклонения (см. (3а), (3б), (13)). Также обнаруживаются четыре случая употребления **ДА** с формами императива (см. (5), (6в), (6е) и (9в), при этом частица находится в начале высказывания, глагольная же форма во всех случаях, кроме (5), занимает дистантное по отношению к частице положение. В этих ИПВ, по всей вероятности, частица маркирует высказывание как имеющее модальное значение *желательности*, легко распознаваемое слушателем, обнаруживающим в ИПВ **ДА**-показатель (именно этим можно объяснить употребление частицы в ИПВ с императивами).

В конструкциях без частицы ДА обнаруживаются формы сослагательного наклонения (см. (1), (10) и императива (см. (6д), (6ж), (6з), (7), (9а), (9б), (11), (14)). Употребление императива (в конструкциях с частицей и без нее) весьма примечательно. Во всех случаях используется одна и та же форма глагола быть – буди. При этом субъектом пропозиции и, соответственно, подлежащим является не собеседник, а некоторая ситуация (положение дел), возникновение которой и мыслится как желательное².

Обращает на себя внимание также то, что во многих случаях рассматриваемые ИПВ произносятся в диалогах, имеющих отношение к религиозному дискурсу: хотя бы один из собеседников является духовным лицом (см. (1), (2), (3а), (3б), (3в), (5), (12), (14), (15) или содержание реплики в диалоге светских лиц является религиозным (см. (6а), (6б), (6в), (6г), (6д), (8)). В большинстве высказываний обнаруживаются формы желательного наклонения (8 форм), остальные формы распределяются равномерно (3 формы сослагательного наклонения и 4 формы императива, при этом 2 формы сослагательного наклонения и 2 формы императива употреблены в конструкциях с ДА). Таким образом, в 12 из 15 высказываний в диалогах этого типа встречается частица ДА.

В диалогах же светских лиц, беседующих на нерелигиозные темы, чаще всего используются формы императива (8 форм, две из них в конструкции с ДА), остальные встречаются намного реже (2 формы сослагательного наклонения, причем одна из них в конструкции с ДА, и 1 форма желательного наклонения). Таким образом, в диалогах данного типа в 7 из 11 высказываний частица ДА не обнаруживается.

Итак, можно предположить, что использование в ПВЛ ИПВ с модальным показателем ДА и формами желательного наклонения характерно в первую очередь для речевых жанров, имеющих отношение к религиозному дискурсу, в остальных случаях предпочтительным является использование конструкций с императивами без модального показателя ДА.

Наиболее показательным в этом отношении является пример (8): летописец, воспроизводя богохульные речи половцев, употребляет форму желательного наклонения. Это, впрочем, не покажется странным, если принять во внимание, что данное высказывание представляет собой трансформированную цитату из Пс. XXXVI, 40³, в которой производится

² За исключением (6в), в котором в качестве субъекта упоминается Господь, и (6з), в котором речь идет о Киеве.

³ Источник цитаты: Пс. XXXVI, 40. Симоновская псалтирь (цит. по [Древнеславянская псалтирь Симоновская, 1881: 63])

изменение субъектной перспективы (объект пропозиции становится субъектом речи и субъектом пропозиции (избавитъ) ѿ грѣшникъ > ѿ насъ).

II. Благоприятный прогноз при осуществлении условия

Описывая потенциально возможную благоприятную для собеседника ситуацию в будущем, говорящий призывает его совершить действие, называемое в условной части.

1. Призыв к действию (в инициальной реплике).

(16) (а) Иако* во Улга часто глше: «Азъ, снѹ, Ба позна^а и ра^аюса. Аще и ты познаеши Ба, то радовати^ѣ начнеши». Унѣ же не внимаше того (6463 / 955), (б) И рѣша епѣпы и старци: «Рать многа. А еже вира, то на конихъ и на оружьи вѹди». И рѣе Володимиръ: «Да тако вѹди». И живаше Володимиръ по строенью дѣдню и ѿтню (6504 / 996).

Обращает на себя внимание употребление императива в прогностической части (16б) (ср. с употреблением вѹди в ИПВ с основной ИФ «сообщение о желаемом событии (положении дел) в будущем»).

2. Согласие в случае выполнения условия + призыв к действию (в реактивной реплике).

(17) И посла Володимиръ къ цѣрви Василию и Костантинѹ, гла сице: «<...> Слышу же се, тако сестроу имаете двѹю. Да аще кѹ не вдасте за ма, то створю гра^а вашему, тако и семѹ створи^{хъ}». И се слышавша, цѣра выѣста печална, посласта вѣсть, сице глше: «<...> Аще ли са крѣтшии, то примеши се и получиши црѣтво нѣное. и с нами единовѣрникъ вѹдеши. <...>» (6496 / 988).

Греческие цари призывают кн. Владимира совершить поступок, который даст ему возможность получить их согласие на брак сестры.

3. Опровержение предположения + призыв к действию (в реактивной реплике).

(18) Унѣ же не внимаше того, гла: «Како азъ хочю инѣ законъ ѿдинъ азъ принять? А дружина моя семѹ смѣяти начнѹ^т». Уна же рѣе емѹ:

лѹ. А спасеніе праведныхъ ѿ Господа: (Онѣ) крѣпость ихъ во время скорби.
м. И поможетъ имъ Господь, и избавитъ ихъ ѿ грѣшникъ, и спасетъ ихъ: какъ оуповаша на Него.

Синайская псалтирь (цит. по [Синайская псалтирь, 1922: 49]).

лѹ. Спение же праведнымъ отъ гѣ: ѿ защититель имъ есть въ время скорби:

м. ѿ поможетъ имъ гѣ: ѿ избавитъ ѹ: ѿ изъметъ ѹ отъ грѣшникъ: ѿ спетъ ѹ ѣкоже оупъваша на нь:

«Аще ты крѣтишиса, вси имѣѣ то же твориѣ». Унѣ же не послуша мѣри и твораше норовы поганьскыа (6463 / 955).

Кн. Ольга опровергает оценочное суждение сына и повторно призывает его креститься.

III. Неблагоприятный прогноз при осуществлении условия

Говорящий описывает потенциально возможную неблагоприятную для собеседника ситуацию в будущем, которая возникнет, если **не** совершить того, о чем говорится в условной части. Таким образом, говорящий призывает собеседника совершить действие, называемое в условной части, чтобы избежать неблагоприятного развития событий.

1. Призыв к действию (в инициальной реплике).

(19) (а) И нача Дѣдъ глѣти: «Аще не имеве Васнака, то ни товѣ княженья оу Киевѣ, ни мнѣ Володимери». И послуша сего Стѣполкъ (6605 / 1097), (б) И поемъ га, и приведоша къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша гасти первое сами, потом же и печенѣзѣ. И оудивнишася, рекоша: «Не имѣуть сему вѣры наши князи, аще не ѡдають сами». И людѣ нальаша корчагѣ цѣжа и сыты ѿ кладязя и вдаша печенѣгомъ (6505 / 997), (в) І рѣ Дѣдъ къ Стѣполкъ: «Видиши ли: не помнитъ тебе, хода в рѣкѣ твоею? Аще ли ѡидеть въ свою волость, самъ оузриши, аще ти не займѣть городовъ твоихъ – Тѣрова і Пиньска, и прочихъ городовъ твоихъ. Да поманеши ма. Но, призвавъ и нынѣ, имі і дан его мнѣ!» И послуша его Стѣполкъ и посла по Васнака (6605 / 1097).

Среди многочисленных ИПВ данного типа особняком стоят две реплики.

В (19б) печенегі не говорят о том, что именно нужно сделать, но только *намекают* на необходимость совершить определенное действие, которое позволило бы реализоваться ситуации, описанной в условной части («*Надо что-то сделать, чтобы наши князья поверили всему этому*»), и белгородцы прекрасно их понимают: *людѣ нальаша корчагѣ цѣжа и сыты ѿ кладязя и вдаша печенѣгомъ*.

В основе (19в) кн. Давыда лежит КРА: «*Самъ оузриши, аще ти не займѣть городовъ твоихъ*» означает «*Он займет твои города*» – делая благоприятный прогноз, кн. Давыд имеет в виду неблагоприятное для собеседника развитие событий. Также примечательно употребление формы *оузриши*: вся реплика включает в себя три глагола в форме 2 лица (*видиши, оузриши, поманеши*), которые моделируют предполагаемые в

настоящем и будущем сенсорные действия и ментальное состояние собеседника, который якобы сам оценивает сложившуюся ситуацию, хотя на самом деле говорящий «навязывает» ему свою точку зрения⁴.

2. Призыв к действию (в реактивной реплике).

(20) Ѡна же не хоташе ити, тако в поганыха, и рече им: «Луче бы ми сде оумрети». И рече ста еи брата: «Ѣгда како вбратитѣ Бѣ Рѹсѹю землю в покаяние, а Грѣчѹю землю избавиши Ѡ лютыа рати? Видиши ли, колико зло створиша рѹсь грѣкомъ? Нынѣ же, аще не идеши, то же имѹтъ творит намъ». И ѡдва принудиста (6496 / 988).

Греческие цари используют ИПВ (16) в качестве одного из аргументов убеждения собеседника, чередуя различные рече-поведенческие тактики⁵ в пределах одного речевого хода, и достигают при этом успеха.

3. Отказ + призыв к действию (в реактивной реплике).

(21) И посла Володимиръ къ цѣрви Василию и Костантинѹ, гла сице: «<...> Слышу же се, тако сестроѹ имаете дѡю. Да аще кѡ не вдасте за ма, то створю гра^а вашему, тако и семѹ створихъ». И се слышавша, цѣрѡ быста печална, посласта вѣсть, сице глаголюще: «<...> Аще ли сего не хочещи створити, не можевѣ дати сестры своен за та» (6496 / 988).

Отказ греческих царей выдать за кн. Владимира сестру в том случае, если он не выполнит поставленное условие, должен подвигнуть его на совершение требуемого действия. Примечательно, что перед ИПВ (21) произносится ИПВ (17) (см. выше): сочетание двух рече-поведенческих тактик «благоприятный прогноз при осуществлении условия» + «неблагоприятный прогноз при осуществлении условия» встречается в ПВЛ неоднократно и является действенным средством убеждения собеседника. Говорящий рассматривает альтернативные решения, которые может принять собеседник, и оценивает их последствия, о которых собеседник, возможно, не задумывается. Таким образом, говорящий «заставляет» его мыслить в «правильном» направлении.

Наиболее показательным примером применения этих тактик является ИПВ (22):

(22) Ѡна же рекоста: «(а) Аще насъ пѹстиши, много ти добра бѹдетъ. (б) Аще насъ погѹбиши, многѹ печаль приимеши и зло». Ѡнъ же рече нма: «(в) Аще васъ Ѡпѹщю, то зло ми бѹдетъ Ѡ Ба». (г) Аще ли васъ погѹблю, то мѹзда ми бѹдетъ Ѡ Ба». <...> Ѡни же помнше та, избѣиша и и повѣсиша та на дрѣвѣ: Ѡмѣстѹк приимша Ѡ Ба по правдѣ (6579 / 1071).

⁴ См. анализ употребления да поманеши ма в примере (43) в [Савельев, 2016].

⁵ О рече-поведенческих тактиках см. [Верещагин, Костомаров, 2005: 524, 525].

Волхвы, пытаясь убедить Яня Вышатича отпустить их, сулят ему благо в случае принятия выгодного им решения (22а) и грозят несчастьями в случае его непринятия (22б). В ответ Янь Вышатич повторяет условные части высказываний волхвов, но указывает иные последствия упомянутых действий: (22в) противопоставляется (22а) («Бог накажет меня» вместо «Много тебе добра будет»), а (22г) – (22б) («Бог вознаградит меня» вместо «Много зла примешь»). Такое повторение слов «оппонентов», за счет которого их доводы опровергаются, а предложение отвергается, порождает еще одну ДИФ, свойственную речевому ходу в целом: Янь Вышатич, «передразнивая» речи волхвов⁶, в очередной раз⁷ насмехается над ними.

IV. Призыв к действию

Появление ДИФ в случае призыва к действию связано чаще всего с использованием высказывания в качестве ответной реплики.

1. Прощальное благословение (в инициальной реплике).

(23) И ѡнъ же, послушавъ его, постриже его и нарече имя ємѹ Анѣтѡнни, и наказавъ его и наοучивъ его чернѣцкомѹ ѡбразу, и рече ємѹ: «Да иди ѡплатъ въ Русь, и бѹди бл҃гїиє ѿ Г҃тыя Горы, и мнози ѿ тебе чернорисци бѹдѹтъ». И бл҃гѡи его, ѡпусти, рекъ ємѹ: «Иди съ миромъ». Анѣтѡнни же приде Кыевъ (6559 / 1051).

Отпуская св. Антония, игумен произносит традиционную формулу прощального благословения (ср. с произнесенным чуть ранее «Да иди ѡплатъ въ Русь»).

2. Согласие (в реактивной реплике).

(24) И заоутра ѡльга, сѣдѡщи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, г҃юще: «Зоветь вы ѡльга на чѣтъ великѹ». ѡни же ркоша: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни на возѣхъ, ни пѣшь идемъ, но понесите ны в лоды». Ркоша же кианѣ: «Намъ невола <...>», и понесоша я в лоды (6453 / 945).

Требование древлян выражает их согласие откликнуться на приглашение, озвученное посланцами кн. Ольги.

3. Отказ (в реактивной реплике).

(25) По семъ же придоша нѣмци ѿ Рима, г҃юще, тако: «Придохомъ послани ѿ папежа». И ркоша ємѹ: «Реклъ ти папежь: “Земля твоя тако

⁶ О явлении диалогической цитации см. [Арутюнова, 1986].

⁷ За исключением (6в), в котором в качестве субъекта упоминается Господь, и (6з), в котором речь идет о Киеве.

земля на^и, а вѣра ваша не акы вѣра наша. <...>». <...> Рѣ же Володимиръ нѣмцѣмъ: «Идете впѣть, тако вѣи нашѣ сего не пригали сѣть» (6494 / 986).

То, что кн. Владимир отправляет посланцев Папы Римского обратно, означает одновременно и его отказ принять озвученное ими предложение.

4. Разрешение (в реактивной реплике).

(26) Єдиною же пьющу Ростиславѣ с дружиною своею, рѣ котопанъ: «Кнаже! Хощу на тѣ пити!» Вномѣ же рекшу: «Пии!» (6574 / 1066).

Ответная реплика кн. Ростислава содержит не только призыв к действию, но и разрешение совершить его, о чем и просит его котопан.

5. Отказ + оценочное суждение + насмешка (в реактивной реплике).

(27) И прииде Мьстиславъ Кыевѣ, и сѣдоша в ыстовцѣ, и рекоша мѣжи Володимери: «Се присла Володимеръ сѣна своего, да се сѣдѣтъ новгородцѣ. Да поемьше сѣна твоего идѣтъ Новѣгородѣ, а Мьстиславъ да идеть Володимерю». И рекоша новгородци Сѣтополкѣ: «Се мы, княже, прислани к тобѣ, и рекли намъ тако: “Не хощемъ Сѣтополка, ни сѣна его. Аще ли двѣ головѣ имѣеть сѣнь твои, то послани. <...>”. Сѣтополкъ же многѣ имѣ прю с ними, внѣмъ же не восхотившимъ, поемьше Мьстислава, поидоша Новѣгородѣ (6610 / 1102).

Новгородцы не хотят лишиться кн. Мстислава, а потому, обращаясь к кн. Святополку, отвечают на предложение согласиться с княжением его сына отказом, но не прямо, а с использованием яркого риторического приема. Формально они соглашались с предложением, призывая кн. Святополка выполнить действие, которое, собственно говоря, он и хочет совершить, но при соблюдении одного условия. Данное условие является абсолютно невыполнимым. Таким образом, произнося ИПВ «Аще ли двѣ головѣ имѣеть сѣнь твои, то послани» с функциями «призыв к действию (при осуществлении условия) + согласие», на самом деле новгородцы используют его как КРА, который также употребляется одновременно в нескольких функциях («оценочное суждение («У него не две головы, он не может править одновременно в двух местах») + отказ + насмешка») и является ИПВ.

Необходимо отметить, что в 5 из 11 случаев употребления ИПВ с основной функцией «призыв к действию» в качестве сказуемого используется императив глагола идти.

V. Оценочное суждение

Говорящий произносит некоторое оценочное суждение, которое называет причину его невыраженного вербально решения или ответной реакции на слова собеседника. Оценочное суждение всегда объектно ориентировано, а потому в большинстве случаев представлено реактивными репликами. Но и произносимое в инициальных репликах оценочное суждение не «безобъектно»: оно является реакцией на предшествовавшее событие, в том числе коммуникативное.

1. Призыв к действию (в инициальной реплике).

(28) (а) И поча думати и начаша гл҃ти дружина Ст҃рополча: «Не верема веснѣ воевати: хочемъ погубити смерды и ролью имъ» (6611 / 1103), (б) И видѣвъ ю добру сущю лице^а и смыслену велми, и оудивиса цѣрь разуму еѣа, бесѣдов^а к неѣ и рекъ еѣ: «Подобна еси цѣртовати в городѣ семъ с нами». Она же, разумѣвши, и рече къ цѣрю: «Азъ погана есмь, да аще мѣ хочещи крѣтити, то крѣсти мѣ самъ. Аще ли – то не крѣщусѣ» (6463 / 955).

В (28а) дружина кн. Святополка предлагает не начинать военные действия весной; это предложение отвергается кн. Владимиром, сумевшим переубедить собеседников (см. (446)). То, что в (28б) похвала греческого царя является не только похвалой, но и сватовством, показывает дальнейшее развитие событий: разумѣвши, кн. Ольга приводит ситуацию к тому, что ей удастся избежать нежелательного замужества.

2. Решение о дальнейших действиях (в инициальной реплике).

(29) И Володаръ же и Васнако, побѣдивша, стаستا тѣ, рекуща: «Доволѣеть нама на межи своѣѣ стати», и не идоста никаможе (6605 / 1097).

Оценочное суждение о том, что должно делать князю, служит основанием решения о дальнейших действиях в конкретной ситуации (*«Далее мы не пойдём»*).

3. Согласие (в реактивной реплике).

(30) Уни же ркоша: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни на возѣхъ, ни пѣшь идѣмъ, но понесите ны в лоды». Ркоша же кпанѣ: «Намъ неволя: князь наш оубитъ, а княгини наша хочеть за вашъ князь», и понесоша га в лоды (6453 / 945).

Выслушав требование древлян, посланцы кн. Ольги соглашались его выполнить, произнося слова о том, что у них нет выбора.

4. Согласие + обещание (в реактивной реплике).

(31) Ст҃рополкъ же приде ночью к Вышегороду, и ѿтан призва Путѣшу

и вышегородскыа боярыцѣ, и рѣе имъ: «Приаєте ли мнѣ всимъ срѣцмъ?» И рѣе Путша: «Можемъ головы своѣ с вышегородци положить» (6523 / 1015).

Оценивая свои возможности, Путша и вышегородцы соглашаются с предложением кн. Святополка и берут на себя обязательство быть ему верными.

5. **Согласие + насмешка** (в реактивной реплике).

(32) И стаѡа на оустѣи Шекѣны, и рѣе има Іаъ: «Што вамъ молвѣтъ бѣи ваши?» Уна же рекоста сице: «Намъ бѣи молвѣтъ: не быти нама живымъ ѿ тебе». И рече има Іаъ: «То вамъ право молвѣтъ бѣѣи ваши» (6579 / 1071).

Так же, как и в других случаях (см. (22), Янь Вышатич насмехается над «оппонентами»: высказывая положительную оценку резко изменивших свое мнение «богов», которых он считает бесами, нарочито соглашаясь с ними, боярин тем самым подтверждает свое намерение покарать волхвов, которые явно хотят не этого.

6. **Несогласие** (в реактивной реплике).

(33) Володимеру же не хотѣшю сего створити, глѣщю ему: «Како могу се азъ створити, ротѣ с ними ходивъ?» Ѡвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: «Кнаже, нѣѣ ти в томъ грѣхѣ. <...>» И послуша ихъ Володимеръ (6603 / 1095).

Оценивая потенциальный поступок кн. Владимира, дружина выражает несогласие с его точкой зрения.

7. **Несогласие + призыв к действию** (в реактивной реплике).

(34) И оумножишасѣ развоевѣ, и рѣе епѣтъ Володимеру: «Се оумножишасѣ разбонници. Почто не казниши?» Ун же рче: «Богѣсѣ грѣхѣ». Уни же рѣша ему: «Ты поставленъ еси ѿ Ба на казнъ злымъ, а на милование добрымъ. Достоитъ ти казнити разбонника, нѣ съ испытаниемъ». Воодимеръ же Ѡвѣргъ виры и нача казнити разбонники (6504 / 996).

Оценочное суждение епископов выражает их несогласие с точкой зрения кн. Владимира и служит призывом поступать сообразно озвученной ими норме.

8. **Несогласие + предостережение** (в реактивной реплике).

(35) (а) В та же времена приде волхвъ, прельщенъ бѣсомъ. Пришедъ во Киеву, глѣше: «Іаъви ми сѣ есть .ѣ. бѣ, глѣше сице: «Повѣдан людемъ, іако на пѣть лѣѣ Днѣпру потещи въспѣть <...>». Егѣ невѣгласни послушахутъ, а вѣрнии насмѣхѣхусѣ, глѣше ему: «Бѣсѣ тобою играетъ

на пагубѣ тобѣ». Юже и быѣ емѹ: въ единѹ во ношѣ быѣ безъ вѣсти (6579 / 1071), (б) Сѣтополкъ же нача свирати воѣ, хотѣ на нѣ. Ї рѣша емѹ мѹжи смыслѣни: «Не кѹшансѣ противѹ имѣ, тако мало имаши вон». Ун же рѣе имѣ: «Имѣю штрокѣ своихъ .и. сотѣ, иже могуѣтъ противѹ имѣ стати». <...> Смысленыи же глѹхѹ: «Аще бы пристроилъ нѣ .и. тысящѣ, не лихоти есть <...>». Сѣтополкъ же послѹша нѣ ї посла к Володимирѹ, да бы помоглъ емѹ (6601 / 1093).

Так же, как и в (32), в (35а) ответная реплика адресована волхву, однако в данном случае собеседник выражает несогласие с его предсказанием и предупреждает об опасности, к которой может привести его заблуждение.

В (35б) разумные мужи, отвечая на реплику кн. Святополка, оценивают количество воинов, о котором он говорит, как крайне малое, тем самым выражая несогласие с его точкой зрения и предупреждая об опасности, которую порождает его самонадеянность.

9. Отказ (в реактивной реплике).

(36) (а) И посла Володимирѣ кѣ цѣрви Василію и Костантинѹ, глѣ сице: «<...> Слышу же се, тако сестроѹ имаете двѣю. Да аще кѣ не вдасте за ма, то створю гра^а вашему, тако и семѹ створишѣ». И се слышавша, цѣра быѣста печална, посласта вѣстѣ, сице глѣще: «Не достъ крѣтнмѣ за поганыхъ посагати и давати. <...>» (6496 / 988), (б) И рѣе Володимирѣ: «Да пришедше сестрою вашу крѣтъ ма». И послѹшаста цѣра и посласта сестрѹ свою и сановники нѣкыа и прозвѣтеры. Уна же не хотѣше нти, тако в поганыхъ, и рѣе им: «Луче бы ми сде оумрети». И рѣѣста еи брата: «<...> Нынѣ же, аще не идеши, то же имѹтъ творит намѣ». И двѣа принѹдиста (6496 / 988).

Слыша оценочное суждение (36а) греческих царей, кн. Владимир должен понять, что ему отказывают, и подумать о звучащем далее встречном предложении.

Формально ИПВ (36б) является инициальным, однако в действительности оно содержит реакцию говорящего на действия, описанные ранее (И послѹшаста цѣра и посласта сестрѹ свою и сановники нѣкыа и прозвѣтеры), иначе его произнесение не было бы выражением несогласия (то, что это выражение несогласия, указывается в препозитивной части рамочной конструкции: *уна же не хотѣше нти, тако в поганыхъ*), а было бы связано с преследованием иных коммуникативных целей.

10. Благодарственная молитва (в реактивной реплике).

(37) И рѣша братья кѣ Антонию: «Учѣ! Братья оумножаются, а хотѣлѣ выхѣмѣ поставити манастирь». Антонин же, ра^а бывѣ, рче:

«Бл҃гѣнѣ Бѣ ѿ всеѣхъ, и млѣтвами сѣѣа Бѣа и сущиѣхъ ѿѣ, иже въ Сѣѣи Горѣ, да бѣдетъ сѣ вами» (6559 / 1051).

Св. Антоний радуется услышанному и возносит благодарственную молитву к Господу.

VI. Требование информации (информативный вопрос) (ПРА)

В ПВЛ встречается некоторое количество информативных вопросов, которые, будучи прямыми речевыми актами, обладают также и ДИФ.

1. Насмешка (в инициальной реплике).

(38) Сима же витыма и врадѣ поторганѣ проскѣпомѣ, рѣ има Іаѣнѣ: «Что вамѣ бѣѣ молвѣть?» Унѣма же рекышима: «Сѣати намѣ предѣ Сѣославомѣ» (6579 / 1071), см. также пример (5) в [Савельев, 2016].

Янѣ Вышатич, как и в других случаях, обращаясь к волхам, насмехается над ними: повторяя чужое слово, которое для него самого является ложным («То кии естѣ Бѣ, сѣда въ безднѣ? То естѣ вѣсѣ»), он «передразнивает» речи своих «оппонентов».

2. Решение (в инициальной реплике).

(39) Сѣтополкѣ же уканыни поѣсли в себѣ, рекѣ: «Се оуже оубиѣхъ Бориса. А ещѣ како бы оубити Глѣба?» И примѣ смысл Канновѣ, с лѣстью посла къ Глѣбѣ (6523 / 1015).

Кн. Святополк, адресуя вопрос самому себе, принимает решение совершить злодеяние (см. постпозитивную часть рамочной конструкции).

3. Согласие + решение (в реактивной реплике).

(40) Увѣщавѣша же боярѣ и рѣша: «Аще лиѣхъ бы законѣ грѣчкын, то не бы баба твоя Улга пригала крѣщенна, таже бѣ мѣдрѣши вснѣ члѣвкѣ». Увѣщав же, Володимѣръ рѣ: «То кдѣ крѣщениѣ приемѣ?» Уни же рѣша: «Кдѣ ти любо» (6495 / 987).

Кн. Владимир задает информативный вопрос, ждет ответа и получает его. При этом его реплика является реактивной и выражает согласие с советом бояр креститься, а также позволяет донести до собеседников информацию о том, что князь принял решение об общем крещении, на что указывает употребление формы мн. числа.

VII. Требование информации (информативный вопрос) (КРА)

Намного чаще в ПВЛ встречаются информативные вопросы, которые, будучи косвенными речевыми актами, являются ИПВ.

1. Оценочное суждение-осуждение (упрек) + призыв к действию (в инициальной реплике).

(41) (а) **И** придоша въ градъ, и рекаша людие: «Почто губите себе? <...>» (6505 / 997), (б) **И** нача Володаръ молвити: «Почто, зло створишь, не каешися сего? Да оуже поманиса, колко еси зла створиша!» **Дѣдъ** же на **Стѣполка** нача извѣтъ творити (6605 / 1097), см. также пример (9) в [Савельев, 2016].

Данный тип встречается в ПВЛ наиболее часто: говорящий произносит высказывание, осуждающее действия собеседника в меньшей (41а: *«Вы сами себя губите»*) или большей (41б: *«Очень плохо, что ты, злое сотворив, не каешься»*) степени, и призывает его изменить линию поведения (41а: *«Не губите себя!»*) и 41б: *«Покайся!»*).

2. Оценочное суждение + оскорбление (в инициальной реплике).

(42) **И** воевода нача **Стѣполчъ**, **изда** **възлѣ** **бѣрегъ**, **оукарати** новгородци, **глаголю**: «Что придосте с хромьцемъ симъ, а вы, плотници суще? А приставимъ вы хоромъ рубити нашихъ». **Се** слышавше новгородци и рѣша **Ярославъ** <...> **Ярославъ** же **заоутра**, исполнивъ дружинѹ, противѹ **свѣтъ** перевезеса (6524 / 1016).

Воевода указывает «оппонентам», что им незачем было приходиться. При этом пропозитивное содержание высказывания таково, что оно должно показаться им оскорбительным (говорящий «понижает» собеседника в его социальном статусе). То, что ИПВ (42) является оскорблением, доказывается содержанием рамочной конструкции: в препозитивной части называется ДИФ (**оукарати**), а в постпозитивной части описываются действия новгородцев, которые свидетельствуют, что ИПВ было воспринято ими как оскорбление.

3. Сообщение о настоящем + насмешка (в инициальной реплике).

(43) **Бѣ** же **терпаше**, и еще во не скончалиса **бѣху** **грѣси** ихъ и **безаконье** ихъ. **Тѣмже** и **глаголю**: «Гдѣ есть **Бѣ** ихъ? Да поможетъ имъ и избавитъ **ѿ** ѿ **насъ**!» – и **ина** словеса **хула** на **глаголю** на **сѣ** **иконы**, **насмѣхающеса** (6604 / 1096).

Утверждение половцев *«Их Бога нет, он не существует»* выражается КРА в форме информативного вопроса, пропозитивное содержание которого для половцев не является истинным, и это позволяет им выразить насмешку. Так же, как и в (8), ИПВ представляет собой трансформированную цитату – из Пс. СХІІІ, 10⁸ (см. также Иоиль. ІІ, 17), – но без изме-

⁸ Источник цитаты: Пс. XXXVI, 40. Симоновская псалтирь (цит. по [Древлеславянская псалтирь Симоновская, 1881: 63])

лѣ. **А** спасеніе праведныхъ ѿ Господа: (Онъ) крѣпость ихъ во время скорби.

нения субъектной перспективы: и в источнике цитирования богохульство производят язычники.

4. Оценочное суждение-осуждение (упрек) + призыв к действию (в реактивной реплике).

(44) (а) Рѣѣ Гѣтосла^авъ къ мѣрѣ свои и къ воаро^а своимъ: «Не люво ми естъ в Кіевѣ жити, хощю ж^ати в Переяславци в Дѹнан <...>». И рѣѣ емѹ мѣти: «Видиши ли ма волнѹ сѹщю? Камо хощеши ѿ мене?» – бѣѣ во разволѣлася оѹже (6477 / 969), (б) И поча дѹмати и начаша гѣти дрѹжина Гѣтополча: «Не верема веснѣ воевати: хощемъ погѹбити смерды и ролью имъ». И рѣѣ Володимерь: «Дивно ма, дрѹжино, вже лошади кто жалѹеть <...> То лошади его жалѹешь, а самого чѣмѹ не жалѹешь?» И не могоша противѹ емѹ ѡвѣщати дрѹжина Гѣтополча (6611 / 1103), см. также пример (4) в [Савельев, 2016].

В ИПВ (44а) кн. Ольга оценивает намерение сына («*Плохо, что ты собираешься уйти (в таких обстоятельствах)*») и призывает его не осуществлять его («*Не уходи!*»), в ИПВ (44б) кн. Владимир скептически относится к мнению дружины кн. Святополка («*Плохо жалеть лошадь, а человека не жалеть*») и призывает принять это во внимание («*Пожалейте лучше смердов!*»).

5. Напоминание + оценочное суждение-осуждение (упрек) (в инициальной и реактивной реплике).

(45) (а), (б) Паки же брата своа выгнаста и, и ходи по чѹжен землѣ, блѹда. И сѣдашѹ емѹ паки на своемъ столѣ, Всеволодѹ пришедшю повѣженѹ к немѹ, нарече⁹ емѹ: «(а) Колко подыахѹ ѿ ваю?» <...> Не рѣѣ во емѹ: «(б) Колко зло створиаста мнѣ? И се ннѣ товѣ сѹ приключи», не рѣѣ: «Сего кромѣ мене», но на сѹ переа печаль братню, показа любовь великѹ, свершаша аѣла, гѣща: «Оѹтѣшанте печалныа» (6586 / 1078), (в), (г) Володимерь же и Дѣдъ и Влегъ послаша мѹжѣ свои къ Гѣтополкѹ, гѣща: «(в) Что се створиаш еси в Рѹсьскон землѣ: оѹверыгаш еси ножъ в ны? (г) Чѣмѹ еси вслипиаш брата своего? <...>» (6605 / 1097), (д) И

мѣ. И поможетъ имъ Господь, и избавитъ ихъ ѿ грѣшникъ, и спасетъ ихъ: пакѹ оѹповаша на Него.

Синайская псалтирь (цит. по [Синайская псалтирь, 1922: 49]).

лѣ. Спение же праведнымъ отъ гѣѣ: Ѣ защититель ѣмъ естъ въ врѣмѹ скорби:

мѣ. И поможетъ ѣмъ гѣѣ: Ѣ избавитъ ѣа: Ѣ изъметъ ѣа отъ грѣшникъ: Ѣ спѣтъ ѣа ѣкоже оѹпѣваша на нь:

⁹ О рече-поведенческих тактиках см. [Верещагин, Костомаров, 2005: 524, 525].

приведоша Бѣлдѹѣа къ Стѣполкѹ, и нача Бѣлдѹѣа давати на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скотѣ. Стѣполкѣ же посла Володимерѹ. И пришедшю емѹ, оупроси его Володимерѣ: «То веде, пала вы рта. Многажды во, ходивше ротѣ, воевасте Рѹсьскѹю землю. То чѣмѹ ты не оучиашь снѣвъ своихъ и родѹ своего не перестѹпати ротѣ, но проливаеши кровь хрестіаньскѹ? Да се бѹди кровь твоя на главѣ твоей». И повели оубити и, и тако расѣкоша и на оудѣ (6611 / 1103), (е) И начаша дѹмати дружина, Ративорова чаде, съ кнѣземъ Володимеромъ ѡ погубленѣ Итларевы чади. Володимерѹ же не хоташю сего створити, глѣщю емѹ: «Како могу се азъ створити, ротѣ с ними ходивъ?» Ѫвѣщавше же дружина, рекоша Володимерѹ: «Кнаже, нѣѣ ти в томъ грѣхѣ. Привелъ ти ѣ Бѣ в рѹцѣ твои. Чѣмѹ шнѣ, к тобѣ всегда ротѣ ходаше, губѣти землю Рѹсьскѹю и кровь хрестіаньскѹ проливають беспрестани?» И послуша ихъ Володимеръ (6603 / 1095).

В большинстве случаев используются формы прошедшего времени (45а, 45б: аорист; 45в–45д: перфект), называющие действия собеседника, совершенные до момента речи и подвергаемые говорящим осуждению. При этом во всех фрагментах используются местоименные слова в катафорической функции, замещающие в ПЕ синтаксические позиции, соотносимые как с именами, так и с предикатами пропозиций.

КРА с местоимением **колко**, дающим количественную оценку определяемого актанта, встречаются в (45а) и (45б). В них повествователь моделирует высказывания кн. Изяслава, которые тот не произносил, но мог бы адресовать своим притеснителям.

В (45в) обнаруживается прономинальное употребление глагола: сочетание **что створилъ еси** соотносится с глагольным словосочетанием, употребленным в следующей ПЕ (**оупвергашь еси ножъ в ны**), и напоминает современное разговорное «*Что ты натворил?*».

В (45г) и (45д) использована форма дательного падежа местоимения **что**, выражающая значения причины и цели, при этом дифференцировать их не представляется возможным: для (45г) более уместным выглядит перевод при помощи *зачем*, для (45д) – *почему*.

В (45е) причинно-целевое **чѣмѹ** используется в сочетании с формами настоящего времени. Вряд ли можно сказать, что в данном случае дружина сообщает кн. Владимиру что-то новое: напоминание о преступлениях противника, соотнесение пропозитивного содержания ПЕ («они всегда присягают» vs. «они губят Русскую землю и беспрестанно проливают кровь христианскую») => «они-то всегда нарушают клятву») должно привести к

оценочному суждению «*Наши враги не достойны пощады*». Таким образом, употребление форм настоящего времени в значении *настоящего узувального* в сочетании с временными показателями **всегда** и **беспредстани**, относит одновременно к плану прошлого (говорится о том, что происходило) и настоящего вневременного (говорится также и о том, что происходит всегда).

6. **Оценочное суждение + отказ** (в реактивной реплике).

(46) И по крѣщеніи призва ю цѣрь и рѣ еи: «Хоцю тѣ понати женѣ». Она же рѣ: «Како ма хоцещи понати, а крѣстивѣ ма самѣ и нарекѣ ма дщерь? А вѣ крѣстьянѣхъ того нѣз закона, а ты самѣ вѣси» (6463 / 955).

Кн. Ольга высказывает оценочное суждение «*Ты не можешь взять меня в жены*», и это означает, что она отказывает греческому царю.

7. **Сообщение о намерении + отказ** (в реактивной реплике).

(47) Іако* бо Влага часто глѣше: «Азъ, снѣ, Бѣ познахъ и рачюся. Аще и ты познаеши Бѣ, то радовати^{сѣ} начнеши». Онѣ же не внимаше того, глѣ: «Како азъ хочю инѣ законѣ вдинѣ азъ принати? А дружина моя семѣ смѣпати начнѣ^{тѣ}» (6463 / 955).

Кн. Святослав сообщает, что он **не** намеревается принимать христианство, и тем самым отрицательно отвечает на призыв матери.

VIII. Требование информации (верификативный вопрос) (КРА)

Верификативные вопросы, которые являются ковенными речевыми актами, также могут использоваться как ИПВ.

1. **Оценочное суждение-осуждение (упрек) + призыв к действию** (в инициальной реплике).

(48) И посла Улегѣ послы своѣ кѣ Изяславѣ, глѣ: «Иди оу волость вѣца своего Ростовѣ, а то естъ волость вѣца моего. <...> Се бо ма выгналъ изъ города вѣца моего. Или ты ми здѣ не хоцещи хлѣба своего же вдати?» И не послуша Изяславѣ словесѣ сихъ, надѣясѣ на множество вон (6604 / 1096).

Кн. Олег укоряет собеседника в том, что тот собирается лишить его принадлежащего ему по праву, и призывает не делать этого («*Не лишай меня хлеба моего!*»).

2. **Сообщение о настоящем + предостережение** (в инициальной реплике).

(49) (а) А князю изъ вконца зрѣщю и дружинѣ стоѣщи оу князѣ, рѣе Тѣкы, Чюдинѣ браѣ, Изяславѣ: «Видиши, княже, людѣ възвыли? Посли, аѣ блюдѣтѣ Всеслава» (6576 / 1068), (б) І рѣе Дѣдѣ кѣ Сѣтополкѣ: «Видиши ли: не помнитѣ тебе, хода в рѣкѣ твоею? <...> Но, призвавѣ

и нына, ими ї дан его мнѣ!» И послуша его Сѣтополкъ и посла по Василка (6605 / 1097).

Туки обращает внимание кн. Изяслава на существующее положение дел и тем самым предостерегает его, поскольку это положение дел таит потенциальную опасность. Кн. Давыд указывает кн. Святополку на то, как якобы поступает кн. Василько, предупреждая собеседника о возможности негативных последствий такого поведения обсуждаемого лица.

3. Сообщение о настоящем + предостережение-угроза (в инициальной реплике).

(50) Іднєви же идущю с топорцемъ, выступиша ѿ нухъ триє мѹжи и придоша къ Іднєви, рекуще ємѹ: «Видѣ, идєши на смѣртъ? Не ходи!» Вномѹ же повелѣ бити га, къ прочим же понде (6579 / 1071).

Мужи сообщают Яню, что его действие обрекает его на смерть, тем самым они угрожают ємѹ.

Следует обратить внимание на то, что выражение ИФ «сообщение о настоящем + предостережение(-угроза)» в (49а), (49б) и (50) связано с употреблением конструкции, в которой используются формы глагола видѣти, называющего сенсорное действие собеседника, которое он якобы совершает. Эта рече-поведенческая тактика («очевидность неочевидного») должна помочь говорящему убедить собеседника в своей правоте.

4. Требование информации (верификативный вопрос) + призыв к действию (в инициальной и «включенной» инициальной репликах).

(51) (а) Володимеръ же, пришедъ в товары, посла по товаромъ бирича, гла: «Нѣтъ ли такога мѹжа, иже бы сѧ галъ с печенѣжаниномъ бра^{тисѧ}?» И не вѣрѣтєсѧ никдѣже (6501 / 993), (б) Кнѧзь же, се слышавъ, и рад быѣ и посла по нь борзо, и приведоша и ко кнѧзю, и кнѧзь повѣда ємѹ всѧ. Сѹи же рѣ: «Кнѧже! Не вѣмь, могу ли с него. Да искѹсите мѧ. Нѣтъ ли вола велика и силна?» И налѣзоша волъ силенъ (6501 / 993).

ИПВ (51б) формально является реактивной репликой, однако ее следует оценить как инициальную реплику нового микродиалога.

Вопросы, задаваемые говорящим, являются КРА, поскольку, задавая их, он имеет в виду прямо противоположное тому, что предполагает буквальное их понимание (51а: «*Нет ли мужа?*» означает «*Есть ли муж?*»); 51б: «*Нет ли вола?*» означает «*Есть ли вол?*»). В то же время говорящий хочет, чтобы собеседник совершил некоторое действие (51а: «*Найдите мужа!*»; 51б: «*Найдите быка!*»).

5. Требование информации (верификативный вопрос) + напоминание + насмешка (в реактивной реплике).

(52) И принесоша ја на дворъ къ Ользѣ, и, несѣше ја, и вринѹша въ гамѹ и съ лодьею. И прѣникши Волга и рѣ имѣ: «Добѣра ли вы чѣтъ?» Уни же ркоша: «Пѹще ны Игоревы смѣрти». И повелѣ засыпати ја живы, и посыпаша ја (6453 / 945).

Указание на худшее положение дел в ответе древлян («Нам еще хуже, чем Игорю») свидетельствует о том, что верификативный вопрос кн. Ольги воспринимается именно как КРА: она спрашивает о том, хороша ли честь, и, если бы этот вопрос был понят как ПРА, ответить на него следовало бы иначе. При этом кн. Ольга произносит слова, которые потворяют сказанное ею накануне («Но хощю вы почтити наоутѣрѣа пре^а людьми своими»): коварная княгиня насмехается над древлянами, которые не сумели понять скрытого смысла ее слов, а теперь должны дать в ответе оценку ситуации, которая возникла в результате их недогадливости.

6. Напоминание + оценочное суждение-осуждение (упрек) (в реактивной реплике).

(53) І рѣ емѹ Изяславъ: «Братѣ, не тѹжи! Видиши бо, колко сѧ мнѣ склѹчи зла? Первое бо, не выгнаша ли мене и имѣнь мое разграбиша?» (6586 / 1078).

Напоминая о свершившейся несправедливости, кн. Изяслав упрекает кн. Всеволода в содеянном. В то же время, говоря о своих злоключениях, кн. Изяслав показывает брату, что невзгоды проходят и отчаиваться не следует.

7. Опровержение предположения + насмешка (во «включенной» реактивной реплике).

(54) И прѣха на мѣсто, идеже бахѹ лежаще кости его голы и лобѣ голѣ, и, слѣзѣ с конѧ, посмѣшасѧ, рка: «Ѫ сего ли лѣва смѣть мнѣ вѣзати?» И вѣстѹпи ногою на лобѣ, и выникнѹчи змѣа и оуклонѹ и в ногѹ (6420 / 912).

Формально вопрос кн. Олега звучит как инициальная реплика, однако в действительности он представляет собой реакцию на предсказание волхва – князь опровергает его. Появление ДИФ «насмешка» связано с тем, что кн. Олег воспроизводит слова волхва «Конь, егоже любииши и вѣздиши на немѣ, Ѫ того ти оумрети», заменяя в них слово конь на уничижительное лобѣ.

8. Утверждение + опровержение предположения (во «включенной» реактивной реплике).

(55) И нача Володаръ молвити: «Почто, зло створишѣ, не каешишѧ сего? Да оуже поманишѧ, колко еси зла створилѣ!» Дѣдѣ же на Гѹполка

нача извѣтъ творити, гла: «Ци га се створилъ, ци ли оу моемъ городѣ?
<...>» (6605 / 1097).

Выслушав упрек, кн. Давид пытается переложить вину на кн. Святополка: он утверждает, что не совершал того, что ему якобы приписывают, тем самым опровергая мнение оппонентов.

* * *

Описывая вопросы (51а) и (51б), мы обратили внимание на то, что, задавая их, говорящий имеет в виду прямо противоположное тому, что предполагает буквальное их понимание. Отмеченное свойство характерно почти для всех проанализированных вопросительных КРА (как информативных, так и верификативных):

– если понимаемое буквально высказывание выражает отрицательное суждение (формально оно выражено отрицательной частицей **не**), то в действительности понимать его следует как утвердительное суждение (41б: «Почему не каешься?» = «Покайся!»; 44б: «Почему не жалеешь смерда?» = «Пожалей смерда!»; 45д: «Почему ты не учил сыновей?» = «Ты должен был учить сыновей!»; 48: «Не хочешь хлеба моего мне дати?» = «Дай мне мой хлеб!»; 53: «Разве меня не изгнали?» = «Меня изгнали!», а также описанные выше 51а и 51б);

– если понимаемое буквально высказывание выражает утвердительное суждение, то в действительности понимать его следует как отрицательное или как утверждающее нечто негативно оцениваемое (41а: «Зачем вы губите себя?» = «Не губите себя!»; 42: «Зачем пришли?» = «Незачем было приходить!»; 43: «Где их Бог?» = «Их Бога нет!»; 44а: «Куда ты хочешь уйти?» = «Не уходи никуда!»; 45б: «Сколько я от вас претерпел?» = «Много я от вас претерпел!»; 45б: «Сколько зла сотворили вы мне?» = «Много зла сотворили вы мне!»; 45в: «Что ты натворил?» = «Ты сотворил зло!»; 45г: «Зачем ты ослепил брата?» = «Не надо было ослеплять брата!»; 45е: «Почему они губят землю Русскую?» = «Они не должны губить землю Русскую!» 46: «Как ты можешь взять меня в жены?» = «Ты не можешь взять меня в жены!»; 47: «Как я крещусь?» = «Я не крещусь!»; 52: «Хорошо вам?» = «Плохо вам?»; 54: «Я от этого погибну?» = «Я от этого не погибну!»; 55: «Разве я это сделал?» = «Я этого не делал!»).

Таким образом, признак, ярко характеризующий современный русский дискурс, как оказалось, имеет давнюю историю и является вполне традиционным.

Данная особенность не обнаруживается в ИПВ (49а), (49б) и (50), т. е. именно в тех высказываниях, в которых используются формы глагола **видѣти**, называющего сенсорное действие собеседника, которое он якобы совершает: парадоксальным образом неизменность пропозитивной структуры свойственна именно тем ИПВ, произнося которые говорящий далеко не всегда соблюдает постулат истинности.

IX. Обращение.

В ПВЛ встречаются обращения, произнесение которых не только призвано привлечь внимание адресата, но имеет какую-либо ДИФ.

1. Оценочное суждение (в инициальной реплике).

(56) (а) **И се рекъ, посла едино ѡ братья къ Изяславѣ князю, река тако: «Княже мон! Се Бѣ оумножаетъ братью, а мѣсце мало. Да бы ны вдалъ горѣ тѣ, ꙗже естъ надъ печерою». Изяславъ же, се слышавъ, радъ бывъ и мѹжи свои посла и дасть имъ горѣ тѣ (6559 / 1051), (б) <...> И не могоша противѣ ему ѿвѣщати дружина Бѣтополча, и рече Бѣтополкъ: «Брате, се азъ готовъ оуже». И вѣста Бѣтополкъ. И рече ему Володимѣръ: «То ти, брате, велико добро створиши Рѹсьскон земли» (6611 / 1103).**

В (56а) употребление определения **мон**, учитывая тему разговора, позволяет св. Антонию выразить свое теплое отношение к князю, дать понять адресату, что ему, кн. Изяславу, доверяют и на него рассчитывают.

В (56б) описывается дискуссия, в конце которой признавший правоту собеседника кн. Святополкъ в начале реплики произносит обращение к тому, с кем он только что говорил. Это «избыточное» обращение, с одной стороны, маркирует переход к новому микродиалогу, а с другой стороны, позволяет говорящему выделить данное высказывание в ряду других как особо значимое. И ответное обращение кн. Владимира подчеркивает значимость момента, в который устанавливается новое положение дел, новая норма, в соответствии с которой собеседники будут действовать впредь.

2. Скорбь (в инициальной реплике).

(57) (а) **И се слышавъ, Глѣбъ вьспи велми съ слезами и плачася по ѿтци, паче же и по братѣ, и нача молитися со слезами, гла: «<...> Кде сѹтъ словеса твоя, ꙗже глаше ко мнѣ, брате мон любимын? Нынѣ оуже не оуслышу тихаго твоего наказанна. <...>» (6523 / 1015), (б) Заоутра же собравъ избытокъ новгородцевъ и рече Глѣбъ: «О, любимая дружина, оуже избвихъ вчера, а нынѣ быша надобѣ». И оутре слезъ (6523**

/ 1015), (в) *Ярополкъ же идаше по немъ, плачася съ дружиною своею: «ѡче, ѡче мон! Что еси бес печали пожилъ на свѣтъѣ семь, мнози напасти приемъ ѡ людѣи и ѡ братьяа своего? Се же погине не ѡ брата, но за брата своего положи главѹ свою»* (6586 / 1078).

В (57а) обращение кн. Глеба к убитому брату включает в себя такие лексемы, которые помогают ему выразить чувство скорби, испытываемое им. Ту же ДИФ имеет в (57б) и обращение кн. Ярослава, испытывающего угрызения совести. В (57в) кн. Ярополк, оплакивающий отца, обращается к нему, дважды повторяя слово *ѡче* в сочетании с определением *мон*.

Использованный в (57в) прием, как нам кажется, отражает общую для диалогов ПВЛ тенденцию: лексический и синтаксический повторы указывают на то, что произносимое говорящим высказывание обладает иллокутивной полифункциональностью. Чаще всего при этом говорящий насмехается над собеседником, «пародируя» его высказывание; см. (5) в [Савельев, 2016], а также (22), (32), (38), (52), (54) в данной статье.

* * *

Подведем некоторые основные итоги.

В результате анализа ПВЛ нам удалось выделить 320 оригинальных (не восходящих к другим текстам) диалогических фрагментов, при этом они содержат различное количество речевых ходов (определяется процент от общего количества всех диалогических фрагментов).

	Количество речевых ходов										Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	14	16	
Все диалогические фрагменты	197 61,56%	69 21,56%	25 7,81%	10 3,13%	10 3,13%	3 0,94%	1 0,31%	3 0,94%	1 0,31%	1 0,31%	320

В 158 из 320 диалогических фрагментов обнаруживаются иллокутивно полифункциональные высказывания уровня элементарных речевых ходов и комплексных речевых ходов I типа¹⁰, что составляет 49,4% от общего их количества. Подсчет диалогических фрагментов с ИПВ и без ИПВ дает следующие результаты (определяется процент от общего количества диалогических фрагментов определенного типа – с ИПВ и без ИПВ):

¹⁰ При этом действительное количество ИПВ оказывается большим, поскольку в одной реплике-высказывании может быть несколько ИПВ.

	Количество речевых ходов										Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	14	16	
Диалогические фрагменты с ИПВ	78 39,6%	40 58%	19 76%	6 60%	8 80%	2 66,7%	1 100%	2 66,7%	1 100%	1 100%	139 43,6%
Диалогические фрагменты без ИПВ	119 60,4%	29 42%	6 24%	4 40%	2 20%	1 33,3%	-	1 33,3%	-	-	180 56,4%
Все диалогические фрагменты	197	69	25	10	10	3	1	3	1	1	320

Таким образом, количество ИПВ в диалогических фрагментах, содержащих не менее двух речевых шагов, значительно превышает показатели диалогических фрагментов с одним речевым ходом. При этом обращает на себя внимание то, что ИПВ обнаруживаются в реактивных репликах чаще, чем в инициальных. Так, в диалогических фрагментах с двумя речевыми шагами удалось определить 5 случаев употребления ИПВ только в инициальных репликах (12,5%), 15 случаев употребления ИПВ и в инициальных, и в реактивных репликах (37,5%) и 20 случаев употребления ИПВ только в реактивных репликах (50%). Это означает, что 35 из 40 таких диалогических фрагментов (87,5%) содержат ИПВ в реактивных репликах. Данный факт свидетельствует о том, что использование ИПВ в большей степени свойственно диалогам с установкой на быструю смену ролей «говорящий – собеседник», при этом говорящий, который произносит реактивную реплику, получает большую свободу в выборе коммуникативных средств, поскольку имеет возможность «опереться» на уже произнесенную его собеседником инициальную реплику.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
- Древлеславянская псалтирь Симоновская до 1280 года, сличенная по церковнославянским и русским переводам с греческим текстом и еврейским, с примечаниями / Труд архимандрита Амфилохия. 2-е изд. Т. 4. М., 1881.
- Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
- Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографическою комиссиею Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926.
- Савельев В.С. Древнерусские иллюкутивно полифункциональные высказывания: сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет») // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 79–105.
- Синайская псалтирь: Глаголический памятник XI века / Приготовил к печати С. Северьянов // Памятники старославянского языка. Т. IV. Пг., 1922.
- Ostrowski D. Quotations from the Psalms in the Povest' vremennykh let // Tenth Annual Winter Workshop in Medieval and Early Modern Slavic Studies. UCLA (Los Angeles, CA). 2006. February 24.

Список сокращений

- ДИФ – дополнительная иллюкутивная функция
ИПВ – иллюкутивно полифункциональное высказывание
ИФ – иллюкутивная функция высказывания
КРА – косвенный речевой акт
ПВЛ – «Повесть временных лет»
ПЕ – предикативная единица
ПРА – прямой речевой акт

Сведения об авторе: Савельев Виктор Сергеевич, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.
E-mail: alfertinbox@mail.ru

Е.А.Нефедова

О МЕСТЕ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ В ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Говоры архангельского региона обладают общностью языковых черт, относящихся к разным уровням языка, и ярко выраженным членением на подгруппы. Распределение целого ряда признаков на этой территории носит волнообразный характер, что свидетельствует о сочетании дискретности и континуальности лингвистического ландшафта говоров Русского Севера. В статье рассматривается вопрос о границах архангельских говоров, об их соотносительности с современным диалектным членением русского языка, в котором представлена только южная часть архангельской территории.

Ключевые слова: макросистема диалектного языка, диалектное членение, архангельские говоры.

Dialects of Arkhangelsk region have a common language features related to different levels of language, and a pronounced division into subgroups. The distribution of a number of features in this territory has the wavelike character, indicating the combination of discrete and continual linguistic landscape of the North Russian dialects. The article discusses the boundaries of Arkhangelsk dialects, as well as the correlation of these boundaries with the modern dialectal division of the Russian language, in which only the southern part of the Arkhangelsk territory is represented.

Keywords: macrosystem of dialect language, dialectal division, Arkhangelsk dialects.

Территория современной Архангельской области на «Диалектологической карте русского языка в Европе» [Дурново, Соколов, Ушаков, 1915] в основном отнесена к Поморской группе, ее юго-западная часть – к Олонечкой, южная – к Восточной группе северновеликорусского наречия (карта № 1). На «Диалектологической карте русского языка» [Русская диалектология, 1965] показана только южная часть архангельской территории, до 62 параллели северной широты. Юг ее оказался в составе Вологодской группы северного наречия, юго-западная часть – в составе Лачской межзональной группы. Все, что оказалось севернее 62 параллели, в группировку 1965 не вошло (карта № 2).

Архангельская (Поморская) группа говоров позднее была включена в группировку русских говоров в [Русская диалектология, 2005: 263–264] (автор параграфа 182 – Л.Л. Касаткин), а в [Пожарицкая, 2005: 221–225]

этот континуум представлен как Архангельские говоры, занимающие обширную и некомпактную территорию (вероятно, севернее 62 параллели) и, несмотря на их неоднородность, обладающие рядом важных черт. Н.Н. Пшеничнова также выделила в составе Северного наречия Поморскую (Архангельскую группу), характеризующуюся 24-мя общими признаками [Пшеничнова, 2008]. При их отборе она опиралась на работы О.Г. Гецовой [Гецова, 1997] и С.К. Пожарицкой [Пожарицкая, 1997], [Пожарицкая, 2002]. Тем не менее вопрос о том, существуют ли АГ как самостоятельная группа, где проходят ее границы, как они соотносятся с административным делением, все еще остается открытым.

В статье О.Г. Гецовой «Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика» подробно описаны как общеархангельские языковые черты, так и черты, характеризующие диалектные группы в пределах архангельской территории [Гецова, 1997]. К общеархангельским она относит двадцать фонетических, двадцать морфологических, восемнадцать синтаксических и девять акцентологических признаков.

Среди явлений, разделяющих эту территорию на группы, в [Гецова, 1997] названо одиннадцать фонетических явлений, в частности:

1) реализация Ъ под ударением и в 1-м предударном слоге между мягкими согласными в [и] или [е],

2) качество долгих шипящих: [шч]ука, до[ждж]а или [шиш]ука, до[жж]а,

3) качество мягких зубных фонем /с'/ и /з'/ (палатализованные или палатальные),

4) твердая боковая фонема веляризованная /л / или неvelopризованная /л/ и др.

В области морфологии отмечено двенадцать различительных явлений, например таких, как:

1) дат. и предл. падежи существительных первого склонения – *к жене, о жене* или *к жены, о жены*,

2) флексии склонения существительных с нулевым окончанием – *на печи, в ночи* или *на печё, в ночё*,

3) формы глаголов *есть, дать* – *дашь, ешь* или *даси, еси* и др.

В области синтаксиса – три явления, различающих говоры архангельского региона:

1) *по хлеб, по врача* или *за хлебом, за врачом*,

2) наличие или отсутствие предлога *пря́м* ‘напротив’,

3) наличие деепричастных форм в составе сказуемого.

Статистические данные отражают преобладание общих явлений над различительными.

Лингвистический ландшафт современной архангельской территории выглядит следующим образом – пучки изоглосс выделяют западный (Онежский) и в его пределах – юго-западный ареал (каргопольские говоры), северо-восточный ареал (бассейны р. Мезени и Пинеги), юго-восточный ареал (верхнее течение р. Северной Двины с притоками), большое число изоглосс позволяет говорить о двинском ареале, в зоне которого выделяется важский ареал. Множество изоглосс противопоставляют северную и южную, западную и восточную части архангельской территории (см. карты № 192–198 в [Комягина, 1994: 226–232]). В [Гецова, 1997] каждая из названных диалектных зон охарактеризована по комплексу явлений фонетики, грамматики и лексики.

Важно отметить, что ареалы, выделенные О.Г. Гецовой на материале фонетики и грамматики, ареалы, показанные на картах «Лексического атласа Архангельской области», который опирается на достаточно разнородный лексический материал, совпадают с изоглоссными областями, выделенными на основе картографирования системно организованного материала: лексико-семантических групп «Наименования грибов», «Наименования насекомых», «Наименования ветров», семантических полей ‘ВРЕМЯ’ и ‘ЖИЗНЬ’ и др. (см. [Нефедова, 1977, 2002, 2006, 2008]). Рассмотрим несколько примеров локализации явлений лексики и семантики, относящихся к названным семантическим областям.

1. Противопоставление западной и восточной частей архангельского региона. Локализация наименований стрекозы выделяет западный ареал (онежские и каргопольские говоры), представленный наименованиями *коромы́сло*, *веретно́*, *мотовило́*, и восточный ареал (говоры по р. Северной Двине, Мезени, Пинеги) с наименованиями *стрелá*, *стрёлка*, *стрелóк* (карта № 3).

Восточный и западный ареалы противопоставлены по наличию-отсутствию явления: глагол *жить* в значении ‘находится в процессе брожения; о пищевых продуктах’ и дериваты *жи́ло*, *жило́й*, соотносящиеся с этим значением, характеризуют двинские, мезенские, пинежские говоры и почти не представлены в онежских и каргопольских говорах (карта № 4).

Выражение *Время да́леко* в значении ‘прошло много времени’ также отмечено только в восточной части региона (карта № 5).

2. Противопоставление южной и северной части архангельской территории. На карте № 6 показана локализация типов семантических отношений в ЛСГ «Родовые наименования грибов». Для южной части региона характерна двуступенчатая структура: общее название для всего класса грибов и общие названия для подклассов трубчатых и пластинчатых грибов. На остальной архангельской территории отсутствует общее родовое название при четкой лексической противопоставленности подклассов: *гриб – губа, обáбок – ры́жик, гриб – волну́ха* (*Бывáло, идёшь из лésу, дак фсё уш туюсóк грибо́ф либо гу́п несём. Губы - это котóры соли́ть у нас назывáют: ры́жики, волну́шки грузди* [АОС, 10: 124]; *Хоть какá тут осолáт, ходь гру́зди, фсё тут волну́хами назывáют* [АОС, 5: 38]).

Карта № 7 отражает наложение ареалов номинаций нескольких видов грибов: волнушки – *во́лвенца, во́лденца, во́лгенца*, рыжика соснового и елового – *ры́жик*, подберезовика – *сéрый гриб*, характерное для юга архангельской территории.

3. Общие явления объединяют юг архангельской территории (по группировке 1964 г. это северная часть Вологодской группы) с территорией бассейна Северной Двины. Причем ряд изоглосс, объединяющих юг территории с Двиной, доходит почти до Архангельска (карта № 8) [Комягина, 1994].

4. Общность говоров юго-запада (Каргополья), относимого в группировке 1965 г. к Лачской межзональной группе, и говоров северо-востока (мезенских и пинежских). Карта № 9 отражает различия в характеристике ситуации ‘погода изменилась’: на юго-западе и северо-востоке *погода сломалась*, на остальной территории *погода сбилась*.

Общность этих ареалов образуют и явления, относящиеся к материальной культуре, а именно отсутствие наименований для некоторых видов грибов, поименованных на остальной архангельской территории (карта № 10).

На карте № 11 показаны различия в составе синонимических рядов с общим семантическим признаком ‘состояние жизни’. Западный и северо-восточный ареалы, а также ареал по среднему течению Северной Двины представлены наибольшим количеством обозначений, таких, как *житьё, жисть, жи́ра, жир, жи́ло, живóт, жи́вность*. В говорах северо-запада не употребляется наименование *жи́ло*, в говорах юго-востока *жи́ра, жир, жи́ло, живóт*.

Соотнесенность говоров юго-запада и северо-востока при их противопоставленности говорам двинского ареала отражена также в [Комягина,

1994]: *ска́ло* ‘скалка’ (карта № 161), *клуб* – ‘кочан капусты’ (карта № 118), *рого́вик* ‘глиняный сосуд с носиком’ (карта № 16) и др., в географических пометах словарных статей «Архангельского областного словаря» (см., например, локализацию глагола *завеча́ться* преимущественно в каргопольских и лешуконских говорах [АОС, 15: 336]).

О.Г. Гецова отметила фонетические явления, общие для этих ареалов: 1) прогрессивную ассимиляцию по мягкости в группе зубных согласных – *бо[л'н'о́и]*, *по [л'д'у]*, *па[л'т'о́]*, 2) мену *[хв]* на *[ф]* – *[ф]а́стать*, *[ф]оста́ть*, *[ф]ост*, *[ф]а́тать*, 3) ассимиляцию по сонорности в группе “губной + л» *[мл]а́знит*, *[мл]е́мянница*, 4) *рад теб́я* [Гецова, 1997].

Общность явлений говоров юго-запада, относимого в группировке 1964 г. к Лачской межзональной группе, и говоров северо-востока (мезенских и пинежских) весьма показательна с точки зрения диалектного членения. Она свидетельствует о том, что границы АГ, как они определены в [Русская диалектология, 2005; Пожарицкая, 2005; Пшеничнова, 2008], нуждаются в корректировке.

5. Целый ряд явлений образует замкнутые, собственно архангельские ареалы большей или меньшей протяженности. Замкнутый важский микроареал дают *белянка* ‘любой съедобный пластинчатый гриб’, *боровуха* ‘белянка’, *кисе́люха* ‘млечник’, *чи́щенник* ‘масленок’ (карта № 12). Другие примеры замкнутых лексических микроареалов: двинско-емецкий – *оба́бок* ‘белый гриб’, *суха́нка* ‘горькушка’, *сыровя́га*, *сыровя́га*, ‘сыроежка’, *ело́вик*, *подъело́вик* – ‘рыжик еловый’; пинежский микроареал – *саватеи* и *вахрамеи* ‘подосиновики’ и ‘подберезовики’; замкнутый двинско-важский ареал образует распространение лексем – *горо́ховик*, *синяк* [Нефедова, 1977]; в [Комягина, 1997]: распространение слова *янга* – замкнутый ареал в пределах юго-западного ареала (карта № 17), *осота* ‘трава лука’ – северо-западный микроареал в нижнем течении р. Онеги (карта № 117), *плести* ‘вязать’ – замкнутый микроареал в среднем течении Онеги (карта № 188) (см. также карты № 18, 29 и др.).

По сведениям, приведенным в [Гецова, 1997: 170–171], замкнутые ареалы дают и явления фонетики и грамматики: вашско-мезенский – твердые губные на конце слова: *се[м]*, *ро[п]*, *любо[ф]*, *кро[ф]*, среднее течение Онеги – формы деепричастий в предикативной функции: *Он умерши. Больной, а жалемиши его.*

Авторы «Диалектного членения русского языка» К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова отмечают ряд черт, по-разному характеризующих северную и южную часть говоров Вологодской группы. Например, в ее северной

части отсутствуют ассимилятивное прогрессивное смягчение заднеязычных согласных [*бáн'к'а*], [*дóч'к'а*], [*чájk'ý*]), совпадение форм дат. и тв. п. мн. числа существительных – *к пустым вёдрам* и *с пустым вёдрам*, формы *ейé*, *сме[éцце]*, *дер[éцце]* представлены в северной, *ейó*, *сме[jóцца]*, *де[r'óцца]* – в южной части. Северную и южную часть Вологодской группы различают также *несе[mé]* или *несе[m'ó]*, *тектьí*, *сектьí* или *текчí*, *секчí* [Захарова, Орлова, 1970: 113–114]. Показательно, что именно северная часть Вологодской группы входит в территорию архангельского региона, и эти признаки, в частности, отличают архангельские говоры от вологодских.

Следует отметить, что набор признаков Поморской (Архангельской) группы говоров, представленный в [Русская диалектология, 2005; Пожарицкая, 2005; Пшеничникова, 2008], не совпадает полностью у названных авторов и имеет значительные отличия от характеристики АГ, данной в [Гецова, 1997].

Речь прежде всего идет о реализации /б/ под ударением и в 1-м предударном слоге перед мягким согласным. Авторы, дополнившие «Группировку русских народных говоров» включением в нее архангельских говоров, локализованных на территории севернее 62 параллели, указывают на такую отличающую их от говоров Вологодской группы и Лачской подгруппы черту, как [е] на месте старого /б/ как перед твердым, так и перед мягким согласным.

Однако эта характеристика не подтверждается данными, приведенными в [Гецова, 1997], которая отмечает гораздо более широкое распространение [и] и в ударном, и в 1-м предударном слогах. Наличие [и] на месте /б/ в слоге под ударением между мягкими согласными произношение [*на с'ín'e*, *сос'úd'u*, *на св'ít'e*] дает изоглоссу, охватывающую, кроме собственно южных, также Красноборский, Виноградовский, Верхне-Тоемский районы, отмечается в отдельных лешуконских, пинежских и мезенских говорах. «Иначе говоря, такое явление знает юго-запад, юг Архангельской области, а также оно проникает клином на среднее и нижнее течение р. Сев. Двины» [Гецова, 1997: 157].

В 1-м предударном слоге после мягких согласных произношение [и] и перед твердым и перед мягким согласным [*р'ика* – *р'ик'е*, *цв'иты́* – *цв'ит'от*, *б'идá* – *в б'ид'é*] кроме юго-западной (Плесецкий, Каргопольский, Няндомский р-ны) характерно и для части северо-западной зоны (говоры Летнего берега Белого моря), мена [*е/и*] – [*р'ека* – *р'ик'е*, *цв'еты́* – *цв'ит'от*, *б'едá* – *в б'ид'é*] – для говоров южной и центральной части

архангельской территории (бассейн р. Северной Двины), говоры на территории западной части Онежского полуострова, части мезенских, пинежских и лешуконских говоры. На остальной архангельской территории старый /Ѣ/ представлен как [е] и перед твердым и перед мягким согласным – [р'ека – р'ек'е, цв'еты – цв'ет'от, б'еда – в б'ед'е]. Это юг и юго-восток, восточная часть Онежского полуострова, Зимний берег Белого моря, среднее и нижнее течение р. Мезени (часть мезенских и лешуконских говоры).

Очевидно, что [е] на месте старого /Ѣ/ в ударном и безударном слогах, т. е. «ятевая» граница, проходит гораздо севернее границы АГ, как она определяется в [Русская диалектология, 2005; Пожарицкая, 2005, Пшеничнова, 2008]. Территория к югу от этой границы объединяет эту часть архангельской территории с той ее частью, которая в «Группировке» 1965 г. отнесена к Вологодской группе и Лачской подгруппе северного наречия.

Некоторые признаки, отнесенные к общеархангельским в [Пшеничнова, 2008], по данным [Гецова, 1997] выделяют ареалы в пределах архангельской территории. Например, формы существительных 1-го склонения с окончанием –и(ы) – *к бабы, к мамы, в избы, в земли, на зари, на работы*, существительных 2-го склонения с окончанием –и(ы) – *во хлеви, на столі, в декабри, в житыи, на молоки* противопоставляют север и юг архангельской территории. Форма 2-го л. ед. ч. глаголов *еси, даси* отмечена только в говорах юго-запада (Плесецкий, Каргопольский, Коношский р-ны). В [Пшеничнова, 2008: 48–50] обе эти черты представлены как общеархангельские.

Таким образом, говоры современной архангельской территории обладают общностью языковых черт, относящихся к разным уровням языка, и ярко выраженным членением на подгруппы. Вместе с тем распределение целого ряда признаков на этой территории носит волнообразный характер. Это свидетельствует о сочетании дискретности и континуальности лингвистического ландшафта говоры Русского Севера.

Все изложенное выше дает основания различать два не вполне совпадающих понятия – Архангельская группа говоры как *единица диалектного членения*, выделенная с учетом уже имеющегося деления на группы и подгруппы Северного наречия, с одной стороны, и архангельские говоры как *региональная база исследования* фрагмента общей макросистемы русского диалектного языка, с другой. При этом общий набор признаков Архангельской группы требует все же некоторой корректировки.

Лексика архангельского региона представлена в таком лексикографическом труде, как «Архангельский областной словарь» [АОС, 1–16]. Картоoteca этого словаря, сформированная на материалах экспедиций в Архангельскую область (1958–2016 гг.), содержит около шести миллионов карточек (с учетом ее электронного варианта), «Обратный словарь архангельских говоров» [ОСАГ] – более 180 тысяч единиц.

Говоры современной архангельской территории уже обследованы в плане фонетики, грамматики, словообразования, лексической семантики, лингвогеографии, в этнолингвистическом аспекте, что нашло отражение в статьях, монографиях, кандидатских и докторских диссертациях О.Г. Гецовой, В.Я. Дерягина, Л.П. Комягиной, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, С.К. Пожарицкой, Е.А. Нефедовой, В. Закревской, М. Пак, Л.О. Чернейко, Н.Г. Ильинской, И.Б. Качинской, А.Г. Эфендиевой, Е.Е. Королевой, Л.В. Хаджаевой, Е.В. Первухиной, О.А. Глушенко, И.В. Бегунц, А.Б. Коконовой, Ж.А. Паниной. В настоящее время продолжается обследование АОС для АОС, а также их изучение в названных аспектах.

Список литературы

- АОС – Архангельский областной словарь / Под. ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–. М., 1980–.
- Гецова О.Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1915.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членения русского языка. М., 1970.
- Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.
- Нефедова Е.А. Микологическая лексика архангельских говоров: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Нефедова Е.А. Диалектные лексические микросистемы в ареальном аспекте // Аванесовский сборник. М., 2002.
- Нефедова Е. Данные тематического атласа и их роль в группировке русских говоров // Proceedings of the 4th Internacional Congress of Dialectologists and Geolinguists. Riga, 2006.
- Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

Русская диалектология / Под. ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М., 1965.

Русская диалектология / Под. ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.

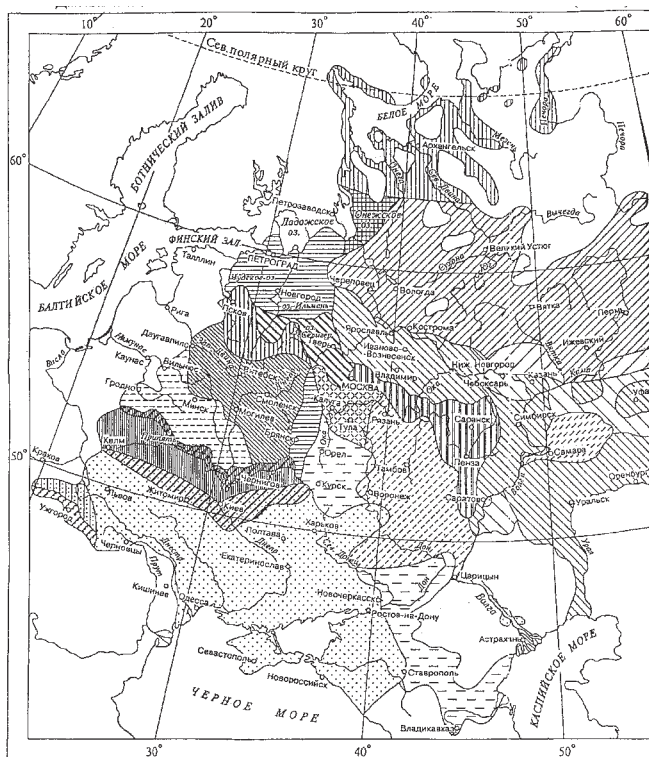
Пожарицкая С.К. Северные говоры за чертой ДАРЯ: К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по русской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.

Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 2005.

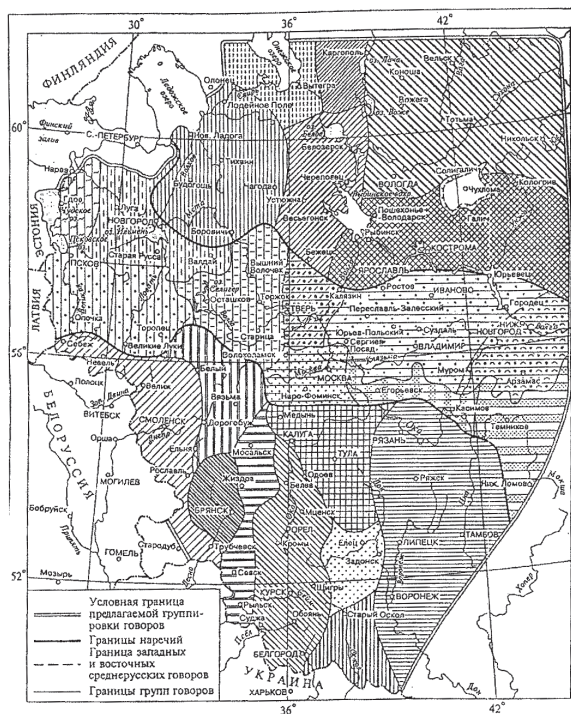
Пиеничникова Н.Н. Лингвистическая география. М., 2008.

Сведения об авторе: *Нефедова Елена Алексеевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: eanefedova@gmail.com

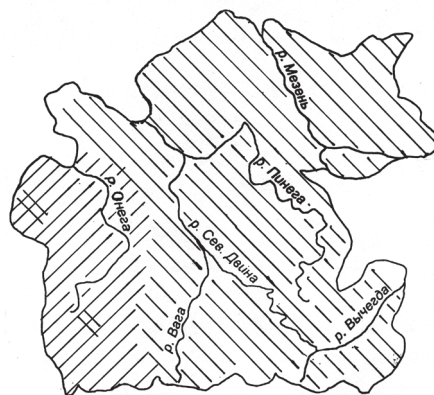
Карты

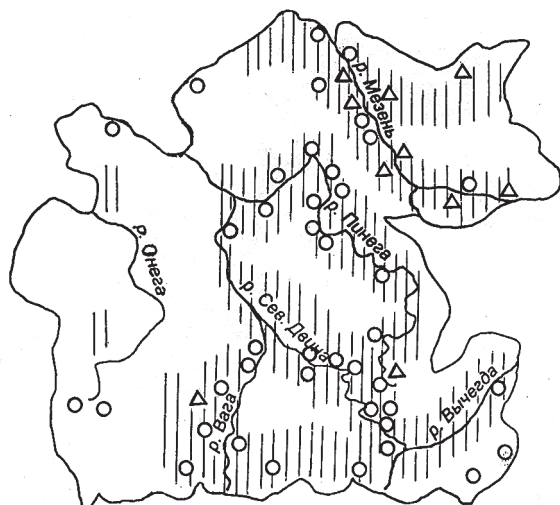
Карта №1

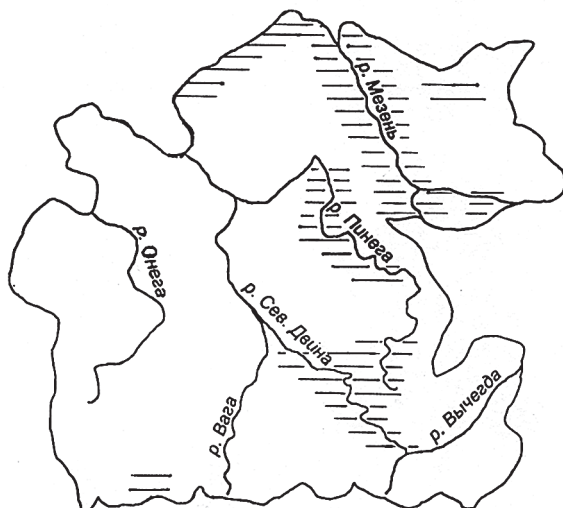
Карта №2

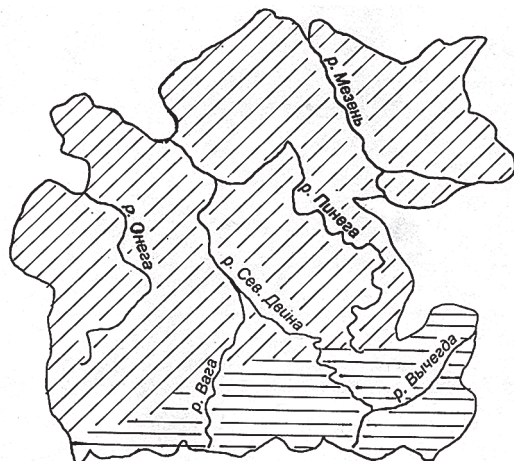
Карта №3

Карта №4

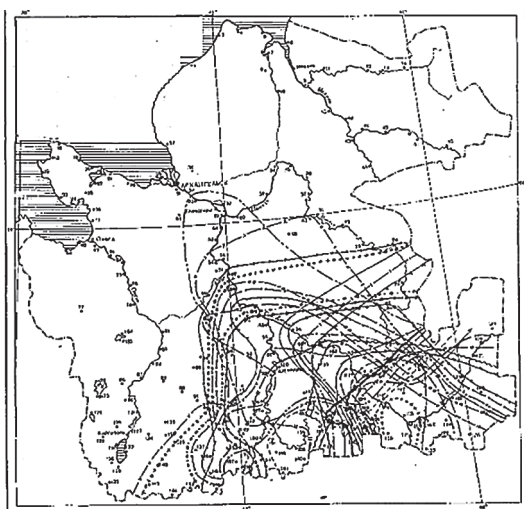
Карта №5

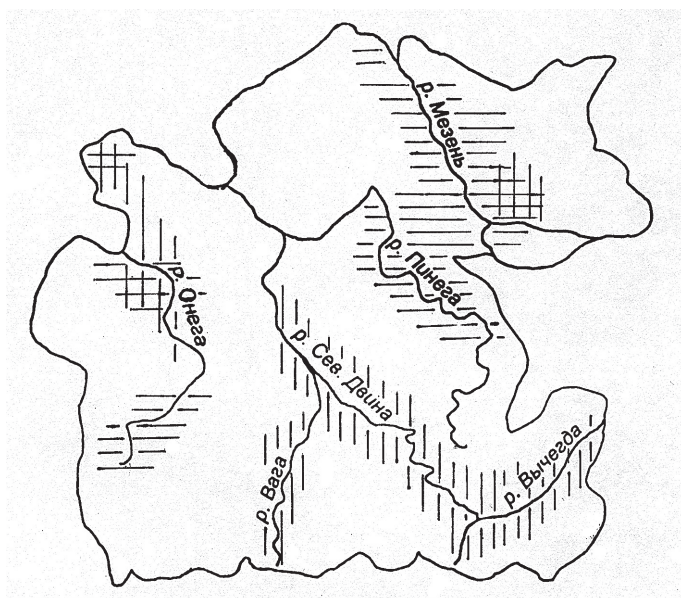
Карта № 6

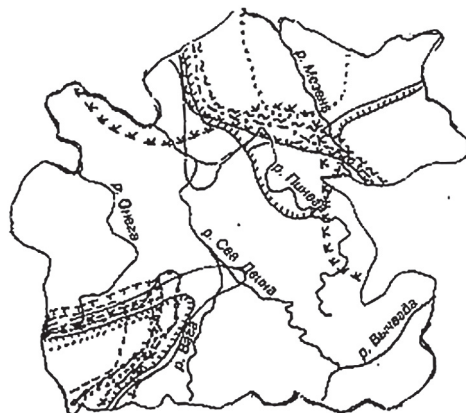
Карта № 7

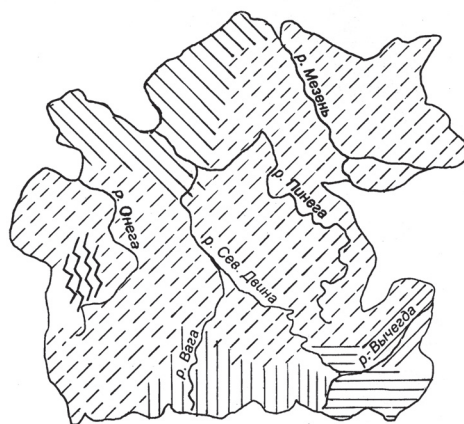
Карта № 8

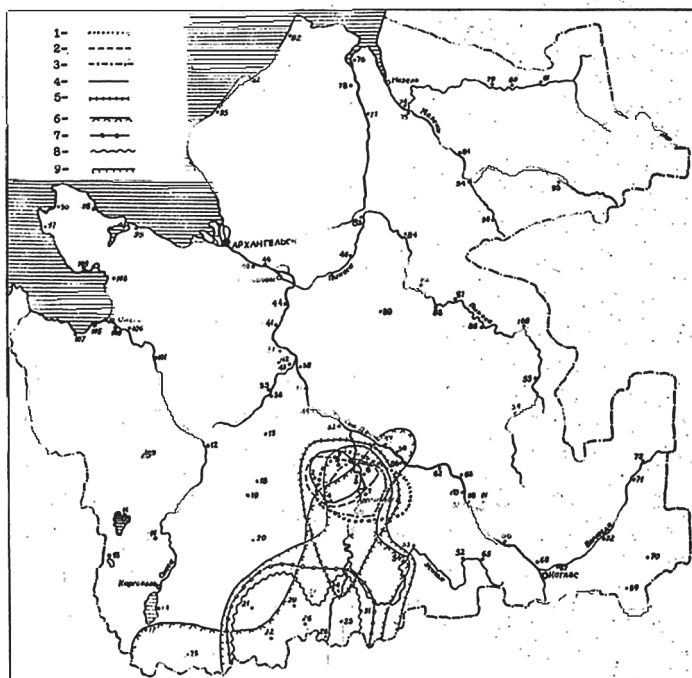
Карта № 9

Карта № 10

Карта № 11

Карта № 12

Л.А.Трахтенберг

ОБРАЗ ИЗДАТЕЛЯ В РУССКИХ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

Сатирический журнал – характерный для эпохи Просвещения тип издания, выделяющийся среди других форм литературной периодики мерой внутреннего единства. Композиционным центром журнала, скрепляющим целостность текста, является образ издателя. Это образ условный, но выступающий как проекция личности автора в текст. Он поддерживает единство точки зрения и в то же время формирует ситуацию диалога, в котором участвуют и другие персонажи – читатели. В образе издателя соединяются ирония и дидактика, что позволяет извлечь эстетический эффект из их контраста.

Ключевые слова: сатирический журнал, образ автора, характер, композиция, поэтика.

The satirical magazine is a specific form of periodical typical of the Enlightenment. If compared to other periodicals, it is notable for its internal unity. The editor's persona is the structural centre of the magazine that holds the text together. It is fictitious but acts as a projection of the author's personality into the text. It maintains a common viewpoint throughout the text and at the same time forms the situation of a dialogue involving other characters – the readers. The editor's persona unites irony and didacticism, their contrast producing an aesthetic effect.

Keywords: satirical magazine, author's persona, character, composition, poetics.

Сатирический журнал – литературная форма, популярная в XVIII в., но впоследствии вышедшая из культурного обихода и забытая. Она существует в общем историческом пространстве с той жанровой системой, которую принято называть классицистической. Эта система, как известно, отличается исключительно высокой степенью регламентации и, соответственно, располагает богатым метатекстовым инструментарием. Однако сатирический журнал остается за пределами этой системы: в таких классических нормативных текстах, как «Две эпистолы» А.П. Сумарокова, «Предисловие о пользе книг церковных» М.В. Ломоносова или «Опыт о стихотворстве» М.Н. Муравьева, мы не найдем ни одного упоминания о нем, хотя в эпоху Сумарокова и Ломоносова в Западной Европе такие журналы уже не только существуют, но и пользуются популярностью, а ко времени, когда Муравьев обращается к дидактическому жанру, эта

форма уже освоена и русской литературой. Поэтому модели метаописания, используемые в XVIII в., к сатирическим журналам в значительной степени неприменимы, и это естественно: на такой материал они не рассчитаны.

Но и концептуальный инструментарий литературоведения XIX–XX вв. к описанию журналов специально не приспособлен: он ориентирован прежде всего на жанры, входящие в состав если не античного, то новоевропейского классического канона, как роман или драма, а сатирический журнал и от них далек. Это означает, что литературоведческое описание сатирического журнала, в каких бы терминах и с помощью каких бы методик оно ни предпринималось, представляет методологические трудности. Категоризация наблюдаемых в нем явлений и его самого затруднительна, так как классификационные категории, которые приходится для этого использовать, соответствуют ему не вполне, поскольку разработаны для других целей.

Сатирический журнал – своеобразная литературная форма. В структурном отношении ему присущи особенности, которые можно наблюдать в разных жанрах, от эссеистики до романа. Он может быть рассмотрен с разных точек зрения, и в зависимости от их выбора выявляется сходство с тем или иным более привычным литературным феноменом.

Специфику сатирического журнала определяет прежде всего проблема его единства. Концептуальное единство – важная характеристика литературного журнала, как он известен русской культуре XIX–XX вв. [Зыкова, 2005: 105 сл.]. Это в первую очередь единство редакционной позиции как по общественно-политическим, так и по эстетическим вопросам. Единство концептуальное поддерживается организационной общностью – устойчивым составом редакции: часто это круг друзей или по крайней мере единомышленников. Однако литературный журнал XIX–XX вв. предоставляет свои страницы разным литературным произведениям, не объединяя их в композиционный континуум, даже если ради поддержания единства издания они подвергаются радикальной правке, как в «Библиотеке для чтения» О.И. Сенковского [Гриц и др., 2001: 264–267; Рейтблат, 2007: 576]. Такие исключения, как «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского, лишь подтверждают правило.

Сатирический журнал предполагает намного большую меру единства. Это прежде всего единство авторства. В XVIII в. «журнал одного автора» – не исключение, а распространенный случай. «Le Spectateur Français» П. Мариво, «Le Misanthrope» Ю. ван Эффена, «The Idler» С. Джон-

сона, «Адская почта» Ф.А. Эмина, «Почта духов» И.А. Крылова, «Сатирический вестник» Н.И. Страхова, «Что-нибудь от безделья на досуге» Н.П. Осипова – примеры изданий, полностью подготовленных одним человеком. Такие журналы могут включать заимствованные тексты: так, ван Эфпен берет ряд статей у Мариво [Солнцев, 1893: 25–26], Эмин – у Э. Ленобля [Рак, 1998: 28–89], а Крылов – у Ж.Б. Буайе д'Аржана [Разумовская, 1978]. Тем не менее и в этом случае журнал скреплен единством авторского замысла и композиционного решения. Разумеется, часто основной автор работает над журналом вместе с сотрудниками: например, в журнале Н.И. Новикова «Трутенъ» публикуются стихотворные сказки А.О. Аблесимова [Макаров, 1839: 31; Булич, 1854: 235], а в журнале М.Д. Чулкова «И то и сё» – стихи М.И. Попова [Семенников, 1914: 20]. Однако и в этом случае концепция издания, определенная автором, остается единой.

Единство сатирического журнала – не только характеристика творческого процесса, но и конструктивный принцип. Оно очевидно и в тех случаях, когда над изданием работает устойчивый авторский коллектив, как в журналах Дж. Аддисона и Р. Стиля «The Tatler» («Болтун») и «The Spectator» («Зритель»), и тогда, когда авторы предпочитают остаться неизвестными, а попытки атрибуции дают лишь частичные и предположительные результаты.

Композиционное единство присуще сатирическому журналу в столь значительной мере, что он отчасти сближается с такими крупными литературными формами, как роман. Но если по сравнению с журналами XIX–XX вв. в сатирических журналах XVIII в. оно проявляется очень ярко, то по сравнению с романами оно все же, разумеется, остается слабым, особенно в таких образцах, как «Всякая всячина» – журнал Екатерины II – или «Трутенъ» Новикова, лишенных, в отличие от «Почты духов», единого сюжета с участием постоянных действующих лиц. Из числа крупных повествовательных жанров с сатирическими журналами можно сопоставить такие формы, как роман в письмах – своеобразный прототип «Адской почты» и «Почты духов», и особенно обрамленная повесть. Обрамленную повесть отличает многоуровневая композиционная организация, где общая сюжетная структура мотивирует ввод эпизодов, нередко очень слабо с ней связанных. Для сатирических журналов характерен подобный композиционный тип.

Единство журнала обеспечивается с помощью целого ряда композиционных средств. Главное среди них – образ издателя. Он выступает как

субъект речи на протяжении текста и становится центром коммуникативной ситуации, в которой также принимают участие другие субъекты – персонажи. Есть и иные средства: общий для одного журнала и отличающий его от прочих жанровый состав, композиционный параллелизм, система отсылок, тематических и формальных связей между текстами.

Образ издателя – проекция личности автора в текст. В сатирическом журнале очень часто автор не скрывает, а подчеркивает свое присутствие; впрочем, вместо своей подлинной личности он представляет читателям литературную маску. Субъекту, от лица которого высказываются суждения в журнале, может придаваться внешняя, биографическая, психологическая, речевая характерность. Образ издателя родствен тому, который принято называть рассказчиком или повествователем. Однако эти термины к нему неприменимы, так как в сатирическом журнале, в отличие от романа или рассказа, нет собственно повествования как основы текста. Повествования же нет потому, что, за единичными исключениями, нет общего сюжета, который связывал бы журнал воедино. Сюжетные эпизоды, очень часто изложенные от лица издателя, в журналах встречаются постоянно. Но они помещены там на равных правах с другими, не предполагающими повествования формами и изолированы друг от друга, как рассказы в сборнике, а не как эпизоды в романе. Образ же издателя при этом един в той же, если не большей, мере, как образ рассказчика в романном жанре.

Основная форма высказывания издателя – эссе. Эссе отличают разнообразие тем и формальных решений и вытекающая отсюда неопределенность жанровых границ. Эссе допускает и рассуждение, и описание, и повествование. Но часто эссе представляют собой рамочные структуры, вводящие тексты различных жанров.

Но издатель проявляет себя и в заочном диалоге с читателями. Характерная черта поэтики сатирических журналов, восходящая к Аддисону и Стилю и разработанная во «Всеякой всячине», – публикация читательских писем, сопровождаемых предисловием или послесловием от лица издателя, иногда и тем, и другим. Письма, как правило, подписываются вымышленными именами и фамилиями или не подписываются вообще; установить, кто в действительности их автор, действительно ли они присланы читателями или составлены кем-либо из сотрудников журнала, часто невозможно.

Образ издателя может служить конструктивной основой журнала, объединяя статьи на всем его протяжении. Но это не всегда так. Иногда,

напротив, образ издателя вводится во вступительной статье и после этого не используется. Примерами первого типа служат «Всякая всячина», «Трутенъ», «Поденьшина» – журнал В.В. Тузова. И функции, которые выполняет образ издателя, и средства его создания в этих журналах различны, но в каждом из них образ издателя, появляясь вначале, продолжает использоваться вплоть до заключительных статей. Напротив, в журнале «Что-нибудь от безделья на досуге» образ издателя появляется лишь во вступительной сцене.

Развернутые характеристики издателя, как правило, помещаются в первых номерах; можно сказать, что эта позиция закреплена за данным типом содержания. Однако тексты, основной функцией которых является создание образа издателя, часто появляются и позднее. Таков, например, программный диалог «Я и Трутенъ», опубликованный в журнале «Трутенъ» в конце года [Трутенъ, 1769: 249–256]. Кроме того, разумеется, характеристика издателя может быть второстепенной задачей: с этим образом ассоциируется точка зрения, которая находит свое выражение в текстах разных жанров, где бы они ни были помещены.

Образ издателя не всегда един: он может быть коллективным. В «Зрителе» Аддисона и Стиля рядом с издателем выступает вымышленный «клуб», члены которого получают подробные характеристики. Этому примеру следует «Всякая всячина». В ней также создается образ «общества» [Всякая всячина, 1769: 15, 57 и др.] или «собрания» [Всякая всячина, 1769: 48], участвующего в издании. Но для большинства русских сатирических журналов подобный прием нехарактерен.

Во «**Всякой всячине**» автохарактеристика издателя амбивалентна. В статье «К читателю» он, с одной стороны, сообщает, что у него «сердце доброе», с другой – обвиняет себя в неблагодарности к людям, чей труд приносит ему доход (впоследствии эту тему продолжит Новиков в «Трутне»). Иронична его самооценка в первой статье второго номера журнала: «Нетерпеливо хочется мне говорить о себе; ничего нет веселее для самолюбия, и притом прибавить можно, скучнее для слышателей» [Всякая всячина, 1769: 3].

Ироничны и характеристики других участников «общества». Третий среди них – «человек молодой» [Всякая всячина, 1769: 9] и, по крайней мере поначалу, несамостоятельный. Он отправляется в путешествие, и отец напутствует его: «живи хорошенько» [Всякая всячина, 1769: 9]. Не понимая, что это значит, он решает, что жить нужно весело, подражая в этом своему двоюродному брату – моту и бездельнику. Лишь благодаря

тому, что он «попался в руки двух честных и ученых людей, кои показали ему, в чем должности человеческие состоят во всяком звании и случае» [Всякая всячина, 1769: 11–12], он усвоил твердые нравственные правила. В его истории можно видеть версию архетипического сюжета о блудном сыне – пусть решенную скорее в комическом, чем в драматическом ключе, адаптированную к контексту сатирического журнала. Иными словами, этот персонаж оказывается в ряду объектов, а не только субъектов сатирического высказывания. Но история его заблуждений остается в прошлом; в отличие от многих других персонажей, изображенных сатирически, ему удастся выйти на верный путь.

Характеристика четвертого члена «общества» дается от первого лица: «Я толст, и как мне трудно наклониться, то называют меня гордым <...> Я нахожу себя ко всему способным; но ничего из моих рук не выходит, хотя я много начинаю. По совести сказать, лень - - - . Первая строка легка; да другая, которую примыслить надобно, та-то мне трудна» [Всякая всячина, 1769: 23–24]. Здесь ирония направлена и на общество, ошибочно приписывающее персонажу гордость, и на него самого с его гиперболизированной пассивностью и ленью. Его неспособность довести до конца даже фразу выражена средствами синтаксиса (с помощью эллипсиса) и пунктуации: «Слыхал я мельком, как люди - - - ; так-то и мне хочется быть; но мудрено. Одним словом, я очень умен; да не только умен - - - » [Всякая всячина, 1769: 24].

Таким образом, амбивалентность свойственна не только образу издателя, но и образам участников окружающего его «общества». В характеристиках заметен комический элемент, иногда даже сатирический оттенок, по крайней мере в биографической ретроспективе.

Однако все это не отменяет дидактической установки журнала. Она декларируется в ряде статей, начиная со вступительного обращения «Ко читателю» в первом номере журнала: «Иногда дам вам полезные наставления; иногда будете смеяться» [Всякая всячина, 1769: нум. стр.]. Впоследствии во «Всякой всячине» публикуется восходящая к «Зрителю» статья «Два есть у меня рода читателей...»¹, в которой две функции литературы – дидактическая и рекреативная – противопоставляются в аксиологическом отношении, и предпочтение отдается первой: «Я бы совершенно лучше желал приложить старания дать наставление, нежели забавлять» [Всякая всячина, 1769: 328]. При этом «Всякая всячина» выступает за «мягкую» сатиру, не задевающую личностей; как известно, во-

¹ Об источнике статьи см.: [Солнцев, 1892: 139; Левин, 1967: 53–54, 92].

прос о характере сатиры становится предметом ее полемики с журналом «Трутьень».

Дидактическая установка «Всякой всячины» не только формулируется в теории, но и проявляется на практике, прежде всего в ответах издателя на читательские письма. Очень часто корреспондент обращается к издателю с вопросом или просьбой, заранее предназначая ему роль наставника и арбитра в самых разнообразных вопросах – от нравственных до эстетических. И издатель принимает эту роль; раз за разом публикуя письма с такого рода вопросами и ответами на них, «Всякая всячина» тем самым формирует дидактическую парадигму сатиры, предлагая аудитории ее принять.

Если во «Всякой всячине» издатель окружен единомышленниками, составляющими «общество», то в журнале «**И то и сё**» издатель один. В отличие от «Всякой всячины», развернутой портретной характеристики издателя в журнале «И то и сё» нет: отсутствует и последовательное описание внешности, и психологический портрет, и биография, которая, впрочем, и во «Всякой всячине» представлена лишь фрагментарно. При этом автохарактеристике издателя посвящен ряд статей, сосредоточенных преимущественно, но не исключительно в начале и в конце журнала и иногда даже полностью занимающих номер. Однако значительная, даже бо́льшая часть объема этих статей занята отступлениями на другие темы, характеристика же издателя остается неопределенной. Такое композиционное решение, конечно, представляет собой прием литературной игры, форму обмана читательских ожиданий, который становится одним из источников комического эффекта.

Психологическую характеристику издателя определяет юмористически интерпретированный тоpos самоуничижения, который сопровождает его образ от первых номеров журнала: «Пуще всего прилежу к словесным наукам, но только к тем, которых я не понимаю» [И то и сё, 1769, 2: 3] – до последних: «принадлежит мне хула за то, что принялся я совсем не за свое дело и, не справясь в архиве мелкого моего понятия, дерзнул сочинять годовой журнал» [И то и сё, 1769, 52: 4]. Иногда самоуничижение сменяется самовосхвалением, но также ироническим [И то и сё, 1769, 1: 5–6; 3: 2].

Есть в журнале и элементы биографии издателя, но немногочисленные. Сообщается, что издатель принялся учиться парикмахерскому искусству; этот мотив повторяется несколько раз в разных функциях. Как и другие мотивы, он становится поводом для юмористических замеча-

ний (См.: [И то и сё, 1769, 1: 6–7; 4: 1–2]). В гиперболическом контексте этот мотив парадоксально переосмысливается как метафора сатирического творчества, обращенного к широкой аудитории: «обязался я расчесывать волосы целому городу и с пригородками, то есть тем людям, которые имеют о себе великое нерадение и содержат себя не в холе» [И то и сё, 1769, 4: 2]. В этом образе внешняя неопрятность, видимо, должна осмысливаться как метафора безразличия к своему внутреннему миру. Другой элемент биографии издателя – воспоминание о том, как в детстве он учился грамоте [И то и сё, 1769, 42: 1–6], – мотивирует ввод сатирической зарисовки, обличающей жадность учителя. Элементы биографии издателя не складываются в сюжет, зато выполняют важную характерологическую функцию: они указывают на его социальное положение. Издатель, очевидно, небогат, и он не дворянин. Это отличает его от издателя «Всякой всячины», который, как следует из сюжетных фрагментов, принадлежит к дворянству, не богат, но и не беден (впрочем, вопрос о его социальном положении не рассматривается специально); именно такой аудитории «Всякая всячина», видимо, и адресована (см.: [Плюханова, 1989: 47–50]).

Наряду с этими элементами биографической характеристики, в журнале есть и аллегорическая сюжетная сцена с участием издателя. Это сцена поэтического посвящения, причем пародийная: сатир ведет издателя на высокую гору и ударяет по лицу кистью винограда [И то и сё, 1769, 2: 1–3].

Для создания образа издателя используются приемы речевой характеристики. Речевая маска издателя в журнале «И то и сё» связана с традициями народного балагурства, комической речи, отразившейся в ряде фольклорных жанров, как, например, прибаутки балаганных зазывал, и рукописной, в первую очередь пародийной, литературе XVII–XVIII вв. [Западов, 1940; Степанов, 1970: 234–236; Плюханова, 1989: 7–10, 46–50]². Связь с народным творчеством делает очевидным прежде всего введение в текст фольклорного материала – пословиц и поговорок.

В отличие от журналов «И то и сё», где портрет издателя лишь намечен отдельными штрихами, или «Всякая всячина», где комплексная характеристика издателя дается, но не играет значительной композиционной роли, в журнале «**Поденьшина**» именно биография издателя

² О реализации подобных стилистических принципов в фольклоре см.: [Богатырев, 1971; Некрылова, 1984: 115–133; Алпатов, 2014], в рукописной литературе: [Лихачев, 1976].

становится структурной основой журнала от первых и до последних номеров.

Как и в журналах «Всякая всячина» и «И то и сё», издатель нигде не называет своего имени. Однако уже в первом номере журнала дается его краткая характеристика, облеченная в стилистические формы делового языка: «Я здесь человек новый, и нет тому еще недели, как сюда приехал из Алатора, тамошнего посаду, искусством маляр, от роду мне сорок два года, вдов, грамоте читать и писать не доволен» [Поденьшина, 1858: 6–7] (*маляр* – художник [Словарь русского языка XVIII века, 2001: 55–56]).

Композиция «Поденьшины» необычна для сатирических журналов. В ней есть единый сюжет, где издатель выступает главным героем. Журнал принимает форму дневника. Издатель рассказывает о том, как отправляется на заработки в Петербург, по пути останавливаясь в Москве; сюжет завершается его отъездом на родину.

Сюжет выполняет в журнале функцию структурной основы, мотивирующей ввод как повествовательных эпизодов, так и статей дидактического содержания. Чередование сюжетных и ассоциативных мотивировок поддерживает композиционное единство текста, оформляя плавный переход от одной темы к другой. Так, издатель знакомится с чиновником в отставке, сын которого, щеголь, просит у отца денег на «сезонное платье» [Поденьшина, 1858: 33]. Комическое смешение слов *сазан* и *сезон* («из кожи рыбы сазана») и *сезонный* разрешается отступлением о значении слова *сезон*, введенным как пересказ объяснения, данного новым персонажем – камердинером-французом [Поденьшина, 1858: 38–39]. К началу *весеннего сезона* издатель шьет себе новый костюм; выйдя в нем на улицу в холод, он простужается, и, чтобы вылечить его, хозяин дома, где он остановился, зовет лекаря-колдуна. Этот ряд событий мотивирует переход к теме колдовства, которой посвящены несколько следующих номеров.

Значение сюжетной мотивировки, связанной с образом издателя, постепенно ослабевает. За эпизодами, которые позволяет ввести ситуация диалога издателя с колдуном, следует ряд статей о колдовстве у других народов, связанных с предшествующими уже не сюжетно, а тематически. Далее приводятся сведения о различных видах искусства – живописи, архитектуре, музыке. Статья о техниках живописи открывает этот ряд, и в тексте подчеркивается ее тематическая соотнесенность с образом издателя, но следующие за ней статьи связаны с ним главным образом через посредство данной. В этих статьях автор решает просветительскую задачу. Он специально отмечает, что опирается на существующую литературу

[Поденьшина, 1858: 62, 81]. Как нам удалось выяснить, одним из источников ему служит словарь французского языка П. Ришлэ [Richelet, 1732], материал которого использован в статьях о магии и об искусстве. Далее помещен перевод поэмы Овидия «Средства для лица» под названием «Искусство украшать лицо» [Поденьшина, 1858: 97–108], «Перевод из мнений графа Оксенштерна. О смехе» [Поденьшина, 1858: 108–111], перевод двух басен Ф. Фенелона [Поденьшина, 1858: 111–115]. По предположению В.Д. Рака, отрывок из Оксенштерна и басни Тузов мог перевести по тексту грамматики французского языка Д.Э.Шоффена [Рак, 1989: 100; Рак, 2008: 369].

Не во всех журналах, выходивших одновременно со «Всякой всячиной» и «Поденьшиной», образ издателя разработан сколько-нибудь подробно. Так, например, в журнале «Смесь», издававшемся в том же 1769 г., нет ни портрета, ни биографии издателя. Вступление к журналу от его лица подчеркнуто кратко [Смесь, 1769: 2]. В дальнейшем издатель ведет диалог с корреспондентами, но и эта форма играет в журнале «Смесь» менее важную роль, чем во «Всякой всячине».

В журнале «Адская почта» образ издателя имеет лишь вспомогательное значение. Журналу придана форма переписки двух бесов – Хромононого и Кривого (источником этих образов служат памфлеты Ленобля, который, в свою очередь, продолжает традицию А.Р. Лесажа). Письмам предпосланы два предисловия от лица издателя: одно обращено к журналу «Всякая всячина», другое, «К читателю», служит рамкой, вводящей образы бесов и форму переписки [Эмин, 2013: 23–27]. В дальнейшем образ издателя позволяет поддерживать рамочную конструкцию и участвовать в журнальной полемике; статей, в которых он актуализируется, немного.

Название журнала «Трутень» метафорически трактуется как характеристика издателя. Он иронически говорит о себе, что неспособен ни к какому делу. Занятия, которым он не может посвятить себя, перечислены; этот перечень словно заменяет биографию персонажа, но это «биография наоборот» – рассказ не о том, какие события происходят в его жизни, а о том, чего в ней нет. Лень не позволяет ему читать, «просвещать разум науками и познаниями» [Трутень, 1769: 4], поступить на какую бы то ни было службу – военную, «приказную» или придворную [Трутень, 1769: 4–7].

Впрочем, среди поступков, которые лень мешает издателю совершить, названо, например, посещение «больших бояр» с поздравлениями; здесь, конечно, сатира обращена против бояр, требующих лести, а не против тех, кто лесть отвергает. Наиболее подробно среди занятий, от которых

отказывается издатель, описывается придворная служба, изображаемая сатирически: для нее нужно «знать наизусть науку притворства» [Трутенъ, 1769: 5]. Иными словами, за некоторыми из отрицательных характеристик скрываются положительные. Иронические замечания по поводу трудностей, которые приходится преодолевать придворным, продолжают давнюю традицию: они находят множество соответствий и в русской литературе, в частности у А.Д. Кантемира, и в литературе зарубежной (см.: [Щеглов, 2004: 115–116]). Тем не менее в образе издателя заметен и сатирический элемент: «я знаю, что леность считается не из последних пороков <...> ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей участной; что человек, обладаемый сим пороком, недостоин соболезнования» [Трутенъ, 1769: 3–4]. Эта сатирическая тенденция контрастирует с дидактической целью, которую Новиков определяет для своего журнала.

Парадоксальным образом, именно лень названа в качестве причины, побудившей издателя выпускать журнал: такое занятие якобы наиболее простое, поскольку вместо собственного труда издатель предполагает печатать чужие сочинения. Таким образом, декларированная в иронической форме композиционная установка позволяет издателю снять с себя ответственность за содержание журнала. Этот прием впоследствии используется в ходе полемики с «Всеякой всячиной», когда издатель заявляет, что критика со стороны этого журнала должна быть адресована не ему, а корреспонденту, приславшему в журнал письма, – Правдулюбову [Трутенъ, 1769: 56].

Сатирический элемент в образе издателя и лень как присущий ему порок – мотивы, разработанные в русской сатирической журналистике уже «Всеякой всячиной». Но если там все эти приемы лишь намечены, то «Трутенъ» доводит их до высшей, почти гиперболической степени. В образе издателя, как он обрисован «Предисловием», сатирический элемент едва ли не преобладает и уравнивается не столько положительной характеристикой, сколько ироническим прочтением отрицательной. При этом «гиперболическая» тенденция присуща «Трутню» и в сфере сатирического содержания: мягкому юмору, который проповедует «Всеякая всячина», «Трутенъ» противопоставляет непримиримую борьбу с пороками, вплоть до сатиры «на лицо». Таким образом, в творческом споре со «Всеякой всячиной» «Трутенъ» развивает принципы, предложенные ею, в сторону усиления, и трансформация оказывается не только количественной, но и качественной: она означает иную концепцию сатиры.

Образ издателя, позволяющий сформировать такую концепцию журнала, четырежды парадоксален. Его биография складывается из неслучившихся событий: он характеризуется перечислением дел, к которым оказывается неспособным. Его присутствие представлено как отсутствие: он выступает с предисловием затем, чтобы отказать самому себе в творческой инициативе. Он проповедует добродетель от лица порока: издатель сатирического журнала сам представляет сатирический тип. Наконец, его порок оборачивается добродетелью: из лени он предпринимает издание журнала – то, что для этого образа является единственной художественной задачей.

«Трутень» – первый из журналов Новикова. В следующих его журналах образ издателя иной. Во втором из них, **«Пустомеле»**, этот образ соответствует названию: издатель разговорчив и не вполне серьезен. Этот эффект создается при помощи композиционных средств: журнал открывает большая статья от лица издателя – «То, что употребил я вместо предисловия» [Пустомеля, 1858: 9–27], где частая смена тем имитирует иррациональное движение речи. В третьем и четвертом, **«Живописце»** и **«Кошельке»**, эффект дистанции между издателем – литературным образом и издателем – человеком постепенно исчезает. Портретной и биографической характеристики вымышленного издателя нет. Во вступительных статьях «Живописца» [Живописец, 1772: 9–32] в речи издателя еще чувствуется ирония, направленная в том числе и на себя, но очевиден вполне серьезный дидактический пафос. В «Кошельке» [Кошелек, 1858] образ издателя лишается и иронического аспекта, для сатирических журналов обычного.

В журнале **«Рассказчик забавных басен»** издатель наделяется биографией: она излагается во вступлении к журналу под заглавием «От издателя к читателям» [Рассказчик забавных басен, 1781: 3–5]. Биография эта, намеченная лишь отдельными чертами, преимущественно литературная. Эстетическое сознание эпохи подсказывает ее осмысление в жанровых категориях. Творческий путь поэта представляется как поиск «своего» жанра. Первая попытка, в элегическом жанре, оказывается неудачной; следующая, в жанре басни, приносит успех. Вступление отражает, очевидно, некоторые эпизоды творческого пути самого автора – А. О. Аблесимова. Во всяком случае начало его творчества действительно связано с элегией: А.П. Сумароков публикует в «Трудолюбивой пчеле» его произведение в этом жанре – «Сокрылись мои дражайшие утехи...» [Трудолюбивая пчела, 1759, июнь: 379–381]; там же он помещает, впро-

чем, эпиграммы и пародийную эпитафию, принадлежащие Аблесимову [Трудолюбивая пчела, 1759, сентябрь: 574–576]. В дальнейшем творчество Аблесимова связано в основном с комическими жанрами – басней, стихотворной сказкой, комедией (см.: [Кукушкина, 1988: 18–19]).

Далее в журнале «Рассказчик забавных басен» биография издателя не играет существенной роли. Образ издателя как персонажа может мотивировать ввод сюжетного эпизода дидактического содержания: такова сцена с его участием в № 10, где к нему приходит заимодавец и советует забыть о честности ради богатства; сцена изложена в прозе, но совет от лица заимодавца – в стихах [Рассказчик забавных басен, 1781: 73–76].

Образ издателя разрабатывается преимущественно не в событийном, а в речевом плане, скрепляя журнал единством интонации. Его создают метатекстовые элементы статей и метатекстовые фрагменты, оформляющие переход от одной статьи к другой. Обращения к читателям, вопросы и ответы на них, имитирующие диалог, создают иллюзию непринужденной речи. Фрагменты-связки, вводящие статьи, часто мотивируют переход к другой теме требованием разнообразия, необходимым, чтобы поддержать читательский интерес (см., напр.: [Рассказчик забавных басен, 1781: 19, 22, 26, 32 и др.]).

Тенденция к нивелировке образа издателя, заметная при сопоставлении сатирических журналов Новикова и проявляющаяся в «Рассказчике забавных басен», достигает предела в «Сатирическом вестнике» Н. И. Страхова [Страхов, 1790–1792], где этого образа, в сущности, нет. Издатель не выступает в качестве персонажа. Субъект речи проявляет себя лишь в стиле и в оценочных суждениях по поводу описываемых лиц и событий, при этом в стиле нет элементов, которые создавали бы дистанцию между точками зрения говорящего и автора. Меняется и жанровая структура текста. «Сатирический вестник» в целом представляет собой пародию на современные ему газеты, а кроме того, включает ряд статей, пародирующих другие жанры: например, дневник, рецепт, календарь. Все выпуски журнала (всего их девять) имеют сходную структуру. Регулярное воспроизведение единого композиционного решения и ориентация на пародируемые образцы определяют индивидуальность издания, и необходимость в образе-персонаже, который служил бы выражением этой индивидуальности, отпадает.

В еще более позднем журнале Н. П. Осипова «**Что-нибудь от безделья на досуге**» издатель как персонаж выступает лишь во вводной статье «Вместо предисловия» [Осипов, 1800: 3–6]. В ней развит фантастический сюжет,

помещенный в бытовую обстановку. Издатель в ненастную ночь дает приют гостю, который оказывается божеством смеха Момусом и в награду за гостеприимство оставляет ему колпак, наполненный бумагами, которые и должны составить содержание журнала. В дальнейшем образ издателя как персонажа в журнале не появляется. Специфику журнала определяет жанровое разнообразие статей и система композиционных связей между ними, основанных как на смежности, так и на структурной аналогии.

Итак, история русских сатирических журналов демонстрирует эволюцию роли издателя: значительная в ранних образцах, впоследствии она становится все менее важной, вплоть до исчезновения самого образа.

В первых сатирических журналах образ издателя формирует идейный центр текста. В нем находят выражение основные принципы этой литературной формы. Среди этих принципов главный – модификация горацианской максимы «*Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci*». В заданной ею антитезе *серьезного* и *приятного*, соответствующей дидактической и рекреативной функциям литературы, применительно к эстетике журналов серьезное конкретизируется как нравоучительное: журнал должен осуждать порок и распространять добродетель. Приятное в данном случае означает, что нравоучение должно казаться легким, ненавязчивым. В сатирическом журнале серьезное содержание должно быть облечено в легкую форму.

В образе издателя это сочетание нередко проявляется как конфликт. Серьезное содержание предполагает в издателе моральный авторитет, право обращаться к читателю, как учитель – к ученику. Легкая форма, напротив, предусматривает, что издатель и читатель по крайней мере равны. Более того, стремление к легкости заставляет придавать рассуждениям комический характер, и образ издателя приобретает комическую окраску. Издатель воспринимает себя иронически; очень часто он смешит читателя, по выражению Д.С. Лихачева, «непосредственно собой» [Лихачев, 1976: 9], принижая себя, спускаясь по иерархической лестнице; претендовать на авторитет учителя при этом трудно. Конечно, насмешка над собой может быть осмыслена как мудрое признание собственных слабостей, предполагающее готовность исправиться; тогда получается, что издатель стремится воспитать в читателе благоразумие и воспитывает собственным примером. Некоторые журналы пользуются этой интерпретацией, но прием оказывается действенным не всегда. Издатель остается на тонкой грани между похвальным смирением и смехотворным самоуничижением.

Структурная сложность образа издателя объясняется двойственностью функций. Издатель – это прежде всего голос, точка зрения на все те предметы, которые освещаются в журнале. В образе издателя находит выражение авторская позиция, но в то же время он нередко становится действующим лицом, участником, очевидно, вымышленных сюжетных эпизодов. Это феномен, отдаленно напоминающий о фигуре автора в «Евгении Онегине», одновременно создающего роман и вместе с тем принадлежащего романному миру, им самим творимому, не теряя при этом самотождественности.

Два аспекта образа издателя – «серьезный» и «комический», роль учителя и маска веселого собеседника, балагура и почти шута – могут быть условно распределены между этими функциями. Взгляд на события со стороны позволяет поддерживать дидактический авторитет, тогда как в качестве действующего лица издатель нередко выступает в комическом амплуа. Впрочем, это различие условно, иногда его можно уловить лишь как едва заметный оттенок смысла. Например, в ряде статей «Всякой всячины» издатель, выступая как действующее лицо, сталкивается с комическими персонажами: «Ездил я недавно обедать за Москворечие...» [Всякая всячина, 1769: 17–22] (статья восходит к «Зрителю», с русификацией реалий [Солнцев, 1892: 135–136; Левин, 1967: 50–51, 91]), «Привычка есть второе естество» [Всякая всячина, 1769: 69–72], «Мне скучило жить в наемных домах...» [Всякая всячина, 1769: 89–95]. Он может попадать в комические положения, но не по своей вине. Например, в статье «Привычка есть второе естество» использован даже прием грубой комиксы: издатель спотыкается и падает, но этого бы не произошло, не будь в комнате тесноты и беспорядка, которые и являются в данном случае сатирической темой. Издатель сохраняет серьезность, и тем не менее на него падает комический отсвет. Напротив, в журнале «И то и сё», как показано выше, комическая характеристика издателя дается не столько за счет внешнего действия, сколько при помощи семантических эффектов в тексте-рассуждении от его лица.

Соотношение между «серьезной» и «комической» сторонами в образе издателя варьируется от журнала к журналу, будучи одной из важнейших характеристик, определяющих своеобразие каждого издания. Более того, можно полагать, что во вновь создаваемых журналах это соотношение вырабатывается в творческом диалоге с уже существующими, и этот выбор, в свою очередь, задает направление журнальной полемики.

«Всякая всячина», не имея предшественников в русской литературе, ориентируется на зарубежный образец – журнал «Зритель». Следуя это-

му примеру, она проводит принцип умеренности и в эстетическом, и в дидактическом отношении. Применительно к содержательным задачам это означает выбор в пользу сатиры, серьезного, а не развлекательного чтения, однако сатира должна избегать жестокости, сохраняя, как говорится в журнале, человеколюбие [Всякая всячина, 1769: 142]. Применительно к образу издателя этот принцип предполагает, что комический аспект ему присущ, но при этом не подавляет дидактического элемента. Образы членов «общества», окружающих издателя, дают возможность разнообразить характеристики, в том числе комические.

Следующий журнал, основанный вскоре после «Всякой всячины», – «И то и сё» – представляет пример иного пути. Комическая сторона в образе издателя явно преобладает над серьезной, соответственно, развлекательная задача – над дидактической. Психологическую характеристику поддерживает социальная: как отмечено выше, издатель журнала «И то и сё», очевидно, занимает невысокое общественное положение, что отличает его от издателя «Всякой всячины».

Еще более важна роль издателя в «Поденьшине». Здесь журнал принимает форму дневника, биография издателя становится сюжетом. Она выполняет роль рамочной конструкции, обуславливающей обращение к разнообразным темам.

Если «Всякая всячина», «И то и сё», «Поденьшина» подробно разрабатывают образ издателя, причем в разных направлениях, то журналы «Смесь» и «Адская почта», напротив, уделяют этому образу все меньше и меньше внимания.

В «Трутне» же отказ от участия издателя в делах журнала принимает демонстративные формы, что, конечно, в действительности означает важность этого образа. И композиционная роль «чужих трудов издателя» [Трутень, 1769: 56], и биография, представленная как ряд нереализованных возможностей, и заключение, противопоставляющее прежней мнимой незаинтересованности издателя в литературной работе предельную степень эмоциональной вовлеченности в нее, – все эти приемы возникают как альтернатива образцам, которые предлагают «Всякая всячина» и «И то и сё». Протест против ранее созданных форм выражается в резких контрастах, в стремлении к сильному эстетическому впечатлению, которое, вероятно, становится одной из причин литературного успеха «Трутня».

Среди сатирических журналов 1769 г. «Трутень» – последний, но для Н.И. Новикова он становится первым опытом обращения к этой форме.

В дальнейшем Новиков экспериментирует с разными вариантами образа издателя. В «Пустомеле» издатель – комическая фигура, приближающаяся к типу журнала «И то и сё». В «Живописце» он, напротив, становится серьезным, здесь он сатирик и моралист. В «Кошелек» при сохранении моралистического пафоса образ издателя нивелируется, дистанция между ним и автором перестает ощущаться.

В том же направлении, которое определяется в изданиях Новикова, развиваются и другие сатирические журналы. В таких поздних образцах этой формы, как «Что-нибудь от безделья на досуге» и «Сатирический вестник», образ издателя теряет значение и даже исчезает. Эстетическая индивидуальность журнала определяется в них другими факторами – жанровым составом и системой структурных соответствий между текстами.

Литература

- Алпатов С.В. Сказочник-балагур: личность и творческий тип // Личность в культурной традиции: Сб. науч. статей / Сост. и отв. ред. Л. В. Фадеева. М., 2014.
- Богатырев П.Г. Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Булич Н.Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. Всякая всячина. [СПб., 1769].
- Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина) / Под ред. В.Б. Шкловского и Б.М. Эйхенбаума. М., 2001.
- Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. [Ч. 1.] СПб.
- Западов А.В. Журнал М.Д. Чулкова «И то и сё» и его литературное окружение // XVIII век: Статьи и материалы: Сб. Вып. 2. М.; Л., 1940.
- Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830-х – 1870-х гг. М., 2005. И то и сё. [СПб., 1769].
- Кошелек, сатирический журнал Н. И. Новикова. 1774 / Издание А. Афанасьева. М., 1858.
- Кукушкина Е.Д. Аблесимов // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л., 1988.
- Левин Ю.Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967.

- Лихачев Д.С.* Смех как «мировоззрение» // Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.
- Макаров М.* Библиографические редкости: – Трутень, еженедельное издание на 1769 и 1770-й года, составленное Н. И. Новиковым // Отечественные записки, учено-литературный журнал. 1839. Т. 5. № 8. Смесь.
- Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. Л., 1984.
- Осипов Н.П.* Что-нибудь от безделья на досуге: Еженедельное издание. СПб., 1800.
- Плюханова М.Б.* Российский пересмешник // Чулков М. Д. Лекарство от задумчивости, или Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова / Вступ. ст., коммент., сост. М. Плюхановой. М., 1989.
- Поденьшина, сатирический журнал Василия Тузова. 1769 / Издание А. Афанасьева. М., 1858.
- Пустомеля, сатирический журнал. 1770 / Издание А. Афанасьева. М., 1858.
- Разумовская М.В.* «Почта духов» И.А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Русская литература. 1978. № 1.
- Рак В.Д.* Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989.
- Рак В.Д.* Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Библиографический обзор) // Русско-европейские литературные связи: Энциклопедический словарь. СПб., 2008.
- Рак В.Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века (Иностранные источники, состав, техника компиляции). СПб., 1998.
- Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время или когда кому делать нечего. Стихами и прозою. [Полугодие 1.] М., 1781.
- Рейтблат А.И.* Сенковский // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5: П–С. М., 2007.
- Семенников В.П.* Русские сатирические журналы 1769–1774 гг.: Разыскания об издателях их и сотрудниках. СПб., 1914.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12: Лытец–Молвотворство. СПб., 2001.
- Смесь, новое еженедельное издание. [СПб.], 1769.
- Солнцев В.Ф.* «Всякая Всячина» и «Спектатор»: (К истории русской сатирической журналистики XVIII века) // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 279. 1892. № 1.

Солнцев В.Ф. «Смесь». Сатирический журнал 1769 года // Библиограф. 1893. № 1.

Степанов В.П. Чулков и «фольклорное» направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970.

[*Страхов Н.И.*] Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, неизвестным сочинителем. Ч. 1–9. М., 1790–1792.

Трудолюбивая пчела. СПб., 1759.

Трутенъ, еженедельное издание, на 1769 год. СПб.

Щеглов Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.

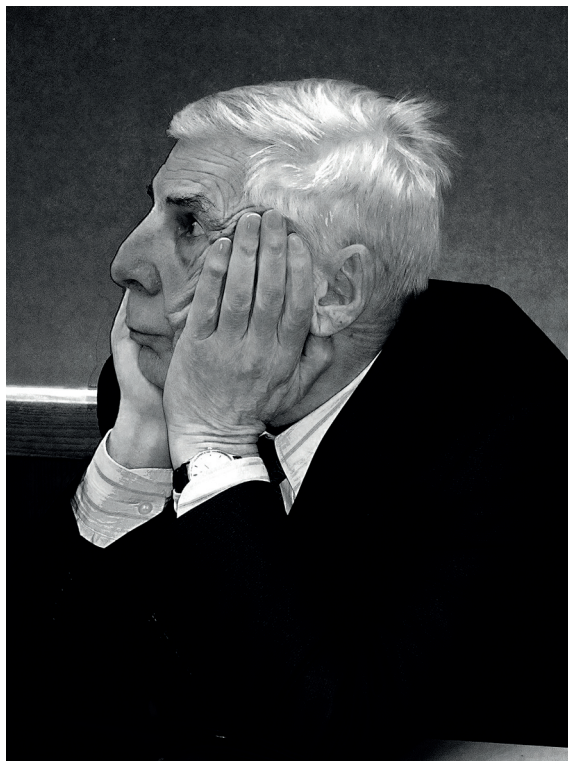
Эмин Ф.А. Адская почта, или Переписки хромононого беса с кривым / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.Д. Рака. СПб., 2013.

Richelet P. Dictionnaire de la langue françoise, ancienne et moderne. Augmenté de plusieurs additions d'histoire, de grammaire, de critique, de jurisprudence, et d'une liste alphabétique des auteurs et des livres citez dans ce dictionnaire. Nouvelle édition augmentée d'un grand nombre d'articles. T. 1–2. Amsterdam, 1732.

Сведения об авторе: *Трахтенберг Лев Аркадьевич*, канд. филол. наук, ст. преп. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: Lev_A_T@inbox.ru

ДЕЛА И ЛЮДИ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПАМЯТИ В.Е.ХАЛИЗЕВА

ВАЛЕНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ ХАЛИЗЕВ

(18.05.1930 – 30.07.2016)

30 июля 2016 г. в возрасте 86 лет ушел из жизни ученый с мировым именем, теоретик и историк литературы, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Валентин Евгеньевич Хализев. Его высочайший профессионализм и преданное служение науке, порядочность и принципиальность, честность и совестли-

вость, отзывчивость и учтивость навсегда останутся в памяти коллег и нескольких поколений учеников.

В.Е. Хализев родился в Москве. Огромное влияние на его формирование оказала семья. Родители (оба беспартийные) обладали широким гуманитарным кругозором, хотя и работали в других областях. Отец, Евгений Петрович Хализев (1904–1991), – инженер, кандидат технических наук, сын страхового агента в Орле. Мать, Елена Сергеевна Нифонтова (1902–1979), – химик, дочь земского врача, входившего после Февральской революции в состав правительства города Рыбинска. Трое из прадедов – протоиереи. Об одном из них, Иоанне Григорьевиче Поспелове (1821–1910), известном проповеднике, публицисте и мемуаристе, в 5-м томе словаря «Русские писатели. 1800–1917», в редколлегии которого входил Валентин Евгеньевич, помещена довольно большая статья. Видимо, и уже в зрелом возрасте эти семейные корни подспудно предопределили интерес ученого к «нравственно ориентированной философии жизни» (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, А.А. Мейер, С.Л. Франк, С.А. Аскольдов, Н.С. Арсеньев, И.М. Гревс, А.А. Золотарев, ранний М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, М.М. Пришвин, А.П. Платонов). Из западноевропейских мыслителей В.Е. Хализев высоко ценил Э. Мунье, Г. Марселя, Д. Бонхеффера, Г. Гадамера, П. Рикера, А. Швейцера.

В «старшешкольные» годы В.Е. Хализев был в значительной мере удален от современности и политики: читал русских классиков (в первую очередь Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.А. Блока), проводил время в театрах, на концертах и за пианино. В 1948 г., окончив московскую среднюю школу № 529, он, выбирая между занятиями музыкой, математикой и филологией, поступил на отделение русского языка и литературы филологического факультета МГУ. На первый же день университетских занятий пришлось похороны А.А. Жданова, клеймившего А.А. Ахматову и М.М. Зощенко, а студенчество совпало с последними годами жизни И.В. Сталина (борьбой с так называемым «космополитизмом»), поэтому неудивительно, что идеология властно и агрессивно вторгалась в учебный процесс.

О студенческой повседневности, однокурсниках, учителях и филологах своего поколения В.Е. Хализев оставил мемуарное повествование «В кругу филологов» (2011), сразу же сделавшееся библиографической редкостью. Судьбой поколения, по горестному признанию автора, стало трудное и медленное «вылезание» из глубокой ямы предельно узкого кругозора и догматического мышления.

Среди соучеников Валентина Евгеньевича – добившиеся известности литературоведы, критики, редакторы Игорь Виноградов, Станислав Лесневский, Николай Розин, Марк Щеглов. Заметное влияние на студента Хализева оказали Н.И. Либан, С.М. Бонди, Э.В. Померанцева, В.Д. Дувакин (позднее, в начале 1966-го, В.Е. Хализев лично собирал подписи в защиту последнего по следам известного дела Синявского и Даниэля).

Но в гораздо большей степени на профессиональное становление Валентина Евгеньевича повлиял Г.Н. Пospelов. Именно он читал в то время основные литературоведческие курсы: «Введение в литературоведение», «Теория литературы», а также историю русской литературы XVIII и XIX вв. (конспекты этих лекций Валентин Евгеньевич бережно хранил всю жизнь, незадолго до его смерти они были переданы А.А. Холикову). Несмотря на то что Пospelов доводился Валентину Евгеньевичу родственником (двоюродным братом матери), отношения между учителем и учеником нельзя было назвать идиллическими. С одной стороны, Пospelов ценил В.Е. Хализева как серьезно работающего исследователя, а с другой – сетовал на его «методологическую неустойчивость». В отличие от своего научного руководителя, Валентин Евгеньевич так и не стал «фанатиком» какой-либо одной (единоспасающей) методологии. Впоследствии, выделяя в отечественной науке о литературе две магистральные линии (во-первых, историю направлений и школ, а во-вторых, историю деятельности ученых, не входивших в какие-либо научные сообщества), он отдавал предпочтение «вненаправленческому» литературоведению (до него соответствующее явление как сложное единство, основанное на близости мировоззренческих и гносеологических предпосылок, не рассматривалось), которое в большей степени свободно от крайностей редуccionизма (как стадильно обусловленного, так и стилизирующегося групповыми пристрастиями и интересами).

Под руководством Пospelова написаны дипломная работа и кандидатская диссертация В.Е. Хализева («Творческие принципы Чехова-драматурга», 1963). В.Е. Хализев был далек от пренебрежения «рядовой» литературой, как и «рядовой» жизнью, но в той и другой видел проявления по-настоящему важного, значительного. Начинал он в качестве историка литературы со статьи о предшественниках Чехова-драматурга в поэтике – И.В. Шпажинском, Е.В. Карпове, Вас.И. Немировиче-Данченко. Он очень дорожил откликом А.П. Скафтымова на свое исследование, впоследствии посвятил саратовскому литературоведу раздел своей мемуарной книги, всегда советовал ученикам поскорее ознакомиться со

сборником статей А.П. Скафимова «Нравственные искания русских писателей».

По окончании университета (1953) была аспирантура по кафедре истории русской литературы, после – два года работы учителем русского языка и литературы в московской школе. С 1957-го В.Е. Хализев также преподавал литературу на подготовительных курсах МГУ, сотрудничал на Всесоюзном радио. С 1961-го он – на кафедре теории литературы. Сперва – младший научный сотрудник, с 1967-го – старший преподаватель, с 1975-го – доцент, с 1988-го – профессор.

Докторская диссертация В.Е. Хализева «Драма как род литературы: поэтика, генезис, функционирование» (1983) была посвящена всестороннему рассмотрению специфических черт драмы в ее соотношениях и связях с эпическими жанрами, лирикой и сценарной драматургией. В диссертации обсуждались проблемы возникновения драматического рода литературы, обосновывалось понятие театральности как формы поведения, на которую ориентируются театр и драма, исследовались основные формы драматического действия и их соотносительности с конфликтами, привлекались наиболее значимые факты истории изучения драматического рода литературы. До и после защиты были опубликованы две монографии, посвященные драматическому роду литературы: «Драма как явление искусства» (1978, переведена на чешский язык), «Драма как род литературы: поэтика, генезис, функционирование» (1986).

На протяжении всей жизни В.Е. Хализев работал много и плодотворно. Он очень ценил ровное и целеустремленное труженичество, ответственность. В поздние годы жизни он отказывался от поездок, участия в многочисленных конференциях, даже от забот о собственном здоровье ради своих филологических и мемуарных замыслов, работы с учениками. В.Е. Хализев опубликовал значительно больше 200 статей, несколько монографий: «Роман Л.Н. Толстого “Война и мир”» (1983; в соавт. с С.И. Кормиловым), «Цикл А.С. Пушкина “Повести Белкина”» (1989; в соавт. с С.В. Шешуновой), «Ценностные ориентации русской классики» (2005), учебные пособия и учебники для вузов «Теория литературы».

В основе исследовательского интереса В.Е. Хализева к уникальному и самостоятельному феномену русской классики – вчувствование, вживание в мир классической литературы, не отчужденное, а «причастное» отношение к ее смыслам и ценностям, стремление понять, а не разоблачить и снизить. Это тип герменевтики, противоположный возобладавшему в советское время «археологическому» ее варианту (если вспомнить тер-

мин П. Рикера). Валентин Евгеньевич принадлежал к тем исследователям, кто настойчиво возвращал утраченное, не без основания полагая, что именно литература XIX в. таит актуальные для культуры XX–XXI вв. смыслы, прежде всего культурные, национальные, всемирные, персоналогические. Разговор о том или ином аспекте литературного произведения почти всегда получал антропологическое измерение.

В работах В.Е. Хализева просматривается стремление к целостному, объемному, монографическому исследованию либо проблемы, либо произведения. Так и в написанной в соавторстве со С.В. Шешуновой книге о цикле А.С. Пушкина «Повести Белкина», содержательная насыщенность которой обусловлена герменевтической установкой с последующим проникновением в мир авторской личности, в мир пушкинской мысли.

Книга о Толстом, хотя и написана в жанре учебного пособия, включает обсуждение недостаточно разработанных научных вопросов: художественная «плоть» толстовской мысли, ценности русской жизни, запечатленные писателем в знаменитом романе-эпопее, поэзия человеческого общения и единения, особенности поведения персонажей и масс людей, черты словесной пластики. Несомненную значимость имеют суждения о путях самостояния толстовских героев (от юношеского своеволия к обретению зрелости и ответственности), о таких собственно толстовских признаках достоинства человека, как «независимость от взгляда со стороны», о присущей положительным героям Толстого «органической сопричастности бытию как целому».

Свою главную историко-литературную книгу – «Ценностные ориентации русской классики» – В.Е. Хализев определял как опыт сопряжения литературоведения с аксиологией. Издание составлено из статей, писавшихся с 1977 по 2005 г. и частично дорабатывавшихся, но по проблематике, обозначенной в заглавии, это цельное исследование. Книга противостоит прежде всего советскому литературоведению и предшествовавшим ему критике и литературоведению конца XIX – начала XX в., которые акцентировали в русской классике критическое, бунтарско-революционное и активно-авантюрное начала; но противостояние это мягкое, сдержанное, очень интеллигентное: когда можно, В.Е. Хализев предпочитает не отрицать, а корректировать чуждую ему точку зрения, указывать не на неправоту, а на односторонность предшественника.

И дело не только в идеологических «перекосах» различных периодов русской жизни, а в опыте приближения к художественной мысли литературной классики, которая, как не раз говорилась, была единственным вы-

ражением русской образованности и свободы. И эта мысль пыталась постичь реальность мира и человека без какой-либо предвзятости, сохраняя при этом максимум внимания к индивидуальному, личному, к разного рода исключениям. Так, в книгу о ценностных ориентациях вошли статьи о словесной пластике в «Войне и мире», «вещи» и праведниках в произведениях Н.С. Лескова, смехе у Достоевского.

Вслед за В.Я. Проппом, французскими структуралистами, которые неоднократно указывали на границы своего подхода в изучении функций персонажей, а также Е.М. Мелетинским, изучавшим мифологический архетип культурного героя в литературе близкого нам времени, В.Е. Хализев обдумывал содержательную сферу персонажного мира классической литературы. Ученым были выделены и описаны «авантюрно-героический» и «житийно-идиллический» сверхтипы героев со свойственными им ценностными ориентациями и формами поведения.

Валентин Евгеньевич и в историко-литературных трудах оставался одним из ярких теоретиков литературы. Занятия теорией и историей восполняли друг друга. Факты истории литературы нередко ставили под сомнение ту или иную теорию и помогали избежать догматизма, а теория помогала упорядочить мысль, учила критическому мышлению. «Вненаправленческую» позицию Валентина Евгеньевича можно также назвать открытой. Не случайно в статье, специально посвященной языку литературоведения, он защищал не только строгие термины, но и «полутермины», «ключевые слова».

За последние пятнадцать лет В.Е. Хализевым был подготовлен цикл фундаментальных работ по философии науки, которые легли в основу учебного пособия «Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы)» (2015; в соавт. с А.А. Холиковым и О.В. Никандровой). Особое внимание в нем уделено не только академическим школам и их признанным лидерам, но и вненаправленческим концепциям, а также несправедливо забытым исследователям. Стратегия, предложенная Валентином Евгеньевичем, – сопоставлять и анализировать разные, порой несовместимые между собой научные установки (этот подход правомерно назвать координирующим) – призвана способствовать свободному самоопределению будущих литературоведов.

В МГУ В.Е. Хализев читал общие и специальные курсы по «Введению в литературоведение», «Теории литературы», «Аксиологии и литературоведению», «Культурологии и литературоведению», «Родам литературы», «Принципам анализа литературного произведения», по творче-

ству А.С. Пушкина, А.П. Чехова, А.А. Блока. На протяжении ряда лет он вел спецсеминары, в которых могли принять участие не только записавшиеся студенты, но и все желающие. О принципах организации педагогической работы в спецсеминаре В.Е. Хализев написал небольшой текст, ждущий своей публикации. В позднесоветские годы он прививал ученикам «вкус больших начал», настоятельно рекомендовал ученикам читать С.С. Аверинцева, Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, А.П. Скафтымова, С.Г. Бочарова, знакомил с ведущими литературоведами, организовывал походы в театр и на выставки, поэтические вечера (например, вечера Ольги Седаковой, тогда не публиковавшейся). Забота об учениках касалась и подготовки доклада для конференции, и помощи в работе над статьей, в подготовке к аспирантским экзаменам. Вместе с А.И. Журавлевой В.Е. Хализев курировал студенческое научное общество. Его заключительного слова всегда ждали с нетерпением.

Будучи сосредоточенным на мире русской литературы, Валентин Евгеньевич выделял ее глубинные пласты, не связанные с официальной идеологией. И вместе с тем В.Е. Хализев приучал говорить об этом не размашисто-публицистично, а ответственно, добиваясь ясности высказывания, аргументации с опорой на художественный текст.

Все близкие люди высоко ценили В.Е. Хализева как ученого, открытого новому и критически мыслящего, сочетающего интерес к литературе и к философии. Его работы – это плод обретения независимости и самостоятельности мышления еще в трудные времена жесткого господства марксизма-ленинизма. И при этом В.Е. Хализев очень ценил разного рода содружества, братства. Многим памятно неофициальное общение с ученым у него дома в Матвеевском, скромный, благородный облик и быт профессора МГУ (стихотворение Б.Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво» было у него одним из любимых). Вопросы, советы, забота В.Е. Хализева для многих стали настоящим «светом в окошке» на всю оставшуюся жизнь.

Завершим некролог словами прадеда Валентина Евгеньевича, костромского протоиерея Александра Нифонтова: «Человеку естественно дорожить всем тем, что даст ему возможность пережить, так сказать, свою смерть и не исчезнуть скоро из памяти братьев своих... Добрая память в роды – последнее и высшее благо на земле...» Вечная, светлая и добрая память В.Е. Хализеву!

С. А. Мартянова, А. А. Холиков, С. И. Кормилов
Фото А. А. Холикова (2010 г.)

Из откликов на кончину В.Е. Хализева

* * *

Когда я думаю о Валентине Евгеньевиче Хализеве и о его смерти, я утешаюсь одним: ведь его книги читает вся филологическая Россия – преподаватели вузов, теоретики и историки литературы, педагоги и литераторы. И – не даром. Валентин Евгеньевич Хализев, профессор Московского университета, был ученым и человеком, который как немногие теперь был предан долгу и чести русского интеллигента в высоком их понимании. Долгу по отношению к Московскому университету, к своим предшественникам в культуре и образовании России, к родовым истокам, дышавшим когда-то ветрами волжского приволья.

Он был замечательным ученым, незаурядным теоретиком литературы, со свойственной ему широтой взглядов, точностью и одновременно бережной сдержанностью заключений и оценок, с чуткостью к движению отечественной и мировой мысли в настоящем и будущем.

Я, в числе многих на факультете, знала Валентина Евгеньевича как яркую самобытную индивидуальность со своим личным и строгим кодексом жизненных правил (например, никогда, никого, ни о чем не просить) и вместе с тем как человека, наделенного живым и теплым чувством юмора, чувством радости смеха и деликатностью в отношении к окружающим людям.

Таким, всегда живым и добрым, мы будем помнить тебя, Валя!

Л. А. Колобаева,
доктор филологических наук,
профессор кафедры истории
новейшей русской литературы и современного
литературного процесса
филологического факультета МГУ

* * *

Я почти совсем не пересекалась с Валентином Евгеньевичем по жизни, а писать о нем как ученом – мне не пристало, да я и не потяну. Но я попросила свою подругу Анну Иосифовну Фрумкину коротко высказаться о том неожиданно чутком внимании, которое он обратил на ее домашние чеховедческие штудии, пригласив ее даже к себе в аспирантуру на кафедру теории литературы. А она ведь не имела никаких связей в филологическом мире, просто кто-то показал ее тексты. Она не смогла

это осуществить по семейным обстоятельствам. Но до сих пор ее мало-доступная, уже как раритет, печатная работа о «Степи» вызывает благо-склонное удивление у чеховедов. Так что у В.Е. был глаз-алмаз. От себя могу добавить, что он для Инны Львовны Альми (его мнение, внимание, совет) был как свет в окошке. Это всегда звучало в наших телефонных разговорах с ней.

И. Б. Роднянская, критик, литературовед

* * *

Мое знакомство с Валентином Евгеньевичем было почти шапочным. Мы ходили по одним коридорам, обменивались приветствиями, но однажды случайно оказались у дверей одной и той же аудитории, в которой мы последовательно читали лекции. С тех пор мы и начали вести короткие разговоры, собирались продолжить их за чашкой кофе, но перерыв заканчивался, долгий разговор откладывался до следующего раза, кото-рый никогда не наступил. Я могу только сказать о том впечатлении, кото-рое он производил на меня. Это мягкость, тишина и полное отсутствие агрессии – черты, которые я так ценю в людях. Я понимала также, что передо мной человек, которому очень нравится заниматься тем, чем он занимается, – это явствовало и из немногих телефонных общений, когда Валентин Евгеньевич звонил, чтобы что-то уточнить в текстах М. Цвета-евой. И еще мне казалось, что Валентин Евгеньевич не раскрылся до кон-ца, что ему есть что сказать, о чем – по разным причинам – он не говорил прежде. По всему по этому у меня осталась очень светлая память о Ва-лентине Евгеньевиче.

О. Г. Ревзина,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
филологического факультета МГУ

* * *

Все мы смертны. Вот и Валентина Евгеньевича призвал Господь. Ушел из жизни замечательный человек. Впрочем, такие люди не уходят из жизни, а остаются в памяти, книгах и преданиях. Когда я вспоминаю Валентина Евгеньевича, я удивляюсь тому, как часто я встречал его во время своих нечастых посещений РГБ. Почти всегда. Чаше, чем в других местах. Поражал его неустанный интерес к тому, что происходило в книжном мире, естественнонаучном и филологическом. Есть малоиз-вестные стороны его деятельности, о которых знают немногие, но в них

выразились его характер и убеждения. Он играл и до сих пор играет важную роль в формировании редакционной политики серийного издания «Проблемы исторической поэтики», особенно его выпусков «Евангельский текст в русской литературе», в которых он участвовал и как автор, и как член редколлегии. Он привел в журнал Ивана Андреевича Есаулова, рекомендовал статьи других авторов. *Vivant professores!* Вечная память ученому, учителю, человеку!

В. Н. Захаров,
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск – Москва)

* * *

Валентин Евгеньевич никогда не был для меня просто университетским преподавателем, научный и человеческий аспект в отношении с ним всегда были неразрывно связаны. Он умел со всеми быть на равных, не подавляя знаниями и опытом; предлагая совет, ни на чем не настаивал, оставлял свободу выбора. Не раз говорил: «Вы послушайте, а сделайте наоборот». Невозможно себе представить путь в филологию без его поддержки, мягкого, но очень требовательного руководства, без спецкурса, который в какой-то момент получил неформальное название «Сообщества неединомышленников»: для Валентина Евгеньевича всегда было важно, что говорить и договариваться могут именно не единомышленники, а люди с разными позициями, но готовые слушать и уважать чужую точку зрения. Сам Валентин Евгеньевич этим даром слушать других был наделен в высшей степени.

О. В. Никандрова,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель ПСТГУ (Москва)

Подготовка текста С.И. Кормилова и С.А. Мартыановой

ТУРБИНСКИЙ СЕМИНАР И ОКРЕСТНОСТИ (КОНЕЦ 1950-х – 1960-е годы)

РАЗГОВОР С А.А. ЧЕРНЯКОВЫМ

Галина Зыкова. Анатолий Аркадьевич, Леонтина Сергеевна Мелихова передала нам с Е.Н. Пенской материалы, которые она назвала архивом семинара Владимира Николаевича Турбина. И там, между прочим, были протоколы трех лермонтоведческих студенческих конференций, проходивших в Москве и Питере в конце 50-х – начале 60-х годов. Кроме участников турбинского семинара, в них участвовали В.А. Мануйлов, Д.Е. Максимов, другие известные литературоведы и их ученики... И в этих протоколах по возможности подробно зафиксированы суждения «старших товарищей» (того же Максимова, например). Мне кажется, та-

кая практика – это редкость... Ведь Вы, как и Мелихова, были участником турбинского семинара. Почему семинаристы решили записывать?

Анатолий Черняков. Да, я на филфаке со второго по пятый курс, то есть с 1958 по 1962 год, был учеником Турбина, писал у него курсовые работы и диплом. А эти конференции для меня и для других «турбинцев», как нас называли на факультете, – одна из самых пронзительных страниц нашей жизни в семинаре, да и вообще в университете. Турбин создал лермонтоведческий семинар в первые же годы своей работы на филфаке. Это было, как известно, особое время – «оттепель». Позади остался, в частности, погром языкознания, всего несколькими годами раньше учиненный товарищем Сталиным. Атмосфера на факультете за короткий период стремительно переменилась. На этой волне несколько литературоведов – и главным тут был, как мне представляется, Турбин – придумали устраивать ежегодные межвузовские лермонтоведческие конференции. Конференции были общесоюзными и проходили в разных городах – от Москвы и Киева до Орджоникидзе (ныне Владикавказ).

Уникальная особенность этих конференций, продиктованная временем, заключалась в том, что там на равных делали доклады и принимали участие в дискуссиях и крупные лермонтоведы, «весовой категории», скажем, упомянутых Вами Мануйлова, Максимова или Андроникова, и студенты. Длились конференции два-три дня, обсуждение каждого доклада предполагалось подробное, полноценное. Вероятно, потому и записывали – чтобы потом лучше разобраться в том, что было сказано на конференции.

Г.З. Сохранились, к сожалению, только материалы, где «старшие товарищи» комментируют происходящее, но сами докладов не читают. Хотя «младшие» участвуют в спорах действительно очень свободно, почти что на равных.

А.Ч. Атмосфера конференций складывалась так, что «старшие» не занимались поучением «младших», иерархическая лестница, существующая в системе образования, в том числе и высшего, рушилась. И, на мой взгляд, это было плодотворно не только для самих студентов, но в конечном итоге и для продвижения лермонтоведения вперед, хотя общий язык находить удавалось не всегда. Особенно – когда выступали «турбинцы». Ведь и у самого Владимира Николаевича, и у его учеников постановка проблем, а главное, сам способ филологического мышления очень отличались от принятых в те годы.

Первая конференция, на которой я, второкурсник, делал сообщение, проходила в Москве в 1958 году. Насколько я помню, это была вторая или третья лермонтоведческая конференция: начались они «незадолго до меня». Там же делала доклад о стихотворении «Памяти Одоевского» четверокурсница А.И. Журавлева. В дискуссии, которая возникла после моего выступления, на меня ворчал Мануйлов: я говорил с трибуны, что нужно преодолевать жестко академический подход к изучению лирики XIX века и вспоминать уроки таких «неакадемических» исследователей, как Гершензон.

В перерыве Владимир Николаевич сказал мне: «Гершензона вы все-таки зря упомянули, лучше бы промолчали». Время-то было как-никак советское. Тогда для литературоведческих работ существовали два главных обвинительных клише: «ненаучно» (то, что постоянно слышал В.Н. Турбин) и «отступление от марксистско-ленинской эстетики» (это было более опасно по возможным последствиям). И все-таки то, что на лермонтоведческих конференциях студенты чувствовали себя свободно, а мэтры переставали вести себя как мэтры, было удивительно. И, думаю, во многом такую атмосферу задавали именно доклады «турбинцев», с их «неформатностью», — как бы иной раз нас ни заносило.

Г.З. Расскажите о ваших семинарских поездках.

А.Ч. После конференций университет на несколько дней бесплатно предоставлял участникам нашего лермонтоведческого семинара и сопровождающим лицам (они именовались «друзья семинара») автобус с водителем, и мы ехали куда-нибудь в дальние края, например в Прибалтику, Западную Украину или в Крым. Легко себе представить, насколько головокружительными для нас, двадцатилетних, были эти поездки. В дороге мы продолжали горячо обсуждать прошедшую конференцию, но, конечно, и веселились от души, и вбирали впечатления от того, что видели. И это было частью той «вольницы» и того энтузиазма, которые отличали турбинский семинар. А Турбин сопровождал наш автобус на своем сером «Москвиче», куда время от времени на несколько часов сажал двух-трех студентов, и это, конечно, было для них особой радостью — давало возможность более тесного общения с научным руководителем.

Наш незабвенный шофер Сергей Васильевич, с которым много было езжено, первое время довольно отчужденно относился к молодежи, бесившейся за его спиной в салоне автобуса. А потом проникся к нам симпатией, и, при всей своей сдержанности, признал нас, стал «нашим». Мы

очень его любили и уважали, относились почти как к родственнику. Виртуозный был водитель, и много с ним было пережито трудных моментов в путешествиях – например, когда глубокой ночью мы оказались в глущине Карпат и проезжали по очень трудной, рискованной горной дороге на пути к Львову. Помню, как на крутых виражах автобус вдруг на какой-то момент замирал, затихал, и тогда становился слышен шорох песка, сыпавшегося из-под колес в пропасть. И такие приключения тоже были увлекательной, захватывающей частью жизни в турбинском семинаре.

Стоит еще добавить, что конференции всегда проходили в первой половине мая, то есть накладывались на начало сессии. И надо было до окончания работы над докладом и до поездки успеть сдать зачеты или еще и какие-то экзамены. Но Турбин считал, что мы обязаны успевать, а в сетованиях на нехватку времени видел пошлость, едва ли не неприличие. «Владимир Николаевич, мне вот надо еще два зачета и один экзамен сдать, я не успею...» Наш научный руководитель морщился от таких жалобных слов, едва сдерживая возмущение. И ничего, успевали...

Г.З. Нестандартно для филологического семинара...

А.Ч. Семинар просто захлестывала любовь к поэзии вообще и к поэзии Лермонтова в особенности. Нам передавалась какая-то необычайная чуткость Турбина к литературному слову, к словесным перекличкам в тексте. Возможность думать и говорить о любимом поэте вне отработанных литературоведческих схем кружила голову. В семинаре не были рабочими слова «правильно» и «неправильно», обсуждение тем шло в иной плоскости. Выше всего ценилась неординарность мысли, пусть рискованной или даже авантюрной, – это же можно уточнить и исправить в ходе жаркой дискуссии!

Г.З. Вот с точки зрения другой эпохи в стенограммах лермонтовских конференций чувствуется, что выступающие учитывают существование некоторых границ возможного в устном выступлении...

А.Ч. Да, вероятно. Ведь мы находились под сильным влиянием Турбина, с одной стороны, а с другой – все-таки существовали нормативные, ограничивающие стандарты «научности», и нередко довольно косные. И приходилось прокладывать путь между тем и другим. Но дрессировка дрессировкой, а нам, ученикам Владимира Николаевича, эти «полеты» давали очень много. И хотя научной школы Турбин не создал, да и не мог создать в силу своей уникальности, если угодно, «эксклюзивности» как

исследователя литературы, но какую-то другую школу, условно говоря, «школу мысли», у него прошли многие. И это было особенно важно именно в студенческом возрасте, когда наше мышление, в том числе профессиональное, еще только формировалось.

Г.З. Круг участников семинара не расширялся особо?

А.Ч. Ну как же? Одни студенты заканчивали учебу, появлялись другие. Но и некоторые из окончивших еще много лет потом приходили в семинар, читали курсовые, участвовали в их обсуждении. Турбин придумал для таких «вечных семинаристов» специальное слово – «старшенькие».

Г.З. До какого примерно времени держался кружком, более или менее регулярно общавшимся, лермонтовский семинар вашего поколения?

А.Ч. Курс на курс не приходился, и к тому же, как я уже говорил, существовала определенная «преемственность поколений». Конечно, кто-то после окончания университета быстро прекращал с ним связи, но многие так или иначе поддерживали общение с Турбиным и интересовались жизнью «младшеньких». Может быть, это иллюзия, но очень удачным, мне кажется, оказалось сообщество моих однокурсников, пришедших в семинар. Нас объединяли и исследовательский азарт, и дружба, и сохранившиеся через годы и десятилетия после окончания университета тесные отношения с Турбиным за пределами филфака.

Ближе всего из сокурсников мне были три человека. С Л.С.Мелиховой и С.М.Александровым продолжаютсЯ дружеские отношения до сих пор, хотя и не такие близкие, как в молодые годы. Мы все трое в 60-е годы очень дружили с Ю.М. Лощицем, который в университетскую пору еще только искал себя. Пожалуй, я был одним из первых, если не первым, кто уже тогда разглядел в нем поэтический талант. Пройдя через школу журналистики, Юра стал писателем. Постепенно он пришел к радикально националистическим взглядам, совершенно для меня неприемлемым, и со временем это нас развело. Кстати, то же и по тем же причинам произошло по отношению к Лощицу и у А.И. Журавлевой и В.Н. Некрасова. Почему я вспоминаю сейчас об этом? Несколько лет назад мне попало в руки большое интервью с Лощицем, и там среди людей, оказавших на него влияние, он с благодарностью вспоминает Турбина. Это меня обрадовало.

Вообще, признательность Турбину – черта, объединяющая многих очень разных, даже контрастных по своим взглядам людей, в разные го-

ды учившихся у Владимира Николаевича или близко с ним знакомых. Мы можем по многу лет не видаться, наши жизненные и профессиональные пути могут далеко разойтись, и все-таки между многими из нас существует некое «турбинское братство», некая тайная «приязнь», позволяющая при обращении к этим людям, будь то, к примеру, В.А. Мильчина или Н.Б. Иванова (называю первые пришедшие на память имена), уверенно рассчитывать на дружеский отклик. Согласитесь, что далеко не всякий филологический семинар дает такие щедрые плоды, произрастающие уже за рамками филологии.

Г.З. А лермонтовский семинар у Турбина сохранялся?

А.Ч. С годами круг тем курсовых и дипломных работ расширялся. Владимира Николаевича гораздо больше интересовали подходы к изучению писателя, чем изучение конкретной фигуры. И семинар, изначально лермонтоведческий, постепенно стал превращаться в семинар по отработке методов изучения русской литературы XIX века. Ушел ли Лермонтов из названия семинара, я точно не помню, но, кажется, ушел. И в самом деле, что это за лермонтоведческий семинар, в котором делается доклад о Булгарине или Чехове? Владимир Николаевич, конечно, очень любил Лермонтова, и лермонтовская тема в семинаре, насколько я знаю, всегда присутствовала, но далеко не как единственная.

Г.З. А помните ли вы на ленинградской конференции Дмитрия Евгеньевича Максимова? Его реплики в стенограмме есть.

А.Ч. В семинаре книгу Максимова «Поэзия Лермонтова» ценили, но подходили к творчеству Лермонтова с ощутимо иных позиций. На ленинградской конференции я помню долгий разговор А.И. Журавлевой с Дмитрием Евгеньевичем: ели макароны, пили чай и разговаривали. Я был больше слушателем, чем участником этого разговора, но у меня осталось ощущение их взаимной расположенности друг к другу... Большого сказать не могу.

Г.З. Они были очень разные, много спорили (это видно по их сохранившейся обширной переписке, я ее отчасти опубликовала). Анна Ивановна брала у Максимова много, а он почему-то видел в ее работах (и работах других людей этого поколения) излишнее внимание к форме – к жанрам, например...

А.Ч. Другое поколение, да... На людях поколения Максимова лежала

печать некоторой, условно говоря, сдержанности... Вот, например, С.М. Бонди – невероятно талантливый человек, а по работам о Пушкине этого, к сожалению, не скажешь: слишком много там осторожности.

Г.З. Интерпретатор был слабый, текстолог замечательный...

А.Ч. Я бы сформулировал несколько иначе. Он был интерпретатором Пушкина в самой текстологии, в том, как он понимал движение мысли поэта в процессе творчества. Я ведь ходил в качестве вольнослушателя на текстологический семинар Бонди. Там он расковывался. Для него текстология не в том лишь заключалась, чтобы прочесть неразборчивые слова или строки черновиков Пушкина... Кстати, как ему это удавалось? Непостижимо! Просто какое-то мистическое зрение... А на полях своих текстологических наблюдений он, комментируя черновики, набрасывал маргиналии, объясняющие слово Пушкина. И тут становилось видно, какой головокружительной глубиной проникновения в пушкинское творчество он обладал.

Г.З. Вы в этом семинаре ничего не писали?

А.Ч. Нет, просто слушал. Я после четвертого курса принес Бонди работу о «Повестях Белкина», написанную в семинаре Турбина. Там развивалась мысль о пародийности этих повестей, причем о пародийности не только в собственно жанрово-стилистическом, но и в смысловом плане. Тогда, в 1961 году, это было достаточно ново, хотя, изучая литературу по теме, я натолкнулся в каком-то журнале 1937 года на статью А.М. Любо-вича, который еще тогда высказал сходную идею. Но Бонди такой подход очень не понравился.

Он пригласил меня к себе домой, ласково угостил чаем. Сергей Михайлович вообще относился к студентам как к малым детям, иногда, к сожалению, слишком озорным. Быть строгим совершенно не умел. Я помню, как он принимал зачеты по стиховедению – читал на факультете спецкурс. Прежде всего он просил у студента зачетную книжку и с каким-то смущением расписывался в ней. Ему было неловко оценивать человека – как какого-нибудь крепостного, которого вывели на продажу. Потом он возвращал зачетку и уже после этого начинал вести разговор. Сама ситуация принятия зачета или экзамена была для него тягостной.

Г.З. Бонди не допускал вообще присутствия пародии у Пушкина? Или ему не нравилось то, как именно это было подано?

А.Ч. Ну, пародийность Пушкина он чувствовал блестяще и сам обладал удивительным чувством юмора. Но тут дело было именно в предложенной трактовке. Я не берусь с уверенностью восстановить образ мыслей Сергея Михайловича, но, насколько я представляю его позицию, она была такова. Пушкин написал окрашенное комизмом серьезное, глубокое произведение, а тут написанное им предлагается понимать как какой-то цирк, балаган.

Мне запомнился один фрагмент из нашего разговора. Речь шла о «Барышне-крестьянке». Я говорю: «Представьте себе, Сергей Михайлович, что девушка, получившая дворянское воспитание, приходит на свидание, передевшись в крестьянское платье. И этого оказывается достаточным для того, чтобы романтический герой принял ее за крестьянку. Это же почти оперетта. Можно ли поверить в буквальность такой ситуации?» А Сергей Михайлович улыбается, укоризненно покачивает головой и отвечает: «Ну почему вы такой недоверчивый? Это же юная девушка, ей хочется играть, выдать себя за другую. И она играет. Встретились молодые люди, и у них еще нет никакого жизненного опыта, они живут своими мечтами...» То есть Бонди видел для поведения героев «Барышни-крестьянки» психологическое объяснение. По существу, он объяснял мне, что Пушкин гораздо серьезнее, чем думают о нем некоторые неправильно понимающие его литературоведы и их ученики. А когда через год Сергей Михайлович был оппонентом на моем дипломе, посвященном вопросам историографии в переписке и заметках Пушкина, то, при всей благожелательности, несколько раз повторил: «Я спорю не со студентом, я спорю с его научным руководителем».

Мне кажется, время все-таки выработало в нем осторожность, которая трансформировалась и в литературоведческие представления. Кстати, подобное же произошло, как мне кажется, и с ослепительным Андрониковым, который из всего лермонтоведения сосредоточился на идеологически наиболее безопасном – на изучении биографии поэта.

Г.З. Такие вещи, наверно, и объясняют популярность Турбина.

А.Ч. У Турбина были и раскованность, и органическое неприятие любой тривиальности – и просто словесной, и литературоведческой, исследовательской. Он настоятельно искоренял из наших курсовых работ даже слабые намеки на штампы, вроде «мучительных размышлений Герцена о судьбах России». Конечно, в том, что он писал, было много демонстративного парадоксализма, провокационности...

Г.З. Мы замечали уже прежде всего это.

А.Ч. Другое время. Да и в нашем поколении, в околотурбинском кругу, сменялись волны притяжения и неприятия того, что он писал. В живом общении многое выглядело совсем иначе. Но вообще в нем присутствовал ценнейший импульс умственной и языковой свободы, которая была дана ему как дыхание. Что, впрочем, не исключало и известной осмотрительности, дипломатичности Владимира Николаевича в некоторых ситуациях. Тем более что его основательно третировали на кафедре за ту самую «ненаучность» – очень уж он в этом отношении отличался от остальных. Но это уже периферия, а главное заключалось в другом. Недаром же его любил Михаил Михайлович Бахтин...

Г.З. То есть Бахтину не просто импонировал проявленный к нему интерес?

А.Ч. Конечно, нет. Но вначале хочу сказать о том, что значил М.М. Бахтин для Турбина и всего турбинского семинара. Началось с того, что Владимир Николаевич случайно купил в букинистическом магазине книгу какого-то Бахтина «Проблемы творчества Достоевского», изданную в 1929 году. Кто такой этот Бахтин, никто тогда еще не знал, но книга произвела на Турбина оглушительное впечатление. Естественно, она была пущена в семинаре по рукам и вызвала сходную реакцию у всех нас. А вскоре выяснилось, что Бахтин жив и работает в Саранском университете. Турбин был одним из первых в филологической среде, кто, предварительно написав Бахтину, получил разрешение приехать к нему. Я хорошо помню, как на первом после этой поездки семинаре Турбин своим негромким голосом как-то даже немного смущенно сказал нам: «А я, кажется, нашел своего учителя...».

Контакты с Саранском наладились быстро. К Михаилу Михайловичу и его жене Елене Александровне ездил не только сам Турбин, но и некоторые из семинаристов, которых он брал с собой. В частности, Леонтина Сергеевна Мелихова, сыгравшая такую большую роль в опеке над Бахтиным в последние годы его жизни, после смерти Елены Александровны, когда он переехал из подмосковного дома для престарелых в Москву. Правда, это произошло несколько позже того времени, о котором я рассказываю, – в 1969 году.

В Москве ездили к Бахтину и семинаристы – главным образом, конечно, для оказания ему разного рода практической помощи, но не только. Михаил Михайлович из-за состояния своего здоровья на протяжении многих

лет, особенно в последние годы, был вынужден вести исключительно домашний образ жизни. Да что там – инвалид, на одной ноге, больные легкие и при этом постоянно курит... Но у него был большой интерес к тому, что происходит вокруг. Как однажды в своей полушутливой манере заметил Владимир Николаевич, Бахтину интереснее разговор с водопроводчиком, чем с каким-нибудь философом, – про философию он и так все знает.

Г.З. Но Вы говорите больше о бытовой стороне общения Бахтина с Турбиным и турбинским семинаром. А другое?

А.Ч. Да, бытовых проблем было много, и Турбин многое сделал для того, чтобы по возможности их разрешать. В каких-то текстах он даже несколько самоуничижительно назвал себя «камердинером Бахтина». Но его отношения с Михаилом Михайловичем строились, насколько я могу судить, во многом и как отношения двух филологов – так же, как это было, например, с Л.Е. Пинским или В.Д. Дувакиным. Достаточно сказать, что Турбин и Бахтин собирались писать общую работу – про животных в искусстве. Понятно, что из этого по многим причинам ничего не получилось... Но сам замысел говорит о многом.

Г.З. А чем, на Ваш взгляд, привлекал Бахтина Турбин как литературовед и литературный критик? Ведь они были такие разные...

А.Ч. Я не берусь, конечно, давать ответ за Бахтина. Но об одной вещи мне хотелось бы сказать. Правда, это не больше, чем предположение. Мне кажется, Михаил Михайлович чувствовал в Турбине розановскую ноту. А он, как и Владимир Николаевич, высоко ценил Розанова. Я однажды присутствовал при разговоре, где Бахтин говорил об этом. В советских условиях трудно было найти исследователя, у которого чувствовалось бы, пусть и сильно трансформированное, «розановское начало», а Бахтин в Турбине, мне кажется, это ощущал. Тут и эпатаж розановский, и, при сконцентрированности внимания на жанрах, своего рода «внежанровость» собственных текстов, и «литераторство», выводящее далеко за рамки традиционного исследовательского письма, и многое другое...

Кстати, если говорить о филологах того времени, переключка с Розановым, на мой взгляд, еще больше заметна в Г.Д. Гачеве. И ведь Гачев был одним из тех самых «имлийцев», которые в 1960 году написали Бахтину письмо в Саранск, а потом поехали к нему, с чего и началось «возвращение» Бахтина, прочно забытого в научной среде. И, как рассказывают, при той первой встрече Михаил Михайлович на вопрос, что читать,

ответил: «Читайте Розанова». Добавлю, что у Турбина и Гачева были очень теплые отношения, и, при всем их несходстве, они ощущали какое-то творческое родство друг с другом. Недаром Турбин однажды даже пригласил Гачева выступить с сообщением на семинаре, хотя вообще такого рода приглашения в семинарской практике были редки.

Г.З. Что именно вы слышали про Розанова от Бахтина? Как он об этом говорил?

А.Ч. Михаил Михайлович имел обыкновение говорить отдельными репликами, он в обычном разговоре не был склонен к произнесению больших монологов. И при этом слушал замечательно. Но из его слов я понял, что для него Розанов – один из самых глубоких русских мыслителей.

Если уж зашла речь о манере разговора Бахтина, то приведу одну запомнившуюся мне реплику. Говорили о Гончарове, об Обломове... И Михаил Михайлович послушал-послушал, а потом, затянувшись очередной «беломориной», произнес: «Зато он душу сохранил». Такие реплики, где глубина – огромная, а на поверхности всего несколько очень простых слов, были характерны для стиля общения Бахтина с теми, кто приезжал к нему в поздние годы.

Г.З. Получается, что общение Турбина и Бахтина происходило, можно сказать, в двух измерениях?

А.Ч. Если не больше. Причем, условно говоря, «житейское» и «филологическое» переплеталось у них иногда самым причудливым, я бы сказал карнавальным, образом. Вот, например, к концу работы в Саранском университете Михаилу Михайловичу из-за ухудшающегося состояния здоровья становилось все труднее справляться со своими преподавательскими обязанностями. И Владимир Николаевич попросил разрешения заниматься с некоторыми бахтинскими аспирантами. Действительно, он стал время от времени ездить в Саранск для научного руководства «от имени» доцента Бахтина. Помню, как он сетовал, вернувшись после одной из таких поездок. Аспирант попался, мягко говоря, не слишком сметливый. И Владимир Николаевич, досадуя и посмеиваясь, заметил: «Заниматься его научным руководством – это как играть в бильярд кубом. Пихнешь кием – а он перевернется на другую сторону и лежит».

В этой помощи Турбина, которую принял Бахтин, было что-то от той «смены лиц», «смены имен», которая вообще, как известно, много значи-

ла в жизни Михаила Михайловича. Достаточно вспомнить проблему авторства некоторых книг, вышедших под фамилиями В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева.

Если уж зашла об этом речь, перескажу один эпизод, который может оказаться полезным для биографов Бахтина. Однажды, еще в тот период, когда Бахтины жили в подмосковном доме для престарелых, Турбин, вернувшись от них, поделился своими впечатлениями. В тот раз он привез книгу Медведева «Формальный метод в литературоведении», вышедшую в 1928 году и предположительно написанную Бахтиным. Сам Михаил Михайлович никогда этого не утверждал. А тут Елена Александровна взяла в руки книгу, стала перелистывать и заговорила: «Боже мой, Мишенька, ведь я все это переписывала когда-то своими руками – от первой до последней страницы!..» Бахтин успокаивал жену, но тем не менее не сказал ничего определенного: вероятно, считал это для себя невозможным. У него ведь вообще была совершенно особенная философия отношений между текстом, делом и именем, которым дело обозначено.

Но я отвлекся от основной темы нашего разговора.

Г.З. А мне кажется – вовсе нет. Посторонний наблюдатель, особенно принадлежащий к другому поколению (вот как я, например), обычно склонен думать, что никакого объединяющего «метода» у семинара Турбина не было. Мой покойный профессор, А.И. Журавлева, насколько я знаю, однажды свой собственный метод определить все-таки рискнула (хотя разговоров о «методах» вообще избегала) и сделала это так: «герменевтика, какой она стала после Бахтина».

Беседовала Г.В. Зыкова

Сведения об авторах:

Черняков Анатолий Александрович, филолог, в 1960-е гг. на филологическом факультете МГУ был членом известного семинара В.Н. Турбина; в 1970-е – редактором издательства «Искусство». В постсоветское время занимался прикладной социологией.

Адресат и персонаж некоторых стихотворений Вс.Н. Некрасова; о Некрасове и М.Е. Соковине рассказывал в интервью 2016 г.: «Юмор, который не в шутках...» // Михаил Соковнин в фотографиях Константина Доррендорфа. М., 2017.

Зыкова Галина Владимировна, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gzykova@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н.Н.Пуряева

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ СВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ» МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНИЯ (БОЛХОВИТИНОВА)

В статье рассматривается формирование канона женской литературы в первой трети XIX в. на примере «Словаря русских светских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова). В отличие от своего вдохновителя и предшественника Н.И. Новикова («Опыт исторического российского словаря о российских писателях», 1772), Болховитинов сокращает количество упомянутых писательниц, при этом впервые вводит в их число Екатерину II. В работе предпринимается попытка установить критерии, по которым Болховитинов отбирал писательниц для своего словаря, и по возможности проследить историю создания статей о них.

Ключевые слова: Болховитинов, митрополит Евгений, Н.И. Новиков, И.А. Дмитревский, царевна Софья Алексеевна, Екатерина II, Е.Р. Дашкова, А.Ф. Ржевская, Е.В. Хераскова, русские писательницы.

The article deals with one of the examples of Russian women's literature canon formation in the first third of the XIX century basing on the "Dictionary of Russian secular writers" by Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov). Unlike his inspirer and predecessor N.I. Novikov ("Opyt Istoricheskogo Slovaria o Rossiiskikh Pisateliakh", 1772), Bolkhovitinov reduces the number of mentioned female writers. He is also the first one to officially introduce Catherine II among them. The paper attempts to establish the criteria by which Bolkhovitinov selected women writers for his dictionary, as well as to try when possible to trace creation of dictionary articles about them.

Key words: Bolkhovitinov, Metropolitan Evgeny, N.I. Novikov, I.A. Dmitrievsky, princess Sophia Alekseevna, Catherine II, E.R. Dashkova, A.F. Rzhevskaja, E.V. Kheraskova, Russian female writers.

У второго в отечественной истории опыта словаря писателей непостоянная судьба¹. Его первая редакция создавалась в 1804²–1811 гг., и часть материалов (статьи на буквы А–К) была опубликована в журнале Д.И. Хвостова «Друг просвещения» в 1805–1806 гг. Продолжая работать над замыслом, Болховитинов решил разделить духовных и светских писате-

¹ Подробнее об истории словаря Болховитинова см. [Бычков, 1868а; Срезневский, 1868; Шмурло, 1887, 1888а, 1888б]. Исследователи XX в. мало уделяли внимания данному вопросу. Из немногих посвященных ему работ см. [Лепехин, 1989: 168].

² О датировке замысла см. [Грот, 1868: 99; Шмурло, 1888: 183–187].

лей и в 1818 г. опубликовал словарь писателей духовного чина (в 2 т.). Тогда же он начал работать над второй редакцией словаря теперь уже только светских писателей. Часть этих статей (без соблюдения алфавитного списка) была опубликована в «Сыне Отечества» в 1821–1822 гг., однако публикация отдельной книгой не состоялась. Сложно судить, продолжали ли митрополит Евгений дальнейшую работу над словарем: отдельные статьи он, возможно, дополнял, однако кажется маловероятным, что была создана третья редакция. В конце 1836 – начале 1837 гг. он передал рукопись для публикации И.М. Снегиреву, который в 1838 г. издал первый том (буквы А–Г) со значительными собственными поправками и дополнениями. Продолжение словаря не состоялось, а через несколько лет М.П. Погодин убедил Снегирева передать ему материалы словаря и в 1845 г. опубликовал в двух томах «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» без изменений исходной рукописи.

Однако долгий путь до печатного станка удивительным образом выключил словарь из научного поля зрения. В 1813 г. Болховитинов передал специально сделанный список в Московское общество истории и древностей, благодаря чему его работа была довольно широко известна³. Так, Н.И. Греч, работая над «Учебной книгой российской словесности» (СПб., 1819–1822), при отборе авторов опирается в том числе на словарь Болховитинова⁴, а с 1821 печатает статьи словаря Болховитинова в своем журнале «Сын Отечества». М.П. Погодин в предисловии Издателя к изданию 1845 г. несколько, возможно, преувеличенно утверждает, что своим словарем митрополит Евгений «положил твердое основание Истории Русской и Словено-Русской словесности, и вместе открыл пред очами

³ О дальнейшей судьбе переданной рукописи Болховитинов сообщал в письме Д.И. Хвостову 16 июня 1834 г.: «Мой словарь о светских писателях, бывши разорван на части по рукам Московского исторического общества членов, погиб. Но у меня остался список» [Грот, 1868: 208].

⁴ В письме В.Г. Анастасевичу Болховитинов упоминает, что у Греча есть «номинатор» его словаря [Срезневский, 1868: 58]. В письме Анастасевичу от 9 декабря 1821 г. Болховитинов пишет: «Желание Николая Ивановича Греча приписать мне свою книгу («Опыт краткой истории русской литературы», 1822. – Н.П.), мне очень чувствительно, и совестно было бы отказываться. Но скажите ему, что недоброхотство и пересуды моей братии заставляют меня убегать всех случаев быть гласным в публике, а сия знаменитая книга верно у них будет в руках. И так принужден я с сожалением отказаться от чести мне предлагаемой» [Срезневский, 1868: 62]. В итоге Греч посвятил свою книгу канцлеру Н.П. Руянцеву.

ученого мира безчисленное множество ея сокровищ, дотоле совершенно неизвестное» [Болховитинов, 1845а: I]. Спустя двадцать лет, оценивая труд митрополита Евгения, А.Ф. Бычков пишет: «...в отечественной литературе все словари писателей, предшествовавшие трудам пресвященного Евгения, были весьма неудовлетворительными» [Бычков, 1868а: 219–220].

Исходным стимулом для создания словаря Болховитинова было его желание продолжить труд Н.И. Новикова⁵ (см. об этом [ДП, 1805: 36; Болховитинов, 1845а: V]). Таким образом, «Опыт исторического российского словаря о российских писателях» (1772) во многом послужил отправной точкой для работы Болховитинова. Однако в отличие от Новикова, который не ставил перед собой задачи отбора или оценки сочинителей, а стремился зафиксировать имена максимального количества авторов, Болховитинов определил довольно четкие критерии отбора персоналий. Так, в предисловии к первой редакции (1804–1810) он писал, что собирается сообщать об умерших и живущих, признанных и начинающих авторах: «российские умершие и живые еще» писатели, «заслужившие внимание публики изданием своих сочинений, разумея однакож сочинения не мелочные и промежуточные, но составляющие книгу, хотя и небольшую» [ДП, 1805: 36]. При этом «о мертвых иногда отважимся сказать свое, или других мнение, а о живых все суждения оставим потомству, которое одно беспристрастно о них судить может» [ДП, 1805: 36]. Однако в итоговой редакции, опубликованной Погодиным в 1845 г., отбор был ограничен «одними умершими только писателями» [Болховитинов, 1845а: V].

Анализируя по публикациям в «Друге просвещения» перечень персоналий первой редакции, можно утверждать, что Болховитинов намеренно дистанцируется от новых литературных направлений. Большая часть упомянутых им авторов-современников относится к классицистической литературной традиции, что, с другой стороны, неудивительно, если учитывать годы создания первой редакции словаря. Появление сентиментализма, хотя ограниченно, но все же фиксируется: в статье о Карамзине упомянута повесть «Бедная Лиза» [Болховитинов, 1845а: 27]; помещена

⁵ Болховитинов был знаком с Новиковым лично с 1780-х гг., когда, находясь в Москве и посещая вольнослушателем лекции в Московском университете, сблизился с кружком Новикова. Решив спустя около 30 лет продолжить новиковский замысел словаря, Болховитинов, возможно, ощущал себя в известной степени его преемником.

статья об А.Е. Измайлове, в которой упомянуты его роман «Евгений или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» и повесть «Бедная Маша» [Болховитинов, 1845а: 246]. Романтизм же обойден полным молчанием. Конечно, у В.А. Жуковского, самого яркого представителя романтизма, на 1804–1805 гг. (статья о единственном писателе на букву Ж – Жданов Прохор – опубликована в №5 «Друге просвещения» за 1806) еще не вышло отдельной книги, так что формально он не подходит под заявленные в предисловии к первому изданию критерии. Однако и при работе над второй редакцией словаря Болховитинов не включает Жуковского и принципиально ограничивает себя «одними умершими только писателями», думается, именно затем, чтобы отгородиться от современной литературы. По удачному выражению исследователя, к ней «он в большинстве случаев относился отрицательно. Принадлежа во многом к старой литературной школе <...>, не будучи в состоянии понять Пушкина, даже в Карамзине-литераторе, своем прежнем любимце, с годами находя недостатки...» [Шмурло, 1888: 271]. Иными словами, идейная база словаря Болховитинова ориентирована на просветительские идеалы XVIII в. и уже в 1810-е гг. представляла собой некий анахронизм.

Обратимся теперь непосредственно к статьям о писательницах в словаре Болховитинова, за основную приняв итоговую вторую редакцию (1845).

Итак, в словарь входят статьи о 452 авторах, из них лишь пять о писательницах: Е.Р. Дашкова, Екатерина II, А.Ф. Ржевская, царевна Софья Алексеевна и Е.В. Хераскова.

Статья о Дашковой – вторая по объему из посвященных писательницам и одна из немногих, историю создания которой можно проследить. Существует три варианта текста: статья, напечатанная в «Друге просвещения» в 1806 г. (вариант 1); статья в издании 1845 г. (вариант 2); и неопубликованный текст, находившийся в бумагах Болховитинова (вариант 0).

Вариант 1 представляет собой биографию, написанную самой княгиней, видимо, в ответ на просьбу Хвостова⁶ прислать о себе сведения для словаря. Однако вопреки ожиданиям Хвостова Дашкова прислала не просто сведения, а готовый текст, который с припиской «Кажется мне,

⁶ Граф Хвостов, пользовавшийся известностью в литературных и академических кругах, часто выступал посредником Болховитинова в подобных вопросах. К примеру, именно он по просьбе Болховитинова рекомендовал последнего Державину, в результате чего на страницах «Друга просвещения» была опубликована первая биография стихотворца, а в дальнейшем между Державиным и Болховитиновым установились дружеские отношения (см. об этом [Грот, 1868: 67]).

желается ей, чтобы все сие целиком в ея статье помещено было. Только не церемоньтесь; что против смыслу, то попроверьте» (цит. по [Бычков, 1868б: 275]) Хвостов и переслал Болховитинову. В ответном письме (15 марта 1805) Болховитинов отказывался как-либо менять статью, а также печатать ее как свое произведение: «...прибавлю в примечании, что сия статья сообщена мне для помещения в словарь как есть, от неизвестно-го». Свою позицию он объяснил прямо: «Вы знаете мой план никого живого похвалами не осыпать. Да и в похвалах мертвых я скромнен. Поговорите, пожалуйста, с нею об этом» (цит. по [Грот, 1868: 114]). С подкорректированным Хвостовым примечанием: «Сия статья прислана для помещения так, как есть», – биография Дашковой и вышла (ДП, 1806, I–3).

Статья заметно отличается от принятой в словаре структуры изложения и нейтрального тона подачи информации. Она сосредоточена на нескольких литературных эпизодах и тяготеет, скорее, к жанру (довольно хвастливых) литературных мемуаров. Статья начинается упоминанием первого сочинения княгини – перевода «Опыта об эпической поэзии» Вольтера, – и в этой связи процитирован довольно обширный текст перевода Дашковой из Лукиана с комментарием: «Сих стихов русский перевод княгини знающими латинский язык почитается ближе к подлиннику, нежели перевод Бребефа», который использовал в своем «Опыте» Вольтер [ДП, 1806а: 269]. По поводу создания комедии «Свадьба Фабиана или алчность к богатству наказанная» сообщается следующее: впечатленная пьесой А. Коцебу «Бедность и благородство души», но не довольная ее финалом, Дашкова «решилась написать продолжение оной, которое начала тот же самый вечер, употребля на то только один час времени. На другой день еще час и 20 минут употребленные на сию комедию скоротечному ея перу для окончания сего творения только нужный были, чему многие достоверные люди были свидетели» [ДП, 1806а: 272–273].

Вариант 2, вошедший в издание словаря 1845 г., – это совершенно другой текст, взвешенный и эмоционально нейтральный, охватывающий разные стороны деятельности Дашковой, особенно ее деятельность на посту Председателя Академии наук. Однако в некоторых моментах он, видимо, опирается на первоначальный текст Дашковой (например, процитирована надпись к портрету Екатерины II, приведенная в ее статье, воспроизведена история создания комедии «Тоисиоков»). Этот вариант, видимо, был создан Болховитиновым ко 2-й редакции словаря (т. е. не

ранее 1818 г.), поскольку завершается указанием даты смерти княгини и сообщением о передаче ее естественнонаучной коллекции Московскому университету.

Таким образом, вариант 0 представляет собой текст, созданный Хвостовым. Он сам в 1801–1802 гг. [Грот, 1868: 99] собирал материалы о российских писателях, однако труд свой не завершил и не публиковал, а в дальнейшем нередко передавал свои материалы Болховитину⁷. Скорее всего, данная статья о Дашковой готовилась Хвостовым для своей неосуществленной книги и была переслана Болховитину, когда тот обратился к Хвостову с просьбой списаться с Дашковой. Язык и тон статьи, видимо, совершенно не устраивали Болховитина (например: «Одаренная превосходным разумом, она употребила способности свои на пользу и славу отечества»; «Княгиня Ек. Ром., не алкая славы женщины-сочинительницы, всегда, когда только случай ей позволял, принималась счастливо и успехом за перо...» [Бычков, 1868б: 275]), поэтому в журнальной версии он все же предпочел опубликовать текст самой Дашковой.

Следующая по алфавиту статья – о Екатерине II – впервые формально вводит ее в круг российских писательниц. Напомним, что статьи, посвященной Екатерине, у Новикова не было⁸, как не отмечено ее имя и в другом справочном литературном издании, вышедшем при жизни императрицы, – «Драматическом словаре» (2-е изд.: 1880)⁹. Статья Болховитина впервые была опубликована в 1806 г. в «Друге просвещения», а затем с небольшими исправлениями и дополнениями в издании 1845 г.

Включить Екатерину II в перечень сочинителей Болховитину настойчиво советовал Хвостов. В уже цитировавшемся письме Болховити-

⁷ Так, в письме, написанном в начале 1805 г., Хвостов советует: «В сочинении Словаря, сверх помещенных в Новиковском творцов и переводчиков, вы, как я полагаю, за правило себе взяли помещать членов Академии Наук, Российской и университетов, что и неминуемо должно быть так... Во облегчение труда вашего я присылаю буду по алфавиту имена тех г. сочинителей, кои вышеписанным местам ученым не принадлежат, и потому вам могут быть неизвестным, тем более, что некоторые из них и мало о себе шуму произвели, а все-таки стихи кропали» (цит. по [Бычков, 1868б: 273–274]), – и пересылает несколько кратких биографий, например поручика А.П. Брыжинского (не включен в словарь Болховитина), майора П.П. Бекетова (включен в словарь) и др.

⁸ Подробнее об этом см. [Пуряева, 2016: 108–112].

⁹ Так, комедии Екатерины II «О, время!», «Именины г-жи Ворчалкиной», «Госпожа Вестникова с семьею», «Вот каково иметь корзину и белье», «Обманщик», «Оболенный» «Шаман Сибирский», упоминаются без указания имени сочинителя. То же, кстати, и в отношении драмы «Тоисиоков» Дашковой.

нову в начале 1805 г. он пишет: «Под литерою *Е* надо поставить Екатерину Вторую: она автор. Записки ея о истории достойны уважения, также есть и другие ея театральные творения. Целому свету известно, что она писатель» [Бычков, 1868б: 274]. Хвостов же сообщил Болховитинову и некоторые сведениями о трудах императрицы (см. [Бычков, 1868б: 273]). Однако и сам Болховитинов еще при жизни императрицы обращался к осмыслению если не творчества, то ее государственной и просветительской деятельности: в бытность свою преподавателем Воронежской семинарии он произнес «Слово похвальное Императрице Екатерине II при случае торжества 1796 г. о бракосочетании Великого Князя Константина Павловича, говоренное в Воронежском Собрании, февраля 9»¹⁰, которое было напечатано в Москве в том же году.

Статья о Екатерине II одна из самых обширных в словаре (10,5 страниц), однако, хотя текст и начинается с утверждения, что «Императрица Всероссийская имеет также славное имя между писателями российскими как и между монархами» [Болховитинов, 1845а: 200], собственно ее литературному творчеству посвящено лишь три страницы в конце. Особо оговорены, правда, разыскания императрицы в области сравнительного языкознания (примерно 1,5 страницы), однако большая часть статьи посвящена просветительской и государственной деятельности Екатерины II.

Отступая от своего правила быть скромным даже в похвалах мертвым, Болховитинов создает в отношении Екатерины едва ли не панегирик. Статья построена словно по канонам агиографии: многообещающее детство («В самых детских летах открывшаяся необыкновенная острота ума ея обратила на нее внимание всех и заставила ожидать в ней чего-то чрезвычайного» [Болховитинов, 1845а: 200]), затем описаны годы юности будущей императрицы («на всю жизнь свою получила она такую охоту к наукам, что после, до самой почти кончины своей, несмотря на недосуги правительственных дел, каждый день имела обыкновение утром от 7 до 9 часов, а также и после обеда по несколько часов заниматься чтением и письмом в отборной своей библиотеке» [Болховитинов, 1845а: 201]) и, наконец, ее служение на благо государства. Таким образом, последовательно формируется образ идеального просвещенного монарха. Пишет Болховитинов и о формировании литературного вкуса Екатерины: «...сама познакомилась еще в юности своей с лучшими образцами француз-

¹⁰ Подробно об этом см. [Шмурло, 1887: 340–342]. Примечательно, что по прошествии весьма небольшого времени (25 марта 1796 г.) Болховитинов был рукоположен во пресвитера и произведен в сан протоиерея.

ской и итальянской словесности, а чрез то заранее приобрела в оной хороший и верный вкус», – и со ссылкой на записки Ш.-Ж. де Линя характеризует ее пристрастия в чтении (Ле Саж, Мольер, Корнель, Монтень, Плутарх, Тацит) [Болховитинов, 1845а: 201].

Подробно перечислив все труды императрицы на благо России, Болховитинов и о литературных занятиях пишет как о естественном продолжении государственных забот: «...она писала многия критики на современные пороки и развраты» [Болховитинов, 1845а: 208]. Комедии «О время!», «Именины Ворчалкиной», «Госпожа Вестникова с семьей» направлены против придворного пронырства, сплетен и интриг; «Обольщенный», «Обманщик» и «Шаман сибирский» – против шарлатанства новоявленных кудесников, в частности графа Калиостро. Особо Болховитинов выделяет две драмы «в подражание Шекспиру»: «Начальное правление Олега» и «Историческое представление из жизни Рюрика» [Болховитинов, 1845а: 208–209]; упоминает, что императрица сочиняла оперы – «Новгородский богатырь Боеславич», «Горебогатырь Косометович» [Болховитинов, 1845а: 208–209] – и написала «несколько нравоучительных сказок» своим старшим внукам – «Царевич Хлор» и «Царевич Февей». Упомянута также комедия «Расстроенная семья острожками и подозрениями». В стремлении максимально полно представить творчество Екатерины II Болховитинов в первом варианте статьи (1806) приписывает ей анонимную комедию «Мнимый мудрец» и комедию Шеридана в переводе И. Муравьева «Школа злословия» [ДП, 1806б: 149], на что ему указал Хвостов. В ответном письме (от 31 октября 1806 г.) Болховитинов смиренно соглашается: «Я не из числа самолюбивых авторов, упрямых и в ошибках; но охотно поправляю их, так как и теперь по получении вашего письма тот же час вымарал из Биографии Екатериной комедии “Мнимый мудрец” и “Школу злословия”» [Грот, 1868: 137]. Впрочем, Болховитинов приводит неполный список сочинений императрицы (не упомянуты комедии «Передняя знатного боярина», «Невеста-невидимка», «Вот каково иметь корзину и белье», «Недоразумение», ничего не сказано о ее публицистике), что, правда, было едва ли выполнимо в его время. В целом вариант статьи в редакции 1845 г. несколько расширен, но в основных своих положениях не отличается от варианта, опубликованного в 1806.

Следующие по алфавиту три статьи о писательницах (царевна Софья, Ржевская, Хераскова) не публиковались ни в «Друге просвещения», ни в «Сыне отечества», однако, скорее всего, входили уже в первую редакцию.

Статьей о царевне Софье Болховитинов хотя и не вводит ее в круг писательниц, но фактически закрепляет ее имя в этом ряду. В словаре Новикова царевна Софья упомянута лишь в статье о Карионе Истоминоне в связи с приветственными стихами, посвященными ей в 1683 г. [Новиков, 1772: 72], т. е. можно утверждать, что о ее литературном творчестве Новикову не было известно. Ко времени работы Болховитинова над первой редакцией словаря (1804–1811)¹¹ о царевне Софье как писательнице из отечественных источников имела лишь короткая заметка Карамзина в «Пантеоне российских авторов» (1801). При всей своей лапидарности и отсутствии ссылок на какие-либо источники заметка эта *de facto* делала ее первой сочинительницей в российской истории, чего Болховитинов не учитывать не мог. Однако помимо Карамзина Болховитинов опирается и на другой источник, упоминая в своей статье, что в комнатах царевны «играны бывали драмы Полоцкого¹² и других малороссийских сочинителей, а также и переведенные из Мольера» [Болховитинов, 1845б: 174]. В потенциально доступных Болховитинову иностранных источниках – «Записки» Невилля, «Истории России» Левека и книге У. Кокса – о театре в связи с царевной Софьей если и упомянуто вскользь, то о Мольере не говорится вовсе. Вероятнее всего, Болховитинову сообщил об этом И.А. Дмитревский.

Аргументом в пользу этой версии служит письмо Болховитинова Хвостову (9 марта 1804 г.) по поводу «Начертания жизни Княжнина»¹³: «Жизнь Княжнина выписана из моего словаря. В сочинении оной я пользовался советами Ивана Афанасьевича Дмитревского, друга покойнику и учителя его в театральных пьесах. <...> Он мне помогал и во многих других статьях моего словаря. Но все они не доделаны: да и не знаю за недосугами моего звания, успею ли я их когда доделать» [Грот, 1868: 98–99]. На то, что у Дмитревского был даже перевод комедии Мольера «Лекарь принужденный», «слог перевода которой принадлежит к полуцерковному и, как ему передавали, был сделан самой царевной» указывает и М.И. Пыляев, правда, без ссылок на источник этих сведений [Пыляев, 1897: 116].

¹¹ Аргументом в пользу того, что статья о царевне Софье был включена уже в первую редакцию (1804–1811), может служить письмо Болховитинова Хвостову от 13 ноября 1807 г., в котором он мягко пеняет графу, что тот забыл прислать ему «Пантеон российских авторов» [Грот, 1868: 142].

¹² О том, что драмы Полоцкого «иногда представляемы были при Дворе в комнатах Царевны Софии Алексеевны», Болховитинов говорит и в статье о Полоцком в словаре духовных авторов [Болховитинов, 1827: 211].

¹³ Опубликован в «Друге просвещения» осенью того же года.

В целом статья Болховитинова о Софье гораздо более сдержанная, чем у Карамзина: он вообще не упоминает политическую сторону ее деятельности. Таким образом, для Болховитинова гораздо важнее ее культурная и просветительская роль, ведь именно с ней связано первое упоминание исполнения в России пьесы Мольера.

Небольшая статья Болховитинова об А.Ф. Ржевской является пересказом статьи Новикова, причем, судя по точным текстуальным совпадениям, статья из «Опыта...» служила единственным ее источником. То же можно сказать и в отношении статьи о Е.В.Херасковой¹⁴, где единственная новая информация – сообщение о ее кончине в сентябре 1809 г. В этих двух статьях наиболее ярко проявляется манера работы Болховитинова с источниками (по большей части печатными), напоминают скорее компилятивный принцип средневековых книжников, чем аналитический метод исследователей XIX в.

Выше мы отмечали, что в работе над словарем Болховитинов в первую очередь опирался на «Опыт исторического русского словаря о русских писателях» Новикова. Однако тот включил в свой словарь восемь сочинительниц: Е.Р. Дашкову, М.В. Зубову, Е.А. Княжнину, А.Ф. Ржевскую, Н.И. Титову, Е.В. Хераскову, М.В. Храповицкую, Е.С. Урусову¹⁵. Между тем у Болховитинова статьи о Зубовой, Княжнинной¹⁶, Урусовой, Храповицкой отсутствуют. В словаре Новикова статьи об этих четырех писательницах малоинформативны и отличаются большой оценочностью суждений, а главное, ни в одной из них нет ссылок на опубликованную книгу. Последнее обстоятельство, возможно, способствовало тому, что Болховитинов не включал их в свой словарь, тем более что об их дальнейшей литературной деятельности, в частности Сушко-

¹⁴ Так, в статье Новикова читаем: «Г. Сумароков приписал ей притчу и оду Анакреонтическим стихосложением написанную, в которых с обыкновенною приятностию в слогѣ делает он ей наставление и поощряет к стихотворству» [Новиков, 1772: 235]. Эта фраза почти дословно переходит к Болховитинову: «Сумароков приписал ей одну притчу и анакреонтическую оду, в которых предлагал ей наставление и поощрял к стихотворству» [Болховитинов, 1845б: 235].

¹⁵ Подробнее о писательницах в словаре Новикова см. [Пуряева, 2016: 112–115].

¹⁶ Княжнину Болховитинов, впрочем, упоминает в статье о Я.Б. Княжнине, однако лишь как старшую дочь Сумарокова: «Г. Сумароков, не равнодушно терпевший себе совместников, отдал справедливость трагедии сей (трагедии Княжнина «Дидона». – *Н.П.*), и когда сочинитель, приехав по некоторым своим делам в Москву, поднес ему сей первый опыт своих способностей, то он отменно его принял, а чрез несколько времени выдал за него старшую из двух своих дочерей» [Болховитинов, 1845а: 288].

вой¹⁷ (урожденная Храповицкая) и Урусовой¹⁸, митрополиту Евгению, видимо, не было известно. С другой стороны, статьи Новикова о Ржевской и Херасковой тоже малоинформативны, так почему же Болховитинов их все же оставил?

Возможно, в этом также проявилось влияние И.А. Дмитриевского. Несмотря на дискуссионность данного вопроса¹⁹, мы склонны считать, что он являлся автором опубликованного в Лейпцигский журнале 1768 г. «Известия о некоторых русских писателях», которое, к слову, побудило Новикова к созданию словаря писателей. Из писательниц в «Известии...» упомянуты «супруга Хераскова» (т. е. Е.В. Хераскова), «девица Каменская» (в замужестве Ржевская) и «княгиня Катерина Дашкова» [Ефремов, 1867: 141–142]. Не будь Дмитриевского, вероятно, Болховитинов вовсе исключил всех, кроме Дашковой, Екатерины и царевны Софьи. Во всяком случае задачу расширения или обновления списка писательниц Болховитинов точно перед собой не ставил: он игнорирует имена сочинительниц, приведенных в «Драмматическом словаре» (1787): Е. А. Меншикова [ДС, 1880: 115–116] и П.И. Вельяшева-Волицева [ДС, 1880: 150–151]; отсутствуют следы каких-либо разысканий о писательницах²⁰ и среди биографий, не вошедших в опубликованные словари духовных и светских писателей (см. [Бычков, 1868в: 280–288]).

Таким образом, в отношении писательниц Болховитинов вырабатывает собственный канон. Оставив из отмеченных Дмитриевским и Новиковым лишь троих, Болховитинов решил добавить только двух новых: царевну Софью и Екатерину II. Причем помимо собственно литературных заслуг, несомненных в случае Екатерины, и неподтвержденных в случае царевны Софьи, видимо, большое значение имел высочайший статус обеих. В этом отношении показательно, что Болховитинов вклю-

¹⁷ Самое известное произведение Сушковой – перевод романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Инки, или Разрушение Перуанской империи», выдержавший три переиздания отдельной книгой (М., 1782; М., 1801; М., 1819).

¹⁸ Перу Урусовой принадлежат две книги, вышедшие без подписи: «Полон или просветившийся нелюдом, поэма» (СПб., 1774), «Ироида, музам посвященные» (СПб., 1777), – а также итоговый сборник стихотворений (СПб., 1817).

¹⁹ Этой точки зрения придерживается, например, М.И. Сухомлинов [Сухомлинов, 1889: 25], в то время как исследователи более позднего времени считают авторство Дмитриевского менее определенным [Кукушкина, Старикова, 1988: 268].

²⁰ Однако среди материалов к словарю, также опубликованных Бычковым, среди прочих упоминается заметка о времени рождения и смерти Е.Я. Державиной, первой жены поэта [Бычков, 1868б: 264].

чил в словарь статьи о Владимире Мономахе, Иване Васильевиче, Иоанне Иоанновиче, Петре I, что свидетельствует об актуальности для него, живущего во многом идеями классицизма, темы просвещенного монарха. В соответствии с этим выстраивается некая система, ценностная шкала отмеченных составителем писательниц. За первой сочинительницей, заинтересовавшейся европейской литературой (Софья Алексеевна), следует образ просвещенной монархини (Екатерина II), который дополнен образом просвещенной государственной деятельницы (кн. Дашкова). За ними следуют писательницы более скромного масштаба (Ржевская, Хераскова).

Список литературы:

- Бычков А.Ф. О словарях русских писателей митрополита Евгения // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности императорской академии наук. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 217–238.
- Бычков А.Ф. Материалы к словарю Евгения о русских писателях // Там же. С. 246–277.
- Бычков А.Ф. О рукописи словаря русских писателей, составленного преосвященным Евгением. // Там же. С. 279–288.
- Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. 308 с.
- Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.
- Грот Я.К. Переписка Евгения с Державиным: С приложением писем преосвященного к графу Хвостову и К.К. Гирсу. // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности императорской академии наук. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 65–216.
- Драмматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки. 2-е изд. СПб., 1880.
- Ермитажный театр Великия Екатерины, в котором собраны пиесы, игранные в Ермитаже Императрицы Екатерины II, сочиненные самою ею и особами, составлявшими ея общество / Пер. с фр. Ч. 1. М., 1802. 339 с.
- Ефремов П.А. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. 216 с.
- Кукушкина Е.Д., Старикова Л.М. Дмитревский Иван Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 266–268.
- Лепехин М.П. К Истории работы Евгения Болховитинова над словарем

- русских писателей // Книга в России XVIII – середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук: Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 164–198.
- Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. 264 с.
- Новый опыт исторического словаря о российских писателях. <Предисловие> // Друг просвещения. 1805. Ч. 1. № 1. С. 35–38.
- Пантеон российских авторов. Ч. 1. Тетр. 1. М., 1801.
- Продолжение нового опыта исторического словаря о российских писателях. <Дашкова Екатерина Романовна> // Друг просвещения. 1806. Ч. 1. № 3. С. 268–273.
- Продолжение нового опыта исторического словаря о российских писателях. <Екатерина II> // Друг просвещения. 1806. Ч. 3. № 8. С. 141–151.
- Пуряева Н.Н. Писательницы в первом словаре русских писателей Н.И. Новикова // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Сер. «Русская филология». 2016. № 3. С. 107–117.
- Пыляев М.И. Старое житье: очерки о бывших в отшедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. 2-е изд. СПб., 1897. 320 с.
- Симеон Полоцкий // Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-латинской церкви. Т. 2. 2-е изд., испр. и умноженное. СПб., 1827. С. 210–220.
- Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. Т. 2. СПб., 1827. С. 210–220.
- Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. Т. 1. М., 1845. 328 с.
- Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. Т. 2. М., 1845. 290 с.
- Срезневский И.И. Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности императорской академии наук. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1868. С. 1–42.
- Сухомлинов М.И. Н.И. Новиков, автор исторического словаря о русских писателях // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889. С. 1–34.
- Шмурло Е.Ф. Евгений Митрополит Киевский // ЖМНП. 1887. Ч. ССLI.

Шмурло Е. Ф. Евгений Митрополит Киевский // ЖМНП. 1888. Ч. CCLVII.
Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Vol. 1. London,
1784. P. 418.

Levesque M. Historie de Russie. Vol. IV. Yverdon, 1783. P. 186–187.
Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye, 1699. P. 116, 118.

Сведения об авторе: *Пуряева Надежда Николаевна*, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nadia_np@mail.ru

С.А.Бакаева

РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В данной статье сделана попытка проанализировать актуальную проблему рецепции классики в современной зарубежной литературе. Особый акцент сделан на франкоязычной литературе, что позволяет перейти от общих положений к изучению более конкретных примеров рецептивного взаимодействия художественных произведений разных эпох.

Ключевые слова: французская литература, классика, проза, текст, заимствование, переписывание, современная литература, постмодернизм, Шодерло де Лакло, Кристиана Барош, интертекст, критика, рецепция.

This article is the attempt to analyze the actual problem of the reception in the contemporary foreign literature. The special accent is made on French literature. It allows to move from general conclusions to more concrete examples of the reception theory in aspects of different epochs.

Key words: French literature, classic literature, prose, text, reception, adoption, rewriting, contemporary literature, postmodernism, Choderlos de Laclos, Christiane Baroche, intertextuality, criticism.

За последние десятилетия в современной литературе наметилась тенденция прямого или косвенного обращения к уже известным сюжетам мировой классической прозы. Безусловно, этот феномен существовал и на более ранних этапах развития литературы: утверждение, что вся литература мифологична, а источником архетипических мотивов и сюжетных конструкций всех повествований являются древние мифы, стало центральным для многих литературоведческих школ. Стремление критиков и литературоведов рассмотреть процесс литературного творчества как некий сложный механизм, попытаться разобраться в его внутренней работе, привело к формированию многочисленных теорий, почти все из которых сводятся к тому, что обращение к уже существующему тексту, сюжету или приему неизбежно. Так, Юлия Кристева (р. 1941) в конце 1960-х гг. предложила в рамках этой проблематики использовать термин «интертекстуальность». В *Sémiotikè* она замечает, что «любой текст строится как мозаика из цитат, любой текст – это абсорбция и трансформация другого текста»¹.

¹ Kristeva J. *Sémiotikè, recherche pour une sémanalyse*. Paris, 1969. P. 115.

Многочисленное возвращение к уже существующему произведению для создания нового анализировалось и раньше. Жорж Польти (1867–1946) описал «Тридцать шесть драматических ситуаций», доказывая, что все драматические произведения основываются на какой-либо из тридцати шести сюжетных коллизий. В.Я. Пропп (1895–1970) говорил о «семи кругах действия» в сказке², а Хорхе Луис Борхес (1899–1986) в эссе «Четыре цикла» настаивал, что все истории сводятся к четырем типам: об осажденном городе, о поиске, о возвращении и о самоубийстве Бога. Французская исследовательница Катрин Дурви (Catherine Durvy) в своей книге «*Les réécritures*» и вовсе утверждает, что «любое литературное творчество происходит из переписывания»³. Аналогичная теория лежит в основе концепций «технической воспроизводимости» у В. Бениамина и Т. Адорно, «конца романа» у А. Жида и В. Вульф и метафоры «смерти автора», которую разрабатывали М. Бланшо, М. Фуко и Р. Барт.

«Ни одна книга не начинается и не заканчивается; самое большое – она всего лишь делает вид», – замечает Малларме в одном из своих сочинений⁴. Таким образом, логичным кажется вывод о «замкнутости» литературы в самой себе: чтобы изобрести новый сюжет, необходимо в любом случае обратиться к старому. Это касается тех случаев, когда автор берет за основу, например, античную историю и переосмысливает ее через века. Или же когда он обращается к конкретному произведению не столь удаленной эпохи и начинает вовлекать в свой текст уже известных читателю героев, развивать знакомые сюжетные схемы, в ответ создавая собственный контемпоральный универсум.

Учитывая вышесказанное, все же надо признать, что романы сегодняшнего времени активнее, чем прежде, стремятся воспринять и переосмыслить классическое литературное наследие и предложить его новую интерпретацию. Новейшая практика в современной литературе сводится к многочисленным попыткам «оживления» персонажей классических произведений⁵, к попыткам дать старой истории продолжение – оставив ее в своей эпохе или перенеся в актуальную. Подобный феномен восприятия современными авторами классических сюжетов восходит к идее рецепции и рецептивной эстетики.

² *Propp V.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2001. С. 73.

³ *Durvy C.* *Les réécritures*, Paris, 2001. P. 131.

⁴ *Scherer J.* *Le Livre de Mallarmé*, Paris, 1978. P. 181.

⁵ Под классическими произведениями в данном исследовании подразумевается корпус произведений, считающихся образцовыми для того или иного периода.

Термин «рецепция» встречается в различных областях современной науки – от медицины, физиологии и информатики до юриспруденции и теории культуры. Во всем пространстве гуманитарного знания понятие «рецепция» включает в себя восприятие, заимствование и приспособление культурных и социальных форм, возникших в отличной социокультурной среде. В рамках литературоведения теория рецептивной эстетики была сформулирована немецкими учеными Хансом Робертом Яуссом и Вольфгангом Изером. В представлении теоретика литературы Х.Р. Яусса, который также ввел понятие «читательских ожиданий», «первое знакомство с неизвестным произведением требует неких предшествующих знаний, которые сами есть часть опыта и которые создают контекст для нового читательского опыта»⁶. Развивая его теорию и применяя ее к актуальной ситуации, можно говорить о том, что читатель приходит к новому авторскому тексту, уже имея представление о значительной части сюжетной истории, горизонты которой он собирается расширить, прочитав ее «переработку» или продолжение (если речь идет, например, о романе-продолжении).

В терминологии рецептивной эстетики принято различать несколько видов рецепции. Зачастую критики⁷ ограничиваются выделением активной рецепции (создание нового текста на основе авторской интерпретации материала) и пассивной рецепции (чтение переводной литературы, просмотр экранизации или театральной постановки). Немецкий писатель и исследователь литературы Рейнхард Доль (Reinhard Döhl) предложил классификацию, которая представляется наиболее полной и подробной⁸. Он выделяет:

1) продуктивную, творческую рецепцию – процесс проникновения воспринимаемого произведения в творчество других авторов, процесс его переработки с помощью творческого акта в качественно новый тип произведения; сюда можно причислить как театральные постановки и экранизации литературного произведения, так и эпиграфы, аллюзии, реминисценции, заимствования, стилизованное подражание, пародирование; травестирование, пастиш, коллажи и т. д.;

2) репродуктивную рецепцию – процесс вхождения текста в воспринимающую среду, имеющий результатом реконструкцию произведения в

⁶ Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы. Современная литературная теория: Антология. М.: Наука, 2004. С. 194.

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Döhl R. Mittelalterrezeption am Rundfunk. Exkurs über reproduktive und produktive Rezeption // Mittelalter-Rezeption II. Gesammelte Vorträge des 2. Salzburger Symposium. Göppingen, 1982. P. 261–280.

его первоначальной форме через переводы, заимствования литературных приемов, сюжетных ходов, цитирование;

3) научную рецепцию – относится к исследованию и комментированию текста во многих аспектах посредством рабочих методов каких-либо научных дисциплин;

4) политико-идеологическую рецепцию – выделяется Долем в контексте средневековья: произведения, темы, идеи или персоны определенной эпохи используются и интерпретируются в политических целях в широчайшем смысле (здесь можно вспомнить, например, спектр идей, связанных со средневековым понятием «крестовый поход»).

Идея продуктивной и репродуктивной рецепции встречалась также в работах других исследователей и литературоведов. Так, в рецептивной эстетике «констанцской школы» (Х.Р. Яусс, В. Изер и др.) история литературы и литературного произведения рассматривалась как история восприятия смыслов. Понятие «репродуктивной рецепции» отождествлялось с реакцией культурной среды на произведение (воспроизведение текстов, переводы, литературная критика), в отличие от «продуктивной рецепции», которая понималась как «вхождение» в творчество других авторов. Этот вопрос как в российской (Л.С. Бархударов, Р.О. Якобсон), так и в западной литературе (В. Беньямин, Л.Г. Венути, У. Эко) разрабатывали, в частности, в контексте литературного перевода как одного из видов переосмысления текста.

Утверждение Яусса о том, что история литературы – это и есть история рецепций⁹, также косвенно подтверждает теорию «вечного возвращения» к уже написанному произведению. Различные методы работы с известным текстом легли в основу постмодернистской художественной методологии.

Даниэл Борманн (Daniel Bormann) в одной из своих статей выделяет два типа постмодернистского художественного переосмысления классических произведений: романский дискурс и культурно-исторический критицизм¹⁰. Однако данное исследование сосредоточено на феномене романа-продолжения, который на сегодняшний день представляется весьма распространенной литературной структурой для восприятия и обработки классического сюжета. Эту теорию подтверждает количество подобных произведений, которые были написаны за последние несколько десятилетий.

⁹ Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы... С. 94.

¹⁰ Bormann D. Science in the Neo-Victorian Novel: A Poetics And Two Case-Studies. Switzerland, 2002. P. 56.

Прежде чем перейти к аспектам франкоязычной прозы кажется необходимым изучить аналогичную ситуацию в рамках художественных произведений, созданных на территории Европы и Америки, с целью проследить тенденционные процессы рецепции.

Так, краткое изучение современной зарубежной литературы, в значительной степени англоязычной, на основе рейтинга самых популярных современных романов (по версиям BBC, The Guardian, The Telegraph, The Wall Street Journal, The New York Times, Goodreads.com) показывает большую склонность авторов обращаться к представителям классических произведений елизаветинской и викторианской эпох: Джейн Смайли получает Пулитцеровскую премию за роман «Тысяча акров» (1992), написанный по мотивам пьесы Уильяма Шекспира «Король Лир», Дэвид Вроблевски переписывает шекспировского «Гамлета» в рамках своего романа «История Эдгара Сотелла» (2008). Что касается викторианской эпохи, то именно она спровоцировала новую волну рецептивного восприятия классики, породив целое «неовикторианское» течение в современной литературе. Исследователь гендерной проблематики в литературе Кора Каплан трактует этот термин как «переработку викторианских текстов, принадлежащую к постмодернистскому дискурсу историографической метапрозы»¹¹. Подобным образом, например, был «переработан» пласт произведений Чарльза Диккенса – эта тенденция в современной литературе даже получила название «диккенсиана». Вдохновившись одним из ключевых произведений английского писателя «Большие надежды», современный автор Питер Кэри пишет роман «Джэк Меггс» (1997), а Ллойд Джонс – роман «Мистер Пип» (2006).

Еще одной определяющей фигурой для новейшей рецептивной литературы является Шарлотта Бронте. Ее роман «Джейн Эйр» многократно подвергался сюжетному и структурному переосмыслению: от «параллельного романа» Джин Рис «Безбрежное Саргассово море» (1966), где развивается самостоятельная сюжетная линия отдельно взятой героини, до романа «Шарлотта» (2000) Дональда Майкла Томаса – альтернативной истории взаимоотношений Джейн и мистера Рочестера.

Кроме того, нельзя не упомянуть и популярность мифологических и античных сюжетов, которая подтверждается публикацией таких современных романов, как «Пенелопида» (2006) Маргарэт Этвуд, текст, отсылающий читателя к «Одиссее» Гомера, или же «Лавиния» (2008) Урсулы Ле Гуин, которая приняла за основу классическую поэму Вергилия «Энеида».

¹¹ Kaplan C. Victoriana: Histories, Fictions, Criticism. Edinburgh, 2007. P. 89.

Для современных французских писателей мифы также являются особым источником вдохновения: например, история Антигоны изначально подвигла Софокла (одноименная трагедия, 442 г. до н. э), а затем Жана Ротру в 1664 г., но также Жана Кокто (1922), Жана Ануя (1944) и Анри Бошо (1997) на создание своей трактовки знаменитого сюжета.

Помимо интереса к античности, значительную популярность среди современных французских авторов снискали сказочные сюжеты: французенка К. Милле интерпретирует на свой лад сказку Шарля Перро «Рике-с-хохолком» (2005), К. Анго переписывает историю девушки из сказки «Ослиная шкура», предлагая посмотреть под другим углом на этико-философские проблемы, затронутые знаменитым сказочником (2003), а Э. Шевийяр издает роман «Храбрый портняжка» (2003) по мотивам сказки братьев Гримм.

Однако рецепция классических произведений не ограничивается лишь сюжетной интерпретацией. Прием «переписывания» (*réécriture*) известен еще с XVI в., когда трансформация фабулы уже явилась не только плагиатом или цитированием, но также полноценным произведением. К концу XVII в. формируется еще один особый жанр восприятия и переосмысления художественного произведения – *roman-suite*, *roman-prolongement* – роман-продолжение. Этот процесс был, с одной стороны, обусловлен гиперпопулярностью отдельных романов (многочисленные продолжения романа А.Ф. Прево «Манон Леско» и т. д.), а с другой стороны, появлением «незаконченных романов» (*roman inachevé*)¹², в которых история героя будто специально прервана в ключевом месте.

Французская литература последних десятилетий прибегает к самым разнообразным методам переосмысления классических произведений. Современная французская критика включает в понятие «интерпретация текста» многие приемы, характерные для всего постмодернизма в целом: цитирование, коллаж, пастиш, аллюзии, продолжения, адаптации и т. д. Но существует также тенденция «многоэтапного» использования классического текста. Ярким примером этого литературного феномена можно назвать роман молодой французской писательницы Мари Даррьесек «Клевское» (*Clèves*, 2011). В нем рассказывается история физического и духовного взросления девочки в условиях сексуальной революции и социального расслоения.

¹² См.: Пахсарьян Н.Т. Дописывая классику (К. Барош, Л. де Грев) // Мета-морфозы жанра в современной литературе: Сб. науч. работ. М., 2014.

Уже само название является, по сути, тематическим и может выполнять четыре функции, предусмотренные французским структуралистом Жераром Женеттом для этого типа паратекста¹³: буквальную функцию (Клевское – это название деревни, которая исполняет декоративную роль в произведении), метонимическую функцию (Clèves-le-Haut – это вымышленное место на юго-западе Франции, является топонимическим протагонистом), метафорическую функцию (в рамках интертекстуальной игры название намекает читателю на символическое содержание текста – возникает вопрос о связи современного романа и романа Мадам де Лафайет «Принцесса Клевская», что не может не создать определенную интригу), и антифрастическую функцию¹⁴ (название «Клевское» может восприниматься как ироническое и отсылать к «переписыванию классического текста наоборот»).

Еще одним удачным примером рецептивного присутствия классики в современной французской литературе остается роман Кристиан Барош «Зима красоты» (1987).

«Зима красоты» – это продолжение известного эпистолярного романа Шодерло де Лакло «Опасные связи» (1782). Кристиан Барош «присваивает» себе и своему тексту главную героиню маркизу де Мертей и сочиняет для нее новую сюжетную линию, начиная с того момента, в котором ее оставил знаменитый писатель XVIII в. Однако Барош остается в канве романа-предшественника, помещая вместо предисловия последний абзац из «Опасных связей», что позволяет читателю сфокусироваться на уже известной ему истории. Именно поэтому «Зима красоты» – это не просто сиквел произведения Шадерло де Лакло: французская писательница с самых первых страниц ставит на новый уровень отношения автора и героя. Она называет госпожу де Миртей ее первым именем – Изабелль, концентрируясь не на имени ее отца или мужа, а на личностном наименовании, на буквенном воплощении ее *Я*, которое *a priori* идентифицирует героиню. Кроме того, важно, что роман «Зима красоты» имеет актуальную перспективу – Барош вводит в повествование Керию, правнучку Изабеллы, живущую в XXI в., которая читает ее дневник, анализирует его и старается узнать больше о жизни своей легендарной родственницы. Таким образом, в современной вариации романа представлен несколько иной спектр вопросов: во-первых, это проблематика отноше-

¹³ Genette G. Seuil. Paris, 1987. P. 56.

¹⁴ Антифразис – стилистический прием, заключающийся в употреблении слова в противоположном ироническом смысле.

ний между женщинами-читательницами и женщинами-героинями; во-вторых, это гендерная перспектива анализа двух произведений – то, что образ и характер одной и той же героини осмысливается мужчиной-автором и женщиной-автором, дает возможность проследить в обоих случаях особенности гендерной саморефлексии.

В целом, структура «Зимы красоты», изобилующая формами *mise-en-abyme*, позволяет разделить на три группы основные проблемы, которые затрагивает своим романом Кристиана Барош. Это инtratекстуальная проблематика (между Керией и Изабеллой); интертекстуальная проблематика (между маркизой де Мертей в исполнении де Лакло и Барош); и экстратекстуальная проблематика (между читательницами романа Барош и женскими образами)¹⁵.

Другими словами, классический роман становится толчком для развития художественной рефлексии современного автора: «Зима красоты» остается рецептивным произведением, существующим неотрывно от оригинального текста «Опасных связей», однако, Барош удастся не только продолжить историю уже известной героини, но и выделить ряд новых литературных и сюжетных проблем.

Таким образом, вышеизложенные примеры показывают уровень пространности присутствия классических текстов в современной литературе. Разнообразие художественных приемов позволяет постмодернистским авторам работать с уже известными романами на разных уровнях и преследуя разные цели, создавая свои собственные оригинальные произведения.

Список литературы:

- Пахсарьян Н.Т.* Дописывая классику: современные продолжения эпистолярного романа Шодерло де Лакло «Опасные связи» (К. Барош, Л. де Грев) // *Метаморфозы жанра в современной литературе*: Сб. науч. работ / Отв. редактор Е.В. Соколова; Сост. Н.Т. Пахсарьян. М., 2014.
- Пропт В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2001.
- Яусс Г.Р.* История литературы как вызов теории литературы. Современная литературная теория: Антология. М., 2004.
- Bormann D.* Science in the Neo-Victorian Novel: A Poetics And Two Case-Studies. Switzerland, 2002.

¹⁵ Rye G. Reading identities with Kristeva and Cixous in Christiane Baroche's *L'Hiver de beauté*, Paragraph, 19, 1996. P.98.

- Döhl R.* Mittelalterrezeption om Rundfunk // Mittelalter-Rezeption II. Gesam-
melte Vorträge des 2. Salzburger Symposium. Göppingen, 1982.
- Durvy C.* Les réécritures. Paris, 2001.
- Genette G.* Seuils. Paris, 1987.
- Kaplan C.* Victoriana: Histories, Fictions, Criticism. Edinburgh, 2007.
- Kristeva J.* Sémiotiké, recherche pour une sémanalyse. Paris, 1969.
- Rye G.* Reading identities with Kristeva and Cixous in Christiane Baroche's
L'Hiver de beauté // Paragraph. 1996. 19.
- Scherer J.* Le Livre de Mallarmé. Paris, 1978.

Сведения об авторе: Бакаева София Андреевна, аспирантка кафедры истории
зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломо-
носова. Email: sophie1chloe@gmail.com

О. Н. Григорьева, П. Туран

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ЕГО ОТНОШЕНИЮ К СОБСТВЕННОЙ ВНЕШНОСТИ

В статье рассматриваются существительные мужского и женского рода, обозначающие в современном русском языке человека, который проявляет внимание или безразличие к своему внешнему виду. К их числу относятся слова с эмоционально-оценочным значением, а также лексические единицы, обозначающие принадлежность к определенной субкультуре. Исследование таких слов позволяет глубже понять социальные нормы поведения и систему ценностей русских людей, зафиксированные в языке.

Ключевые слова: языковая картина мира, субкультура, гендерная асимметрия, существительные мужского и женского рода, номинации.

The article deals with masculine and feminine nouns which in the modern Russian language mean a person that pays attention or shows indifference to their appearance. These include words with emotional-evaluative meaning as well as lexical items denoting affiliation with a particular subculture. The study of such words leads to a deeper understanding of social norms and values of Russians which are stated in the language.

Key words: language picture of the world, subculture, gender asymmetry, masculine and feminine nouns, nominations.

Повышенное внимание или безразличие к внешнему виду обозначается в русском языке специальными лексическими и фразеологическими единицами, преимущественно заимствованными из других языков. В последние годы наблюдается возвращение в русский язык устаревших слов с таким значением и заимствование новых номинаций, недавно возникших в английском языке.

Существительные, характеризующие внешность человека, как правило, имеют эмоционально-оценочное значение. Несомненно, что данная характеристика должна относиться к лицам как мужского, так и женского пола. Но в языковой действительности обнаруживается так называемая гендерная асимметрия. В свое время это было отмечено немецкой исследовательницей М. Хелленгер, которая обращала внимание на то, что «мужское», например в названиях профессий, доминирует в языке и чаще имеет положительную или нейтральную оценку, в то время как «женское» или игнорируется, или обесценивается [Хелленгер, 1999: 92]. Не

так много названий профессий в русском языке имеют и женский, и мужской вариант названия: *учитель* – *учительница* (но во мн. ч. *учителя*), *поэт* – *поэтесса* (однако вариант «поэтесса» отвергался А. Ахматовой и М. Цветаевой), *актер* – *актриса*, *писатель* – *писательница*, *официант* – *официантка*. Например, такие слова, как *врач*, *профессор*, *комендант*, *пилот*, не имеют соответствия женского рода (ср. разговорные формы *профессорша* – «жена профессора»; *врачиха* – «женщина-врач»). Некоторые женские варианты имеют меньший семантический объем значения. Так, *математик*, *физик*, *химик* – ученый и школьный учитель, а *математичка*, *физичка*, *химичка* – только школьная учительница.

Еще одной формой гендерной лингвистической дискриминации является выработка в языке определенных стереотипов, таких, как *слабый пол*, *хранительница домашнего очага*, *женская логика*, *дамская проза*.

Гендер «связывает с природной детерминированностью не только телесные различия мужчин и женщин, но и полоролевое разделение труда, неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам, разную общественную “ценность” лиц в зависимости от их пола» [Кирилина, 2004: 117]. Как следствие этого возникают гендерные стереотипы. В «Словаре гендерных терминов» под редакцией А.А. Денисовой гендерные стереотипы определяются как «культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Денисова, 2002].

Содержание гендерных стереотипов включает четыре компонента. Это черты характера, поведение, физические характеристики внешнего вида, деятельность. Оценка посторонними внешности человека составляет значительную часть гендерного стереотипа, наряду с когнитивной (содержательной) и поведенческой частями. При этом могут оцениваться не только внешние данные человека, но и то, насколько он сам придает значение своему внешнему виду.

В русском языке группа существительных, называющих лиц мужского и женского пола по их отношению к собственной внешности (уделяют они ей внимание или нет), является довольно многочисленной и разнообразной по семантике, стилистической окраске, происхождению и степени актуальности. Она включает по нашим подсчетам 110 лексических единиц.

Среди этих имен имеются парные соответствия (всего 24 пары): *байкер* – *байкерша*, *беляк* – *белячка*, *битник* – *битница*, *бомж* – *бомжиха*, *ботан* – *ботанка*, *ботаник* – *ботаничка* (девочка-ботаник), *выпендрож-*

ник – выпендрейница, гопник – гопница, дэнди – леди-дэнди, металлист – металлистка (девушка-металлистка), модник – модница, моднюк – моднючка, неформал – неформалка, пизжон – пизжонка, рэпер – рэперша, тряпичник – тряпичница, тряпник – тряпница, щеголь – щеголиха, фирмач – фирмачка, форсун – форсунья, франт – франтиха, хиппарь – хиппарка, хипстер – хипстерша, щепетун – щепетунья (щепетуха).

Слова женского рода образованы от соответствующих существительных мужского рода путем прибавления суффиксов *-к-, -их-, -иц-, -j-, -ш-*, которые, как правило, придают им сниженно-разговорную окраску или усиливают уже существующую коннотацию (ср. *хиппарь* – *хиппарка*). Несколько слов образованы от прилагательных при помощи суффикса *-иц-* параллельно с существительными мужского рода с суффиксом *-ик-*: *модница, тряпичница, тряпница, выпендрейница*.

Из приведенных выше парных номинаций только три встречаются в совместном употреблении: *модник – модница, щеголь – щеголиха, франт – франтиха*, причем, как правило, в форме множественного числа:

«Если в 18 веке петербургские *щеголи* и *щеголихи* ориентировались на Париж, то с 1810 года началась мода на английский стиль и в одежде, и в поведении – небрежном и дерзком» (Светлана Клишина. «Мода как ристалище» // Лебедь: Интернет-альманах. 05.12.2003); «Я всегда боялся и не любил Ниццу за то, что она – город, куда съезжаются *франты* и *франтихи* со всего света» (П.И. Чайковский. «Письма к Н.Ф. фон Мекк», 1878); «Об извечном желании “себя показать и на людей посмотреть” я уже не говорю, хотя выделиться в нынешней толпе совсем не просто даже с помощью дерзких ухищрений моды (увы, *модники* и *модницы*, увы!)» (Дмитрий Биленкин. «Лицо в толпе», 1985).

Обратим внимание на две пары слов, которые в последние пять лет вновь стали актуальными в современном русском языке: *щеголь – щеголиха, франт – франтиха*. Следует отметить, что частотность употребления слов мужского рода намного выше. К такому выводу можно прийти на основании данных Национального корпуса русского языка и собственных наблюдений.

Слово *щеголь* встречается в художественных произведениях разного времени. «Милов (так можно его назвать) был лет двадцати пяти, статен, ловок, боек, учтив и *щеголь*» (А.Е. Измайлов. «Бедная Маша», 1801); «А надобно сказать, полицмейстером у нас *щеголь*, бонвиван, ротмистр по кавалерии» (Ю. Давыдова. «Синие тюльпаны», 1988–1989); «Красавец, *щеголь*, с пылкой душой и острым умом, Кирилл занял видное место в

кругах столичной “золотой молодежи” и стал предметом воздыханий многих завидных по родовитости и богатству невест» [Ирина Грачева. “Суздальские тайны” // Наука и жизнь. 2009].

По данным Национального корпуса русского языка, парное слово *щеголиха* наиболее часто употреблялось в литературе 1760–1770-х гг.: «Не столько любитесь *щеголиха* новомодным и в долг сделанным платьем, в коем она в первый раз на гульбище под Девичий монастырь для пленения сердец поехала...» (Н.И. Новиков. «Живописец», ч. I, 1775). В более позднее время встречаются единичные примеры употребления этого слова: «Была она большая *щеголиха* и, несмотря на то что солнце стояло еще низко, лицо закутала платком» (М.А. Шолохов. «Тихий Дон», кн. 2, 1928–1940); «Особое внимание Елизавета, страстная *щеголиха*, уделяла внешнему виду своих придворных» (В. Бондаренко. «Приглашение ко двору, или о “красивой” жизни прежней российской элиты» // Вечерний гондольер. 2005].

Как пишет С.Л. Иванов, «слово *франт* было в широком речевом обиходе в первой четверти XIX в., что нашло свое отражение в творчестве А.С. Пушкина, употреблявшего это слово в значении “щеголь, модник” во многих своих произведениях. В романе “Евгений Онегин” лексико-семантическая группа “щеголь” представлена в основном словами *франт* и *франтик*, хотя в начале романа встречается неологизм 1820-х гг. слово *dandy*, а в черновиках зафиксировано слово *фертик*» [Иванов, 2003: 26].

В настоящее время слово *франт* приобрело популярность, особенно в названиях московских магазинов, кафе и парикмахерских: например, магазин мужской одежды «*Франт*» на улице Генерала Тюленева, кафе «*Франт*» на улице Бахчиванджи, барбершоп (мужская парикмахерская) «*Франт*» на Таганской улице. К слову следует отметить, что коммерческий интерес коснулся и других слов исследуемой группы: ср. салон-ателье «*Щеголиха*» в Нижнем Новгороде, магазин мужской одежды и обуви «*Щеголь*» в Чите, магазин для детей «*Модники и модницы*» в Москве.

Слово *франт* встречается и в языке СМИ: «Вы в хорошем смысле слова *франт*: всегда в белоснежной рубашке, при галстукe, часто – в светлых костюмах. Будучи замгубернатора по социальным вопросам, вы нередко выходили к митингующим в белом плаще. Откуда это *щегольство*?» (МК в Красноярске, 17.12.2003. <http://regnum.ru/news/polit/194985.html>). Показателен метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова*, который косвенно свидетельствует о наличии у слова *франт* отрицательной оценочной коннотации.

Существительное женского рода *франтиха* обнаруживает те же свойства, что и *щеголиха*, в отношении слова мужского рода, но менее популярно в современном русском языке: «Он-то старый этакий, а она-то *франтиха* да *щеголиха*» (А.Ф. Писемский. «Взбаламученное море», 1863); «Оказывается, в Царском, в доме Шухардиной, в одном подъезде с Горенками и жила некая дама – *франтиха* и *модница*» (Эмма Герштейн. «Лишняя любовь», 1985–2002).

В двух примерах, приведенных выше, привлекает внимание характерная особенность употребления слов данной лексико-семантической группы: усиление смысла при помощи синонима, своего рода удвоение. В определенном смысле это явление сходно с редупликацией (ср.: *целиком* и *полностью*, *вкривь* и *вкось*). Такие примеры не являются редкостью: «Помню даже, как *модница* и *щеголиха* Анна Андреевна нахмурилась, когда я назвал ее “бабушкой”» (П.И. Мельников-Печерский. «Начало неоконченной автобиографии», 1863); «Нинка Грохотова, *пижонка* и *тряпичница*, – и вдруг такая собака!» (Л.Г. Матвеева. «Продленка», 1987); «Ваш король – величайший в мире *щеголь* и *франт*» (Е.Л. Шварц. «Голый король», 1934); «Это сейчас *пижоны-модники* украшают себя и квартиры предметами культа, тогда это была большая редкость» (И.С. Шкловский. «Эшелон», 1984 // Химия и Жизнь. 1988–1992).

Обратим внимание на слово *денди*, которое признавалось почти вышедшим из употребления: «Представим, что в наши дни нашелся поэт, равный по смелости Пушкину и замахнувшийся на роман в стихах. Онегин начала двадцать первого века, наверное, был бы там “как яппи бостонский одет”. Поскольку слово “денди” успело и обрусеть, и безнадежно устареть» [Новиков, 2012: 246]. *Яппи* – от английского *yuppie*, которое расшифровывается как *young urban professional* – молодой городской профессионал. Актуализация слова *денди* в 2015 г. связана с модными тенденциями последнего времени и возвращением классического стиля (*стиля денди*) в одежду не только мужчин, но и женщин. Приведем свежий пример из СМИ: «Коммуниста, которого за пристрастие к стильной и модной одежде местные СМИ прозвали “красным денди”, не допустили к кампании из-за наличия “двойных подписей” муниципальных депутатов» [Газета.ру. 28.08.2015]. Относительно недавно появилось производное существительное женского рода *леди-денди*. В качестве иллюстрации можно привести заголовок статьи Т. Игнатченко, посвященной Зинаиде Гиппиус: «*Леди-денди* “серебряного века”» (2013, <http://www.c-safe.ru>), а также фрагмент из сетевого модного журнала: «*Леди-денди*.

Этой осенью по подиумам активно вышагивают элегантные дамы в классических мужских костюмах-двойках» (<http://kp.vedomosti.ru/article/2012>). Однако это слово вряд ли можно считать парным к *денди*: в первом случае оно выступает как персональная характеристика Зинаиды Гиппиус. С другой стороны, *денди* здесь можно рассматривать как приложение к *леди*.

Группа слов только мужского рода включает 40 лексических единиц: *бизнес-денди, волосатик, волосатый, гик, гоголь, гот, гранжер, денди-эстет, красавчик, козырь, ламберсексуал, метросексуал, мод, мушкетер, нёрд, нормкорщик, панк, панкер, петиметр, плейбой, пижот, растаман, ретросексуал, рокер, рэпак, скин, скинхед, сноб, туз, уберсексуал, убер, фат, ферт, фертик, франтик, фрикс, фраер, хлыщ, штатник, щеголек*.

Слово *сноб* включено в эту группу, так как в одном из значений это «человек, поведение и вкусы которого определяются стремлением не отстать от моды и постоянно придерживаться манер аристократического круга, “высшего света”. <...> Среди *снобов* одежда имеет огромное значение, и шутить на эту тему не стоит. <...> – Заявиться на пир *снобов* в одежде пролетариата – это, конечно, круто!» (Максим Милованов. «Рынок тщеславия», 2000 // <https://ru.wiktionary.org/wiki>).

В подтверждение такого значения можно привести и употребление слова *сноб* в паре с *франтихой*. «*Франтихи* там трещат, как галки, А *снобы* курят “Беломор”» (Василий Аксенов. «Новый сладостный стиль», 2005).

Рассмотрим существительные мужского рода, относительно недавно пришедшие в русский язык и представляющие серию искусственных наименований, каждое из которых соотносится с известной личностью из области искусства или спорта. Это слова *метросексуал, ретросексуал, уберсексуал, ламберсексуал*, которые не предполагают наличия парного слова женского рода.

Метросексуал обозначает современного мужчину, который тщательно ухаживает за своей внешностью, то есть то же, что *денди*. Термин был введен в обиход в 1994 г. британским журналистом Марком Симпсоном. Среди толковых словарей это слово зафиксировано только в электронном варианте словаря Т.Ф. Ефремовой. В печатном издании оно отсутствует.

Слово *ретросексуал*, связанное с подчеркнуто мужской, традиционной манерой одеваться, является своего рода «антиподом» *метросексуала*, однако с точки зрения внимательного отношения к своей внешности они входят в одну группу.

Уберсексуал, или *юберсексуал* (нем. *über* «выше, сверх») – термин, придуманный авторами книги «Будущее мужчины» (*The Future of Men*, 2005). Менее изысканный в моде, он одевается в то, что ему нравится, и обладает качествами «настоящего мужчины» (<http://ru.wikipedia.org>).

Еще один неологизм – *ламберсексуал*, образованный как «слово-бу-мажник» из англ. *lumberjack* («лесоруб») и *metrosexual*. В одежде ламберсексуалы придерживаются нарочито небрежного, грубоватого ретро-стиля: футболки, фланелевые рубашки, вязаные свитера, жилетки и шапки на меху. Важным атрибутом ламберсексуала является густая окладистая борода, пышные усы и удлиненные волосы. При этом одежда и волосы всегда должны быть чистыми и ухоженными.

Слова только женского рода представлены шестью лексическими единицами: *гламурищица*, *наряжённка*, *выряжёха*, *фефёла*, *фифа*, *фифочка*. Иногда в их роли выступают устойчивые словосочетания: например, *вешалка для тряпок*, *серая мышка (мышь)*, *книжная моль*, *синий чулок*. У слова *мышка* в первом фразеологизме за основу берется неприметность зверька из-за серого цвета. *Серыми мышками* называют незаметных девушек, которые не выделяются в толпе. Такие женщины никак не подчеркивают достоинства собственной внешности, одеваются скромно, порой бывают замкнуты. «Сейчас я соберусь с силами, пойду в ванную, смою с себя этот маскарад, сниму парадные тряпки и опять превращусь в *серую мышку*» (Александра Маринина. «Стечение обстоятельств», 1992). *Книжная моль* «поглощает» книги, и все остальное отступает на задний план. Фразеологизм *синий чулок* служит символом погруженности в науку или работу с добровольным отречением от личной жизни. Определение фразеологизма *синий чулок* в Большом фразеологическом словаре русского языка под редакцией В.Н. Телия включает интересующий нас семантический признак: «не уделяет должного внимания своей внешности, одежде, не следует моде» [Телия, 2006: 636]. Интересно, что слово *чулок* относится к мужскому роду, но употребляется для обозначения женщин.

К словам общего рода, которые применяются к лицам как мужского, так и женского пола, относятся 13 существительных: *инди*, *модерняга*, *модняшка*, *неряха*, *пугало*, *распустёха*, *стиляга*, *стиляжка*, *фуфыря*, *хиппи*, *чучело*, *эмо*, *яппи*.

Как мы видим, это довольно пестрая группа слов. Слово *стиляга*, пришедшее из эпохи 1950-х, вернулось в языковую моду вместе с увлечением молодежи музыкой и атрибутами тех лет. Это слово вновь стало модным после выхода в 2008 г. одноименного кинофильма.

Номинации *инди, хиппи, эмо, яппи*, как и существительные мужского рода *байкер, гопник, гот, гранжер, металлист, мод, панк, рокер, рэпер, хипстер*, обозначают человека по его принадлежности определенной субкультуре. Внешность является неотъемлемой принадлежностью каждого образа, что не всегда отмечено в толковании значения. В **Толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина** даны, например, два значения слова *хиппи*: «1. Представитель анархически и бунтарски настроенной молодежи <...> || Ср. *битник, панк*. 2. перен. разг. О нарочито небрежно одетом и вызывающе ведущем себя молодом человеке» [Крысин, 2008]. Показательно, что второе значение лишено социальной составляющей. Признак «нарочито» в отношении к характеристике «небрежно одетый» говорит о проявлении внимания к собственной внешности. Существительные женского рода *металлистка, рэперша, хипстерша* не зафиксированы в словарях, но встречаются в речи.

Большинство из слов данной лексико-семантической группы включают в свое значение признак «внимание к своему внешнему виду» и лишь несколько: *бомж – бомжиха, ботан, ботаник – ботаничка (девочка-ботаник), гик, чучело, неряха, пугало, распустёха, фефёла, нёрд* – образуют группу существительных со значением «безразличие к своему внешнему виду». *Ботаничка* и *девочка-ботаник* являются редко употребляемыми словами, они были отмечены нами в одной из телевизионных программ «Модный приговор» в 2015 г.

Слово *нормкорщик* условно можно было бы отнести к этой группе. Оно появилось на русской почве как производное от *нормкор* (из англ. *normcore* < *normal* обычный + *hardcore* интенсивный, неустанный), которое пришло в русский язык в 2014 г. *Нормкорм* обозначает современную тенденцию в моде, которую характеризует выбор непритязательной одежды, стремление выглядеть «обычно», «как все», не выделяться, но в данном случае «безразличие» является уже сознательной установкой.

Исследование данной лексико-семантической группы существительных мужского и женского рода позволяет сделать вывод о том, что отношение к собственной внешности играет все большую роль в жизни современного человека.

Список литературы

- Большой фразеологический словарь русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М., 2006.
 Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.

- Википедия. Свободная энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
- Викисловарь: [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki>.
- Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>.
- Иванов С.Л.* История щегольской лексики в русском языке XVIII–XX вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 281 с.
- Кирилина А.В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М., 2004. 252 с.
- Кирьянов М.* Купить мужчину. М., 2008. 208 с.
- Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
- Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.
- Погонцева Д.В.* Красивый мужчина как феномен современной культуры // 2-я Интернет конференция «Грани науки – 2013»: [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.kznscience.ru>
- Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М., 2002.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940.
- Хеллингер М.* Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования: Хрестоматия / Под общ. ред. В.И. Успенской. Тверь, 1999. С. 91–98.

Сведения об авторах:

Григорьева Ольга Николаевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: lonogrig@yandex.ru.

Туран Пынар, аспирантка кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: pinarturan7@gmail.com&

Ма Цзя-ин

«ГРАММАТИКА СЛАВЕНСКАЯ» ФЕДОРА МАКСИМОВА: КРУГ ИСТОЧНИКОВ

В статье рассматривается одна из первых в России дидактических (учебных, педагогических) грамматик церковнославянского языка, «Грамматика славенская въ кратце собранная» Федора Максимова (СПб., 1723); устанавливается круг источников, использованных автором при работе над его учебником.

Ключевые слова: дидактическая грамматика, славяно-русская грамматическая традиция, церковнославянский язык.

This article is devoted to the study of one of the first Church Slavonic didactic grammars in Russia – «Grammatika Slovenska» published in 1723 by Fedor Maksimov. The main target is to set the references used by F. Maksimov while working on his textbook.

Key words: didactic grammar, Slavic-Russian grammatical tradition, Church Slavonic language.

Целенаправленное внедрение грамматической образованности в Петровскую эпоху (см.: [Пекарский, 1862: 108–121; Владимирский-Буданов, 1874: 101–103; Флоровский, 1996: 379]) потребовало разработки новых учебных пособий, призванных, с одной стороны, сформировать процедуры овладения языком как системой алгоритмических правил, а с другой – изложить учение о книжном языке в предельно ясной и доступной форме. Необходимость внедрения нового стандарта грамматического описания – учебной (дидактической, педагогической) грамматики церковнославянского языка – одним из первых была осознана руководителем Новгородской греко-словенской школы Федором Максимовым. Новгородская греко-словенская школа была основана в 1706 г. Новгородским и Великолуцким митрополитом Иовом, пригласившим для организации учебной деятельности основателей Славяно-греко-латинской академии Иоаникия и Софрония Лихудов. Федор Максимов был учеником братьев Лихудов, впоследствии стал преподавателем, а в 1718 г., после возвращения Лихудов в Москву, возглавил школу, которая под его руководством вскоре стала своеобразным центром подготовки и переподготовки учителей для других училищ и школ России [Сменцовский, 1899: 339].

Для обеспечения учебного процесса Федором Максимовым была создана «Граммати́ка славѣ́нская въ крѣ́тцѣ́ собраннаѣ въ Греко-слова́нской шко́лѣ́, ꙗ́же въ вели́комъ Новѣ́ градѣ́ при до́мѣ́ Ѧрхїерейскомъ» (СПб., 1723) (далее Г1723), удостоенная высокой оценки Святейшего Синода, который постановил издать ее в Александро-Невской типографии «для общей в российском народе пользы».

Г1723 явилась негативной методической репликой на «пространную» грамматику Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619 – далее ГС; 2-е изд.: М., 1648 – далее ГМ; 3-е изд.: М., 1721 – далее Г1721), которая, по словам Федора Максимова, «дѣ́темъ же во оу́чѣніи возмні́са бы́ти продолжителна, а ра́зѹмѣ́ ѡ́ пѡ́матѣ́ ѡ́хъ мно́жества ра́ди ѡ́тлаготї́телна» (Г1723, с. 3), см.: [Ма Цзя-ин, Кузьминова, 2014: 160]. Вместе с тем, отвергая общую стратегию грамматического описания, избранную Мелетием Смотрицким, Федор Максимов активно задействует в своем учебнике разработанный предшественником грамматический аппарат.

Ориентация Г1723 на грамматику Мелетия Смотрицкого в настоящее время является общепризнанной. Более того, сформировалось устойчивое представление о грамматике Федора Максимова как о не представляющей самостоятельного интереса сокращенной редакции грамматики Мелетия Смотрицкого, которое вплоть до настоящего времени не было подкреплено ни текстологическим, ни собственно лингвистическим анализом Г1723. Так, С.К. Булич в «Очерке истории языкознания в России XIII–XIX вв.» характеризует Г1723 как одну из «переделок» грамматики Смотрицкого, «очень незначительно отличающуюся от нея» [Булич, 1904: 178–179], И.В. Ягич в «Истории славянской филологии» – как «сокращение из Смотрицкаго» [Ягич, 1910: 31]; эту же точку зрения разделяют также М.Н. Сменцовский [Сменцовский, 1899: 341–342], В.Н. Макеева [Макеева, 1961: 9], Н.Б. Мечковская [Мечковская, 1984: 44–45], В.В. Колесов [Колесов, 2003: 63], В.М. Живов [Живов, 2004: 549] и др.

Действительно, грамматика М. Смотрицкого послужила важным ориентиром для Ф. Максимова, впрочем, как и для большинства авторов грамматических описаний не только церковнославянского (ср. трактаты Федора Поликарпова 1720-х гг. [Поликарпов, 2000], «Граммати́кѡ́ бесѣ́дословнѣ́ю» Ивана Иконника 1733 г. [Кузьминова, 2012: 271–448]), но и русского языка, начиная от грамматики Лудольфа и вплоть до грамматик Ломоносова, Барсова, Грамматики Академии российской 1802 г. В Г1723 была перенесена утвердившаяся в грамматике М. Смотрицкого общая схема грамматического описания, систематика, способы представления

языковых данных, терминология и даже отдельные синтаксические правила, как например, «Ѡ сочинѣнїи союзѡвъѡ» (с. 167–171) и «Ѡ сочинѣнїи междомѣтїи» (с. 171).

Вместе с тем Г1723 демонстрирует полную самостоятельность многих решений Ф. Максимова: композиционных, классификационных, терминологических, кодификаторских и др.

Так, Ф. Максимов реорганизует раздел «Ѡ просѡдїи». М. Смотрицкий разделял просодию на «Ѧрѡграфїиѡ», под которой понималось учение об акцентных знаках и знаках препинания, и «Просѡдїиѡ» или «стихотѡрнѡ», «ѡже хѡдожество ѡтїхотѡрное поД мѣтромъ илїи мѣрою слѡгъ количества быти глѣмъ» (ГС л. 238 об.–239, ГМ л. 331 об., Г1721 л. 239–239 об.). Нормализация надстрочных знаков и знаков препинания была представлена в конце орфографической части в разделе «Ѡ ПРОСѡДІИ: илїи ѡ оѡдарѣнїи гласа:» ГС=ГМ=Г1721 (л. 13 об.–19 об., 59–63 об., 10–15), сведения же, которые традиционно связывались с учением о стихотворном тексте, были изложены в четвертой, заключительной части грамматики «Ѡ ПРОСѡДІИ ѡТІХОтѡрной» (л. 238 об.–251 об., 331–346 об., 239–252 об.).

В отличие от М. Смотрицкого Ф. Максимов выводит стихотворную теорию за пределы грамматики как чужеродную для славян. Основополагающая для этой теории классификация гласных по признаку долготы / краткости была унаследована от греческой грамматической традиции и не являлась органичной для славянского языка: «тѡже стїхотѡрнаа просѡдїа, славѣннѡмъ ѡакѡ не нѡжна ѡ ѡдѡа оѡпотреблѣма, ѡставнѣсѡ. ѡ ѡакѡ ѡ зрѡтѣсѡ нѣкїа стїхї равнѡсложнѣ ѡ подѡбѡкончателнѣ славѣны оѡпотреблѣмыа: но сїи тѡкмѡ содержатъ рѡды пїитїческїа, ѡ мѣра въ нїхъ весма не хранїтѣсѡ» (Г1723, с. 6). Таким образом, Ф. Максимов ограничивает сферу действия просодии правилами акцентуации и пунктуации: «предсѡдїсѡ же пѡче быти сїа просѡдїа, ѡже оѡчїнтъ гласъ оѡправлѣти, ѡ во чтѣнїи препїнѡнїе чѣстнѡ хранїти» (с. 6). Поскольку ударение реализуется внутри слов, а правила постановки знаков препинания действуют внутри предложения, часть «Ѡ просѡдїи» он помещает в конце Г1723, после этимологии и синтаксиса (с. 172–180).

Ф. Максимов подвергает переосмыслению заданную М. Смотрицким систему глагольных времен. Из четырех прошедших времен, представленных в грамматике М. Смотрицкого (прѡходѡщѣеб прѡшѣдѣшеб мѡмѡшѣдѣшеб непрѣдѣлаѡе) (л. 121), он исключает мѡмѡшѣдѣшеб и непрѣдѣлаѡе

ное, передав их функции прешѣдшемъ: «Времена, мимошѣдшее ѿ не-предѣльное въ парадигмѣ не положишася, понеже мѣсто ихъ наполняющъ прешѣдшемъ» (с. 51).

Ф. Максимов отказывается также от использованного М. Смотрицким термина нарѣчіе, введенного в трактате «Ѧ ѡсмнхъ чѣстѣхъ слова», и заменяет его термином надглаголіе, который является такой же, как и нарѣчіе, калькой соответствующего греческого или латинского слова (ср. ἐπίρρημα: ἐπί(ρ)- ‘на’ + ρῆμα ‘глагол, речь’; adverbium: ad- ‘на’ + verb-urn ‘глагол, речь’). В славянской грамматической традиции история становления термина для обозначения наречия тесно связана с историей выбора термина для обозначения глагола, поскольку наречие осмыслялось преимущественно как часть речи, характеризующая признак действия (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Термин	Источник					
	О восьми частях слова	М. Грек	Адельфотес	ГЗ	ГС=ГМ=Г1721	Г1723
глагол	рѣчь	рѣчь (слово)	глаголь	глаголь	глаголь	глаголь
наречие	нарѣчие	прирѣчие (присловие)	нарѣчие	нарѣчие	нарѣчие	надглаголие

С конца XVI в. термин рѣчь, изначально использовавший в значении ‘глагол’, был вытеснен термином глаголь: термин глаголь фигурирует уже в «Адельфотесе», вышедшем в 1588 году, в то же время термин нарѣчіе удерживается в грамматических сочинениях вплоть до Ф. Максимова. Инновацию Ф. Максимова, который вводит термин надглаголіе, подхватывает Ф. Поликарпов в своих рукописных грамматических трактатах 1720-х гг. (РГАДА, ф. № 6 – далее Моск.; и «Технологія то есть художное совѣщѣваніе о грамматическомъ художествѣ» РНБ, ф. НРСЕ 1921.60): «Что ѣсть на^аглаголіе; Ёсть глагола прѣ^авареніе и послѣдованіе. И для чего называется^а на^аглаголіе; Понеже ѿснѣйшее на глаголь придае^а ѿзвѣщеніе» (Моск., цит. по [Поликарпов, 2000: 185]).¹

¹ Термин надглаголие использует и В.К. Тредиаковский в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи», опубликованном в 1745 г.: «В сложных, а не в простых словах, которых сложение начинается предлогами, или надглаголиями какими, кончашчимися на гласную, и самое слагаемое слово также с тоя точ-

Кодифицированная Ф. Максимовым норма не тождественна норме ни одного из трех изданий грамматики М. Смотрицкого. Система норм **Г1723** явилась результатом целенаправленного выбора из числа нормализаторских решений, принятых в ГС, ГМ и Г1721. Этот выбор был продиктован двумя установками:

- (1) на преодоление немотивированной вариативности, т. е. на унификацию, в чем состоит принципиальное отличие кодификаторских принципов Ф. Максимов от принципов М. Смотрицкого и Ф. Поликарпова, отдававших предпочтение принципу вариативности (см. таблицу 2);
- (2) на снятие грамматической омонимии (см. таблицу 3).

Таблица 2.

грамматическая позиция	возможные варианты ГС, ГМ, Г1721	Г1723		
М ед.ч.	-и / -ѣ	-ѣ	сѣрдцѣ	как ѡплѣ, дрѣвѣ
З ед.ч.	-и / -ѣ	-ѣ	радостѣ	как мѣченице
В мн.ч.	-ѡ / -и	-и	сѣдѣи	как сѣѣни, мрежи
Т мн.ч.	-ы / -ѡми	-ы	словесы	как сѣтрѡчѣты, имены
Р мн.ч.	-ѣи / -ѣ	-ѣи	гдѣи	как ѡчитѣлѣи
Д мн.ч.	-ѣмѣ / -ѡмѣ	-ѣмѣ	гдѣмѣ	как ѡчитѣлѣмѣ
числит. Т	сѣдѣмѣ / сѣдѣмѣи	сѣдѣмѣ	сѣдѣмѣ	как пѣтѣмѣ, шѣстѣмѣ
Р ед.ч.	-ѡгѣ / -ѡгѣ	-ѡгѣ	сѣмѣгѣ	как сѣвѣгѣ

но гласныя начинается, гласную букву у предлога, или у надглаголия отнимаю» (цит. по [История русского литературного языка, 1989: 198]). Во второй половине XVIII в. термин *наречие* вытесняет *надглаголие*. В этот период термин *речь*, окончательно утрачивая связь с глаголом, начинает употребляться в значении 'предложение', что делает использование термина *наречия* по отношению к части речи, обозначающей не только признак действия, более органичным. Такое осмысление терминов *надглаголие* и *наречие* выражено, в частности, в «Российской грамматике» А.А. Барсова, где в разделе в разделе «О сочинении нарѣчій» автор отмечает: «Нарѣчїа въ нѣкоторыхъ славенскихъ грамматикахъ ближе къ обыкновенному знаменованїю своему названы были *надглаголія*; по елику употребленіе ихъ особливо примѣтно при глаголѣ; но извѣстно, что они прилагаются еще не только причастїямъ и дѣепричастїямъ и проч. какъ измѣненїямъ глагола, но также и къ самымъ именамъ прилагательнымъ, еще и къ существительнымъ и напоследѣдокъ и сами между собою одно къ другому; что все нѣкоторымъ образомъ какъ бы къ согласїю въ сочиненїи ихъ отнести можно» [Российская грамматика, 1981: 228–229].

Таблица 3.

ВОЗМОЖНЫЕ ОМОНИМЫ ГС, ГМ, Г1721	Г1723	
Р ед.ч. = В мн.ч. пáстырѣ	Р ед.ч. оучи́телеа	В мн.ч. оучи́телеи
Д ед.ч. = З ед.ч. ререю	Д ед.ч. ререю	З ед.ч. ререе
Д ед.ч. = И-В-З дв.ч. стынѣ	Д ед.ч. стыни	И-В-З дв.ч. стынѣ
2 л. = 3 л. дв.ч. м., с.р. читаѣта	2 л. дв.ч. м., с.р. питаѣва	3 л. дв.ч. м., с.р. питаѣта
2 л. = 3 л. дв.ч. ж.р. читаѣтѣ	2 л. дв.ч. ж.р. питаѣвѣ	3 л. дв.ч. ж.р. питаѣтѣ

В синтаксической части своей грамматики Ф. Максимов в наибольшей степени отступает от моделей, заданных М. Смотрицким. В ранней славянской грамматической традиции XVI–XVII вв. специальная синтаксическая концепция (теория синтаксических связей, теория предложения и его членов) разработана не была. В первых грамматиках церковнославянского языка синтаксический раздел либо отсутствует вообще, как, например, в грамматике Лаврентия Зизания «Грамматика Словенска Съвершенна Искусства ѿ семи частїи слова, ѿ ѿныхъ нѣждны» (Вильно, 1596 – далее ГЗ), либо представляет собой краткое приложение к морфологии («Этѣмолѡгїи»), повторяя ее композиционно и терминологически, как в грамматике Мелетия Смотрицкого. В рукописных же грамматических руководствах этого времени термином *синта́ксисъ* обозначалась явления совершенно иные – графико-орфографические: либо совокупность всех надстрочных знаков, ср. «пишѣтѣ ихъ в бжтвенныхъ писанїихъ верхѣ вѣкѣхъ, а зоветсѣ верхнѣа силѣ, а по греческы синта́ксисъ» (статья «Еще соутѣ ѿ ѿны воуквы», цит. по [Ягич, 1885–1895: 692]), либо знак соединения, т. е. переноса, который «оуказѣетъ соѣдинѣти рѣчь радѣленю на двѣ стрѡки» («Начало книзѣ гл҃емей грамматїка» [РГБ, ф. 299, ед.хр. 336, л. 94 об.], «Грамматичесество», «Ѹ еже како просѡдѣа достѡнѣ писати ѿ гл҃ати»), см. [Кузьмина, 2013: 318–319].

Ф. Максимов первым в истории славянской грамматической традиции начинает разрабатывать теорию синтаксических связей. Специальный раздел синтаксической части Г1723 он посвящает проблемам согласования – «Ѡ соглáси» (с. 181–187), в котором регламентирует три типа связей: 1) прилагательного с существительным (*сѣществителнагѡ ѿмене сѣ прилагáтелныѣ*); 2) «возносительного», т. е. относительного, местоимения *ѿже* с существительным (*возносѣтелнагѡ со предѣдѣщимѣ*); 3)

подлежащего со сказуемым (**именительнагъ со глаголомъ**). Детальное описание каждой синтаксической связи в **Г1723** включает характеристику вступающих в соединение элементов, перечень признаков, по которым осуществляется согласование / координация, языковой пример, его верификация и анализ по указанным признакам (см. таблицу 4).

Таблица 4.

компоненты связи	параметры согласования	пример	верификация
существительнагъ именѣ съ прилагательныѣ	въ родѣ, числѣ, и падежи	премудростѣ ненаѣ	Занѣ премудростѣ ѣсть рода женскагъ, числа единственнагъ, и падежа именительнагъ, подобнѣ и ненаѣ ѣсть рода женскагъ, числа единственнагъ, и падежа именительнагъ, оубо благо ѣсть.
возносительнагъ со предначинимъ	въ родѣ и числѣ	ѹбодрѣ --- иже	Занѣ ѹбодрѣ ѣсть, рода мужескагъ, и числа единственнагъ, подобнѣ и иже, ѣсть рода мужескагъ, и числа единственнагъ, оубо благо ѣсть.
именительнагъ со глаголомъ	въ родѣ, числѣ, и лицѣ	ѹбодрѣ пишетъ	ѹбодрѣ ѣсть, рода мужескагъ, числа единственнагъ, лица третѣгъ, подобнѣ и пишетъ рода мужескагъ, числа единственнагъ, лица третѣгъ, оубо благо ѣсть.

Приведенные нами факты, как и результаты текстологического исследования **Г1723** [Ма Цзя-ин, Кузьминова, 2014], свидетельствуют, что **Г1723** не является сокращенной версией грамматики М. Смотрицкого. Ф. Максимов реализует в **Г1723** собственную стратегию грамматического описания, воплощает собственные нормативные представления и представляет результаты собственных лингвистических изысканий.

В то же время при работе над своей грамматикой Ф. Максимов активно привлекает и другие источники, которые могли быть ему доступны, в частности, благодаря обширной библиотеке Новгородской греко-славянской школы. В распоряжение учащихся митрополит Иов предоставил все свое книжное собрание, включавшее более 70 книг на греческом, латинском, польском, немецком, сербском языках, часть своей библиотеки перевезли в Новгородскую школу и братья Лихуды [История образования в Новгороде Великом. URL: <http://museum.novsu.ac.ru/body.php?chap=events&sub=4>].

В организации алфавита (как в составе букв, так и в их последовательности) в **Г1723** прослеживается влияние грамматики Лаврентия Зизания. В отличие от М. Смотрицкого, руководствовавшегося принципом вари-

Все отступления от «Букваря» могли быть обусловлены ориентацией Ф. Максимова на грамматику Л. Зизания. При описании «двогласных» («дифтонгов» по терминологии Л.Зизания), как и при регламентации алфавита, Ф. Максимов исключает варианты графем, данные Ф. Поликарповым (ср. *ѡ, ѡлѣ, ѡ, ю, ы, ѡѣ, ѡлѣ, ѡ* – л. 4), и приводит перечень, совпадающий с перечнем ГЗ (см. таблицу 7).

Таблица 7.

G1723	G3	«Букварь»	ГС
изъ гласныхъ оуѣвъ выводятъ двогласная ѡ ю ѳ ѱ. (с. 1)	Колікѹ єсть Диффонговѣ; четыри: Ѱ, ѻ, ю, Ѳ. (л. 4–4 об.)	двогласнаа: ѿ, ꙗн, ѧ, ю, ы, оу, ꙗн, Ѣ (л. 4)	҃Ѹбѵиствоꝑеꝛнаа ѿ Грѣкоꝑеꝛ в.ѯтаа (аї еї ої: Главыны не оупотре- бавлены*) въставлены**) соудтъ, аѷ ев ж н̄ оу: Ѡ Латинъ, л и іє ю: Главеꝛское же единое, ы (л. 7)

Помимо «Букваря» Ф. Максимов мог действовать и другой труд Ф. Поликарпова – «**Лѣзѣиконъ трєазѣичный. сѣрѣчь Речєній славєнскиѣ, ѣллиногрєчєскиѣ ѡ латѣнскиѣ собрѡвищє** **Изъ разлѣичныхъ дрєвнихъ ѡ новыхъ книгъ собрѡное** **И по славєнскомъ ѡлфавѣтѣ въ чинъ разположєное**» (М., 1704), о чем свидетельствует кодифицированный в Г1723 орфографический способ разграничения лексических омонимов. Если в ГС, ГМ и Г1721 в сферу действия принципа антистиха входили только грамматические омонимы, см. [Кузьминова, 2011: 42–43, 47–51], то Ф. Максимов экстраполирует принцип антистиха и на омонимы лексические. Он предписывает использование орфографической оппозиции **и // ї** для разграничения омонимов и омоформ **мѣръ // мѣръ** и **винѡ // вѣна** (с. 2). Источником такого кодификаторского решения мог послужить «**Лѣзѣиконъ трєазѣичный**», где эти слова сопровождаются соответствующими толкованиями: «**Мѣръ**, ἐῖρη, pax, fēdus» // «**Мѣръ, сѣрѣчь вселєнаѡ**, κόσμος, ἡ οἰκουμένη ὑφὴλος, mundus, orbis, terrarium» (л. 169); «**Вина** αἰτία, caufa, culpa» // «**Вѣно съ растворєнїємъ пѣтїє**, οἰνοπυσία μετὰ χράματος, temperata aqua, vini potio» (л. 46 об.–47). Аналогичные, но более пространные толкования приводятся также в сочинении «**ω** **исправленїи в прєждє печатаныхъ книгахъ минєахъ**» Евфимия (1692)².

² «миръ, пишемое чрез и, гречески ѿрини, знаменуетъ любовь междѣ члѣвкѣ, согласіе, покой ѿ вражды всакоѣ, соединеніе. миръ, пишемое чрез ѿ, гречески, кѡсмосъ, знаменющее красоту, чинъ, народъ, селенію, миръ еже естъ состояніе изъ нѣсе и земли и сѣиныхъ въ средѣ.

Вина има женскагѡ рода пишемо чрезъ н... еже знаменѹетъ начало, или подлогъ таковаго слова, или дѣла бѣгагѡ или злагѡ. Вѣно, има среднагѡ

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что Ф. Поликарпов в своих рукописных грамматических трактатах 1720-х гг., созданных уже после выхода в свет Г1723, использует материалы Ф. Максимова, см. [Поликарпов, 2000: 20]. Сведений о Ф. Максимове, дошедших до нашего времени, очень мало. Мы не располагаем никакими данными, свидетельствующими о личном знакомстве Ф. Максимова и Ф. Поликарпова. Однако известно, что Ф. Поликарпов и Ф. Максимов прошли одну и ту же филологическую школу. В основе их воззрений на грамматику лежат уроки и труды братьев Лихудов. Работая каждый над своей грамматикой, Ф. Максимов и Ф. Поликарпов могли пользоваться одними и теми же пособиями из школы Лихудов. Их рассуждения часто шли в одном направлении. Так, оба они признавали грамматику «орудием» познания текста (Моск., лл. 9 об.–10., Г1723, с. 4). Оба соотносят книжный язык с «простым», под которым понимался некий упрощенный вариант литературного языка. В одинаковом направлении шло и уточнение предмета грамматики, за пределы которого было выделено учение о стихотворной просодии (Моск. лл. 23 об.–4, Г1723, л. 4). Ф. Поликарпов, как и Ф. Максимов, ставил перед собой задачу создать учебник, который бы в предельно ясной форме излагал учение о книжном языке. Эти факты подкрепляют наши выводы об использовании Ф. Максимовым в качестве источников при работе над Г1723 «Букваря» и «Лексикона» Ф. Поликарпова.

Наиболее значимым ориентиром для Ф. Максимова при работе над текстом Г1723 служили учебно-методические пособия его «словеснейших» учителей – Иоаникия и Софрония Лихудов. В частности, удалось установить, что раздел Г1723 «Надглаго́ліѣ» восходит к их рукописному трактату «Ѡ грамꙋати́чествѣ ꙗꙋдо́жествѣ» (РГБ, ф. 173, № 331), содержащему грамматику греческого и церковнославянского языков.

Давая определение надглаго́ліѣ, Ф. Максимов отказывается от дефиниции М. Смотрицкого, трактующего грамматическое общекатегориальное значение этой части речи как признак действия или другого признака, в пользу дефиниции Лихудов, которые, рассматривая, наречие как часть речи, характеризующую исключительно глагол (но не имя), описывают его позиции по отношению к глаголу (см. таблицу 8).

рода, пишемо чреꙋ Іѡта... еже знаменѣтъ вещь ꙗꙋдо́жествѣ, рожденнѣю изъ лозы» (цит. по: [Никольский, 1896: 83]; об авторе Евфимии см.: [Сиромеха, 1979: 12–13]).

Таблица 8.

Г1723	«Ŵ грам ^а тѣчѣстѣ ^а хѣ- дожѣствѣ ^ѣ »	ГС=ГМ=Г1721
<u>Надглаголіе глголъ</u> <u>предварѣтъ, или по-</u> <u>слѣдѣтъ</u> во извѣще- ніе. (с. 65)	<u>Нарѣчіе ѣсть часть</u> <u>слова некл^ана на</u> <u>глаголъ глѣма или</u> <u>наглѣма, или при гла-</u> <u>голъ предварѣтъ или</u> <u>послѣдѣтъ</u> ».	<u>Нарѣчіе ѣсть часть</u> <u>слова несклан^аемал</u> <u>Имени или Гл^а вѣш-</u> <u>шагв их знаменованіа</u> <u>ради прилагѣмал</u> : (л. 188 об., 272, 187)

В отличие от М. Смотрицкого, которой не указывает производящую базу для наречий производного вида, Ф. Максимов подчеркивает, что производные **надглаголіа** образуются от прилагательных: **мѣдрѣ** от **мѣ-дрий** (с. 65). Данная трактовка также отражает ориентацию на трактат Лихудов, возводящих наречия к формам прилагательных (см. таблицу 9).

Таблица 9.

Г1723	«Ŵ грам ^а тѣчѣстѣ ^а хѣдожѣствѣ ^ѣ »
<u>Видъ оуѣв сѣгѣтъ</u> : Первоу- бразный, іакъ: вчера, днѣсь: и производный, іакъ: <u>мѣдрѣ</u> , <u>ѡ</u> <u>именѣ мѣдрый</u> . (с. 65)	<u>Знаменай здѣ іакъ ѣлика нарѣчіа вы-</u> <u>ваютъ ѡ родитѣлнагв множественна^ѣ</u> , <u>іакъ ѡ мѣдрыхъ мѣдрѣ</u> , <u>ѡ добрыхъ</u> <u>добрѣ</u> , глѣтѣса срдѣствѣнага нарѣчіа

Влияние грамматических идей братьев Лихудов на Ф. Максимова наблюдается и в семантической классификации наречий по «**знаменованіамъ**» (с. 65–84). Взяв за основу исходную классификацию М. Смотрицкого, распределившего наречия по 24 семантическим классам: **времяне**, **мѣста**, **качества**, **количества**, **числа**, **чина**, **слѣчаа**, **повеленіа**, **оуѣщаніа**, **ѡрицаніа**, **преценіа**, **напряженіа**, **ѡславленіа**, **разсѣжденіа**, **оуподобленіа**, **ра^нства**, **недоумѣніа**, **вопрошеніа**, **ѡѣщаніа**, **собраніа**, **ѡдѣленіа**, **и^нбраніа**, **оускореніа** и **оука^ніа** (л. 189 об.–191), Ф. Максимов дополняет ее пятью новыми классами: **количества непредѣлнагв и ка^чества**, **ѡрдѣа**, **іазыческаа**, **порѣтства** и **ли роты** и **изѣвленіа**, и **ли извѣствованіа**, и **ли толковатѣлнаа** (с. 82–84), которые были выделены Лихудами: «**снѣже количества непредѣ^на^ѣ ка^чества**, **снѣже ѡрдѣна**, **снѣже іазыческаа**, **снѣ же порѣтства**, **снѣже извѣствованіа**». Примеры наречий каждого класса в Г1723 также в большинстве случаев заимствованы из трактата Лихудов (см. таблицу 10).

Таблица 10.

Г1723		«Ი грам ^а т ^и чест ^ѣ Ი х ^о д ^о жеств ^ѣ »
кз. Іазыческаа.		Сниаже іазыческаа
<u>ѣдински</u>	по ѣдински.	<u>Ѣдински</u>
<u>римски</u>	по римски.	<u>Римски</u>
<u>еврейски</u>	по еврейски.	<u>Еврейски</u>
<u>фрутйски</u>	по фрутйски.	<u>сѹрски</u>
<u>арменски</u>	по арменски.	<u>фрутски</u>
	(с. 83)	<u>арменски</u>

В лингводидактических целях Ф. Максимов прибегает и к тому способу представления наречий, который был задан Лихудами. Если М. Смотрицкий ограничивался лишь перечнем слов, относящихся к каждому семантическому разряду: «**Напражѣніа:** іа^кw сѣ^лw, вѣ^лм^и, о^усѣрдн^ѣ, т^ощн^ѣ: ѿ пр^ѣ» (л. 190 об.), то Лихуды объясняли маркированно книжные лексемы «**приложѣніемъ простыѣхъ речѣній**» (с. 3): ср. **ныне** – **теперь**, **присно** – **всегда**, **паче** – **больше**, **никако** – **никогда** и др. Адресуя свою грамматику «**дѣтѣмъ во о^учѣніи**» (с. 3), Ф. Максимов считает необходимым «**толковати просторѣчіемъ**» (с. 5) все наречия, «**рwсскїи** **вмалѣ разумѣваема**» (с. 3) (см. таблицу 11).

Таблица 11.

Г1723	
днѣсь ннѣ о ^у же завтра	а, Времени.
	сєв ^ѡ дн ^и , сєг ^ѡ дн ^и . ннѣ. в ^ѡ тѣ в ^ѡ тѣ, в ^ѡ тѣ тєпєрь. завтра, ранѣ, п ^ѡ стѣрѣ.
гдѣ; здѣ, тѣ сє здѣ тамъ снѣдѣ инѣдѣ	б, Мѣста.
	гдѣ; в ^ѣ к ^ѡ т ^ѡ р ^ѡ мъ мѣстѣ; здѣсь. тѣтѣ. в ^ѡ тѣ здѣсь. тамъ, вѣ томъ мѣстѣ. вѣ н ^ѡ мъ мѣстѣ (с. 65–67)

Приведенные факты позволяют опровергнуть сложившееся в науке представление о Г1723 как о сокращенной версии грамматики М. Смотрицкого и расширить круг источников, привлеченных Федором Максимовым. В его грамматике получила реализацию исходная авторская целеустановка, сформулированная в предисловии: «**нѣжда собрати Ი**

различныхъ въ кратцѣ сѣѡ грамматикѣ» (с. 3). Таким образом, Г1723 явилась результатом обобщения и переосмысления различных предшествующих опытов описания и кодификации церковнославянского языка, среди которых – «Грамматика Словенска» Лаврентия Зизания, «Алфавитарь рекше бѣкварь» и «Лѣзѣконъ трѣязычный» Федора Поликарпова, трактат «Ѡ грамѣтѣхъ хѣдожествѣхъ» Иоанникия и Софрова-ния Лихудов.

Список литературы

- Братья Лихуды в Новгороде // История образования в Новгороде Великом.
URL: <http://museum.novsu.ac.ru/body.php?chap=events&sub=4> (10.03.2016).
- Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. I. XVIII в. – 1825 г. СПб., 1904.
- Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XIII века. Ч. I. Ярославль, 1874.
- Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
- История русского литературного языка: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов по спец. «Рус. яз. лит.» / Сост. А.Н. Кожин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.
- Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб., 2003.
- Кузьминова Е.А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
- Кузьминова Е.А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М., 2012.
- Ма Цзя-ин, Кузьминова Е.А. «Грамматика словенска» Федора Максимова (1723 г.): Стратегия и параметры грамматического описания // Мир науки, культуры, образования. № 5 (48). 2014. С. 158–162.
- Макеева В.Н. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961.
- Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1984.
- Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.
- Поликарпов Ф. Технологѣа. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000.
- Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Под ред. Б.А. Успенского; Подгот. текста и комментарий М.П. Тоболовой. М., 1981.

Сменцовский М.Н. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.

Флоровский Г. Петербургский переворот // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII–начало XIX века). М., 1996. С. 349–424.

Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910.

Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 289–1023.

Сведения об авторе: *Ма Цзя-Ин* (Тайвань), аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: sveta-ma0206@gmail.com.

Д.А.Рыжова

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ЧУДОВИЩНЫЙ ДОКЛАД: ФОРМИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НА БАЗЕ РУССКОЙ ПРИЗНАКОВОЙ ЛЕКСИКИ¹

В статье рассматривается процесс формирования оценочных значений у исходно нейтральных прилагательных в русском языке. Показано, что лексемы, обозначающие физические свойства предметов (*высокий, мягкий, громкий* и др.), приобретают оценочный компонент в результате метафоризации в сочетании с существительными, обозначающими человека и связанные с ним понятия (*ум, кругозор, жизнь...*). Абстрактные признаки (*удивительный, исключительный* и т. п.) переходят в класс оценочных в результате сдвига имплицативного типа по нескольким основным моделям: 'относящийся к нереальному миру' => 'хороший' (*волшебная палочка* => *волшебный отпуск*), 'пугающий' => 'плохой' (*жуткий зверь* => *жуткое поведение*) и др.

Ключевые слова: лексическая семантика, оценка, прилагательные.

The paper analyzes mechanisms of polarity meanings derivation in initially neutral Russian adjectives. We show that lexemes denoting physical qualities (*vysokij* 'high', *mjagkij* 'soft', *gromkij* 'loud', etc.) develop an evaluative component through a metaphorical meaning shift in combinations with nouns denoting a human being or a notion related to her / him ('intellect', 'outlook', 'life'...). Adjectives with abstract meanings (*udivitel'nyj* 'surprising', *iskljuchitel'nyj* 'exceptional' and so on) become evaluative by means of implicature according to several models: 'unreal' => 'good', 'frightening' => 'bad', and some others.

Key words: lexical semantics, evaluation, adjectives.

"People are judgemental creatures and it stands to reason that many word meanings incorporate subjective evaluational components"².

Cliff Goddard,

"Semantic Analysis: A Practical Introduction"

[Goddard, 2011]

Известно, что язык «не любит» полных синонимов. Однако оценочные слова, как кажется, не подчиняются этой тенденции. Например, по-русски мы можем назвать понравившийся нам спектакль *отличным, пре-*

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 14-06-00343а. Автор с удовольствием выражает благодарность Екатерине Владимировне Рахилиной и Ирине Михайловне Кобозевой, под чутким руководством которых оно было проведено.

² «Люди – создания, которым свойственно все оценивать, и потому вполне естественно, что многие слова имеют встроенные компоненты значения субъективной оценки» (Перевод наш. – Д.Р.).

красным, фантастическим, блестящим, чудесным, невероятным, просто хорошим или даже нереальным и сумасшедшим, а вызвавший у нас негативные эмоции фильм – ужасным, жутким, отвратительным, безобразным или просто плохим, причем перечень оценочных прилагательных на этом не будет исчерпан³. Наличие в языке такого большого количества слов, выражающих практически одно и то же значение, по видимому, связано с тем, что естественный человеческий язык, помимо коммуникативной функции, выполняет также и функцию экспрессивную. Потребность в экспрессивности не позволяет слишком долго употреблять в оценочном значении один и тот же знак, не дополняя и не заменяя его другими⁴.

С другой стороны, при выборе оценочного слова носитель языка руководствуется стремлением не только подобрать выразительное средство, но и быть понятым. Именно поэтому он не изобретает новую лексему, а использует в оценочном значении слово, которое существует в данном языке, но обычно не выполняет подобных функций. Причем лексема для этих целей выбирается не любая, а лишь та, семантика которой допускает такую интерпретацию.

Каким должно быть исходное значение лексемы, чтобы у нее был шанс когда-нибудь превратиться в оценочную, и как происходит сам процесс «превращения», мы и рассмотрим в настоящей статье.

1. Оценочная конструкция

Процесс формирования оценочных значений мы проследим на примере одной из основных форм их выражения – атрибутивной оценочной конструкции вида *X-ый Y*, где в качестве переменной *X* выступают прилагательные со значением оценки, а слот *Y* заполняют определяемые существительные – оцениваемые объекты (ср. *хороший мальчик, ужасная погода*). Анализ будет проводиться в рамках теории Грамматики Конструкций (см., например, [Goldberg, 1995]), т. е. мы будем исходить из предположения, что:

А) за конструкцией *X-ый Y* закреплена собственная (оценочная) семантика;

³ Таким образом, в рамках данной работы мы называем оценочными только прилагательные, обозначающие качественную оценку по шкале ‘хороший’ – ‘плохой’.

⁴ Ср. в этой связи высказывание Анри Фрея: «Здесь мы видим то, что можно назвать законом износа: чем чаще знак употребляется, тем более стираются впечатления, прикрепленные к его форме и его значению» [Фрей, 2006: 216].

Б) на переменные X и Y накладываются определенные ограничения;

В) от семантики существительных, заполняющих переменные, в свою очередь зависит результирующее значение всей конструкции.

Под формированием оценочного значения мы будем подразумевать те условия, при которых исходно нейтральная признаковая лексема может выступать в качестве переменной X: какой семантический сдвиг она претерпевает, чтобы встроиться в оценочную конструкцию, какие ограничения накладывает на переменную Y и каким будет результирующее значение словосочетания.

2. Способы заполнения переменной X

Чтобы выявить правила заполнения переменной X, мы провели сплошной анализ 300 признаковых лексем – наиболее частотных (по словарю [Ляшевская, Шаров, 2009]) русских качественных прилагательных⁵.

Все рассмотренные нами прилагательные можно условно разделить на три группы:

Исходно оценочные слова, для попадания в оценочную конструкцию не нуждающиеся ни в какой семантической перестройке (*хороший, плохой, добрый, вежливый* и т. п.).

Исходно нейтральные физические признаки (*жесткий, острый, скользкий...*).

Исходно нейтральные абстрактные признаки (*волшебный, ужасный, оригинальный, шикарный...*).

Рассмотрим последовательно каждый из этих типов.

2.1. Исходно оценочная лексика

Сказать достоверно, является ли лексема оценочной изначально или же она приобрела соответствующее значение в ходе семантической эволюции, не всегда просто. Например, признаковая лексема *нормальный* обладает прозрачной внутренней формой, позволяющей предположить, что значение оценки было для этого слова исходным. Однако большинство прилагательных устроены иначе: либо есть основания предполагать их семантическую производность (ср., например, довольно прозрачную связь признаковых слов *приятный* и *неприятный* с глаголами *взять, принять*), либо их этимология до конца не ясна (ср. *хороший, плохой*). Таким

⁵ Изначально качественных (*тонкий, мягкий, красивый, сильный*) или переходящих в класс качественных в процессе семантической деривации (ср. *волшебная палочка* vs. *волшебный отпуск*).

образом, исходно оценочными мы называем лексемы достаточно условно: они исходно оценочны на синхронном уровне. В тех же случаях, когда первое, неоценочное значение лексемы устарело, но еще не утратилось полностью, мы считали ее семантически производной и, соответственно, изучали на предмет следования той или иной модели формирования оценочной семантики (ср. *дивный, чудный, противный, совершенный*).

Исходно оценочные на синхронном уровне лексемы можно также разделить на две основные группы, которые удобно рассматривать отдельно:

Собственно оценочные прилагательные (*хороший, плохой, нормальный*);

Прилагательные, включающие оценочный компонент, не являющийся единственным в толковании (*легкомысленный, умный*).

2.1.1. Собственно оценочные прилагательные

В эту группу попадают три основные оценочные лексемы русского языка: *хороший, плохой, нормальный*. Они характеризуются очень широкой сочетаемостью, однако и для них существуют ограничения на переносную У нашей конструкции.

Эти ограничения связаны с самой природой оценочных значений. Оценка, как правило, функциональна, т. е. в ее сферу действия могут попадать только те объекты, которые так или иначе связаны с деятельностью человека и наделены определенными функциями, причем оцениваться они будут именно с точки зрения того, насколько хорошо они эти функции выполняют; см., например, [Вендлер, 1981; Арутюнова, 1988; Вольф, 1985].

Основной класс существительных, обозначающих предметы, не имеющие определенной функции, и, как следствие, почти не сочетающихся с оценочными прилагательными, – названия природных объектов. В НКРЯ почти нет примеров на такие сочетания, как *хорошая река, хорошая кошка* или *хороший закат*. Исключение составляют обозначения некоторых домашних животных – именно потому, что эти животные напрямую связаны с деятельностью человека и призваны выполнять особые задачи, ср.:

(1) *Почти у всех были хорошие лошади, втянувшиеся в бесконечные переходы и без труда делавшие пробеги по сотне верст в день.* (М.А. Шолохов. «Тихий Дон», кн. 4, 1928–1940).

Замечательно, что другие наименования природных объектов могут встроиться в оценочную конструкцию только в тех случаях, когда им ок-

казионально приписываются те или иные функции. Так, в примере 2 гора рассматривается как место, где можно покататься на лыжах или на сноуборде, и для этих целей она может быть более или менее подходящей.

(2) Из плюсов: *хорошая гора, с погодой (в целом) повезло, жили рядом с подъемником, инфраструктура, народ адекватный (по большей части), добираться из Москвы удобно* (пример из Яндексa: <http://www.ski.ru/az/blogs/post/roza-khutor-novogodnie-prazdniki-2015>).

2.1.2 Оценочный компонент, не являющийся единственным в толковании

Этот класс прилагательных в нашей выборке очень многочисленный, его составляют несколько типов лексем:

1. Качества человека (*опытный, любезный, верный, властный, ленивый* и др.).
2. Признаки, описывающие эмоциональное состояние человека (*веселый, печальный* и др.).
3. Признаки, описывающие объекты с точки зрения того, какие эмоции они вызывают (*смешной, скучный, интересный*).
4. Свойство коллектива (*дружный*).

Заметим, что все лексемы из этого класса обозначают признаки, относящиеся к человеку и его эмоциональному состоянию, и накладывают соответствующие ограничения на переменную Y оценочной конструкции. Это объясняется антропоцентричностью естественного языка. Если у других объектов внешнего мира можно, как правило, выделить основное свойство или функцию, которые и попадают в сферу действия оценочности (*хорошая удочка* – такая, которой удобно ловить рыбу; *хорошая лошадь* – выносливая, такая, на которой можно быстро и далеко уехать или много распахать и т. п.), то для описания человека необходима более сложная система оценочных признаков⁶.

Другое интересное проявление антропоцентричности заключается в том, что, судя по нашим языковым данным, человек оказывается предметом оценки практически всегда: все прилагательные, описывающие те или иные свойства характера или эмоционального состояния, имеют если не словарно закрепленный оценочный компонент, то, по крайней

⁶ Обратим внимание, что слова, обозначающие человека по роду его деятельности, т. е. выделяющие одну конкретную его функцию, очень хорошо сочетаются с общими оценочными прилагательными, ср.: *хороший пианист, плохой помощник*.

мере, устойчивую оценочную коннотацию. Даже те прилагательные, которые описывают более или менее объективные свойства человека, характеризуются, как правило, оценочной окрашенностью. Например, лексема *одинокий* обозначает объективный признак (*одинокий человек* – тот, который живет один и не имеет близких родственников или друзей), однако в русской языковой картине мира это качество имеет ярко выраженный отрицательный оттенок и фактически приравнивается к негативно окрашенным эмоциональным состояниям.

Зачастую оценочными оказываются даже слова, описывающие физические свойства человека. Ср., например, пару лексем *худой* – *стройный*: грубо говоря, они обозначают один и тот же признак, однако первое прилагательное представляет его в отрицательном свете, а второе – в положительном⁷.

2.2. Объективные физические признаки

В этом разделе мы рассмотрим качественные прилагательные, обозначающие физические свойства предметов (*твердый, острый, резкий, высокий, глубокий, густой, жидкий, гладкий, горячий* и под.). Такие лексемы составляют примерно треть нашей выборки. Оценочный компонент не встроен в них изначально, так как они призваны описывать объективные, наблюдаемые свойства окружающего мира (ср. пример 3).

(3) *Теперь стали понимать, что и взрослому, и ребенку полезно спать на жестком.* (Светлана Турская. «Ночь идет на мягких лапах... и несет беду» // Здоровье. 1997.12.15)

Каждый из этих признаков подразумевает сложную семантическую структуру. Реальную, физическую ситуацию, которую человек воспринимает посредством органов чувств, можно изучить (и описать) наибо-

⁷ Тенденция приписывать человеку ту или иную оценку, но при этом не общую, а более точную и конкретную, настолько сильна, что даже общие оценочные прилагательные, попадая в конструкцию, где слот У занимает существительное, обозначающее человека, могут сужать, специфицировать свое значение. В русском языке по такой схеме развивались прилагательные *добрый, злой, худой*. Известно, что все они в некоторый момент своей семантической эволюции обладали самым общим оценочным значением, как прилагательные *хороший* и *плохой* (ср. *добрый конь*), однако в современном русском языке эти прилагательные имеют более специальные значения, лишь в большей или меньшей степени сохраняя оценочный компонент: прилагательные *добрый* и *злой* зафиксировали за собой обозначение человека с точки зрения его душевных качеств, а лексема *худой* – с точки зрения его внешнего вида.

лее детально, так как она оказывается самой доступной, понятной и жизненно важной. Наглядность и понятность этих признаков позволяет использовать их в качестве основного средства осмысления и описания более абстрактных, ненаблюдаемых явлений, поэтому они очень легко вступают в процесс метафоризации.

В свою очередь, метафора по природе своей субъективна, поскольку подразумевает сравнение одной ситуации с другой (см. [Кустова, 2011]), так что и подвергающийся метафоризации физический признак может потерять свою объективность и приобрести оценочный компонент.

Однако не любое метафорическое расширение значения лексемы сопровождается приобретением оценочной окраски, ср. такие диаметрально противоположные по своей оценочной окрашенности пары, как *высокая преступность* и *высокая нравственность*, *высокий урожай* и *высокая смертность*, где за положительное или отрицательное прочтение отвечает не прилагательное, а существительное.

Оказывается, что появление оценочного компонента зависит от области-цели, т. е. от заполнения переменной *Y* нашей атрибутивной конструкции: некоторые абстрактные понятия всегда **требуют** добавления оттенка оценочности к метафоризируемому признаку. В полном соответствии с закономерностью, выведенной нами в разделе 2.1.2, именно так ведут себя понятия, напрямую связанные с человеком: ум, кругозор, душа, характер, настроение, мысли, чувства, слова, взаимоотношения, жизнь. Ср.:

(4) *Он сделает то, что свойственно его **низкому характеру*** (Л.Н. Толстой. «Анна Каренина», 1878).

(5) *Это большая редкость: финансисты и режиссеры после выхода фильма нередко остаются в **прохладных отношениях*** (Алла Сурикова. «Любовь со второго взгляда», 2001).

(6) *Шеф ненавидит **громкие слова** и очень тонко чувствует фальшь, но сейчас он сам сфальшивил и поэтому злится* (Василий Аксенов. «Звездный билет» // Юность. 1961).

(7) ***Высокие помыслы** и идеалы разбиваются о быт в прямом смысле этого слова* (Владимир Губарев, Геннадий Месяц. «Академик Геннадий Месяц: интеллект в России по-прежнему надо защищать!» // Наука и жизнь. 2006).

2.3. Исходно нейтральные абстрактные признаки

Абстрактные признаки устроены значительно проще физических: они не подразумевают никакой воспринимаемой органами чувств ситуации.

Но и не участвуют в метафоризации. Именно такие прилагательные мы рассмотрим в этом разделе.

Не обладая достаточно сложной и наглядной структурой, которая позволяла бы этим признакам становиться источниками метафор, они тем не менее способны развивать переносные значения, хотя и другим способом: с помощью механизма имплицатуры, или ребрендинга (см. [Рахилина и др., 2010], [Рахилина и др., 2009]).

Рассмотрим принцип работы этого механизма на примере прилагательного *острый*, которое в одном из своих значений может модифицировать такие существительные, как *ненависть*, *ревность*, *зависть*, ср.:

(8) ...*снова издевательски обращается он ко мне с интонацией такой острой ненависти, точно я убила его ребенка или подожгла его дом.* (Е.С. Гинзбург. «Крутой маршрут», ч. 1, 1967).

Значение прилагательного *острый* в таких контекстах не может рассматриваться как образованное с помощью метонимии от исходного ‘имеющий хорошо колющий конец или хорошо режущий край’⁸, так как в данном случае мы явно наблюдаем выход за рамки таксономического класса (домена, фрейма). Однако и метафорой этот переход назвать невозможно: мы не можем сказать, что в данном случае ненависть просто уподобляется острому ножу или копьё, так как в словосочетании *острая ненависть* прилагательное *острый* приобретает совсем новый компонент значения – ‘сильный, интенсивный’, при этом исходная семантика ‘режущий, колющий’ почти полностью стирается. Именно такие переходы, при которых исходное значение почти исчезает, а результирующее является одним из общих, почти грамматических значений из закрытого списка (высокая / низкая степень, большой / малый размер, большое / малое количество и некоторые другие), мы и называем, вслед за Е.В. Рахилиной, ребрендингом. Заметим, что в основе механизма ребрендинга лежит имплицатура: ненависть напоминает остро отточенный нож => ненависть сильная.

Абстрактным признакам с более простой семантической структурой, чем у физического свойства ‘острый’, еще проще «расставаться» с исходной семантикой, а значение положительной / отрицательной оценки, имея минимальные ограничения на объекты, к которым оно может быть применимо, как раз подходит под определение «почти грамматического».

Однако, конечно, не любой абстрактный признак способен стать посылкой для оценочной имплицатуры. Наш материал частотной русской

⁸ Толкование взято из Малого академического словаря русского языка (МАС).

признаковой лексики показывает, что для образования положительной и отрицательной оценки есть несколько основных моделей:

1. 'относящийся к нереальному миру' => 'хороший' (*волшебная палочка => волшебный отпуск, сказочные герои => сказочный ужин*);
2. 'выделяющийся из общего ряда' => 'хороший' (*отличный от других => отличный фильм, выдающаяся вперед челюсть => выдающийся деятель культуры, исключительный случай => исключительный человек и др.*);
3. 'соответствующий норме' => 'хороший' (*приличный случаю => приличное исполнение*);
4. 'наводящий ужас, пугающий' => 'плохой' (*страшный фильм => страшное платье, жуткий рассказ => жуткий отпуск*)⁹.

Заполнение переменной Y

В разделе 2.1.1 мы обсудили, что собственно оценочные прилагательные *хороший, плохой, нормальный* накладывают слабые ограничения на заполнение переменной Y и сочетаются с широким кругом существительных. Лексемы, подвергающиеся оценочной имплицатуре, в результате попадают в эту же группу оценочных слов, однако оказывается, что этот процесс происходит постепенно: прилагательное медленно расширяет сочетаемость, приобретая способность модифицировать все новые и новые классы предметной лексики. Более того, наш материал показывает, что в сферу действия нового оценочного прилагательного существительные вовлекаются не хаотично, а в определенном порядке.

Рассмотрим в качестве иллюстрации группу лексем *божественный, волшебный, сказочный, чудесный, фантастический, невероятный*. Все они формируют значение положительной оценки по модели 'относящийся к нереальному миру' => 'хороший', однако находятся на разных стадиях развития нового значения.

Меньше всего на данный момент вовлечено в процесс формирования оценочного значения прилагательное *волшебный*: оно приобретает семантику '(очень) хороший' только в сочетании с существительными, обозначающими времяпрепровождение (*отдых, отпуск, день*), результаты творческой деятельности человека (*фильм, картина, песня, исполне-*

⁹ Подробный анализ каждой из моделей, а также разбор случаев отступления от этих схем см. в статье [Карпова и др., 2011], а также в дипломной работе [Рыжова, 2012].

ние, голос и т. п.), различные украшения (*серьги, шляпка, платье...*), а также характер человека или домашнего животного¹⁰:

(9) *Боже, какие это были волшебные дни в Беркли!* (Василий Аксенов. «Новый сладостный стиль», 2005).

(10) *Хоть внешнеюстью она и не отличалась, у нее был просто волшебный характер, самая веселая девчонка в классе, шутница, «приколистка», очень оригинальная...* (<http://www.woman.ru/kids/teens/thread/3918967/>).

На следующей стадии находятся лексемы *сказочный* и *божественный*. Покрывая все те же контексты, что и *волшебный*, они могут оценивать еще один класс объектов: людей по роду их деятельности (т. е. по качеству выполняемой ими «основной функции»). Ср.:

(11) *Порой мне кажется, что из Иззи получился бы сказочный адвокат* (<http://www.litlib.net/bk/26636/read/14>).

Еще дальше продвинулись прилагательные *фантастический* и *невероятный*: они оба способны модифицировать существительные, обозначающие функциональные системы людей и животных (например, *зрение*), а лексема *невероятный* – еще и наименования инструментов, транспортных средств и других артефактов, предназначенных не только для украшения своих обладателей¹¹:

(12) *Фантастическое зрение, летит и видит рыбку в мутной воде озера, а потом стремительно кидается вниз в воду за ней* (http://www.liveinternet.ru/users/sforza_mcintosh/post225432543/).

(13) *Дорого дал бы Гитлер за его голову, создавшую русским невероятный самолет, который неустрашимые арийцы прозвали «Черной смертью»* (Феликс Чуев. «Ильюшин», 1998).

Наконец, прилагательное *чудесный* почти полностью перешло в класс оценочных лексем: его связь с *чудесами* еще ощущается носителями, но в прямом значении оно употребляется крайне редко (в основном в устойчивых выражениях, ср. *чудесное превращение*). Напротив, в значении положительной оценки оно уже обладает столь же широкой сочетаемостью, что и прилагательные *хороший, плохой, нормальный*, и способно модифицировать даже наименования природных объектов, «навязывая» этим

¹⁰ Иными словами, прилагательное *волшебный* способно выражать гедонистическую, эстетическую или этическую оценку (в терминах Н.Д. Арутюновой, см. [Арутюнова, 1988]).

¹¹ Т. е. прилагательные *фантастический* и *невероятный* выражают оценку не только гедонистическую, эстетическую и этическую, но и утилитарную.

объектам ту или иную функцию. Ср. пример 14, где река рассматривается как место для отдыха:

(14) *В общем, Нил – чудесная река, совершая круиз по которой, невозможно остаться равнодушным* (<http://monefon.narod.ru/Nile.htm>).

Аналогичный путь проходят все попавшие в нашу выборку абстрактные признаки, формирующие значение положительной или отрицательной оценки. Сначала они начинают употребляться в сочетании с предметными словами, обозначающими произведения искусства: *фильм, спектакль, картина* и т. п. (а также непосредственно связанные с ними *концерт, выступление, исполнение*) и другие результаты творческой деятельности человека (например, приготовленное блюдо). И это происходит не случайно: произведения искусства как раз и создаются для того, чтобы производить впечатление, и самой естественной их характеристикой является оценочная ('понравилось' – 'не понравилось').

К классу произведений искусства примыкают существительные, обозначающие различные украшения человека (*прическа, серьги, бусы, платье* и т. п.): они тоже создаются в первую очередь для того, чтобы их оценили. Предметы одежды, предназначенные только для удобства (выполняющие, например, исключительно функцию обогрева того, кто их носит, как *телогрейка* или *шапка*), начинают употребляться в оценочной конструкции значительно позже.

Также одними из первых на место переменной Y начинают попадать слова, обозначающие временные промежутки и способы времяпрепровождения, причем праздного, т. е. также нацеленного на получение удовольствия и впечатлений (*отпуск, поездка, отдых*).

Позже всего в сферу действия новых оценочных прилагательных вовлекаются существительные, обозначающие функциональные системы человека (*зрение, слух, память*), артефакты (*ножи, шкафы, ручки*) и природные объекты (*гора, река*).

Выше (в разделе 2.1.1) мы говорили о том, что основные качественные прилагательные со значением положительной или отрицательной оценки ориентированы на функциональность, т. е. оценивают предмет с точки зрения соответствия закреплённой за ним функции. Однако среди выделенных нами контекстов, с которых признаковая лексема только начинает интегрироваться в класс оценочных, нет ни одного, напрямую связанного с функциональностью. По-видимому, прилагательные, только формирующие оценочное значение, начинают свою семантическую эволюцию с освоения предметных слов, подразумевающих оценку с точ-

ки зрения производимого впечатления (произведения искусства, путешествия, украшения), и выражают эстетическую, этическую и гедонистическую оценку. И лишь затем в сферу действия оценочного слова попадают также и артефакты, подразумевающие оценку в первую очередь с точки зрения функции (утилитарную или телеологическую), а уже утвердившаяся в языке оценочная лексема закрепляет за собой именно ориентацию на функциональность. Такой ход развития оценочного значения кажется очень естественным: выражение впечатления подразумевает яркость и экспрессивность, а значит, именно такие контексты требуют более частой замены одних лексем на другие, причем ставшие привычными слова либо совсем исчезают (выходят из моды), либо закрепляются в языке и начинают обслуживать преимущественно функциональную сферу.

3. Заключение

Процесс формирования оценочных значений охватывает очень большой пласт признаковой лексики. Мы изучили работу этого механизма на основе конструкции *Х-ый Y*, где *X* – прилагательное, а *Y* – существительное. Мы обнаружили, что переменные этой конструкции сильно взаимосвязаны, и заполнение одной из них всегда влияет на особенности другой, а также и на характер оценочного значения сочетания в целом.

Можно условно выделить два типа оценочных конструкций:

1. подразумевающие только оценку по шкале ‘хороший – плохой’, без каких-либо других семантических компонентов в толковании (собственно оценочные);
2. включающие оценочное значение на уровне компонента, не являющегося в толковании ни единственным, ни основным.

У каждого типа – свое общее значение и свои ограничения на переменные.

Собственно оценочные конструкции

Их основное значение – функциональная оценка объектов и явлений, так или иначе используемых человеком. Отсюда и специфика ограничений на переменную *Y*: лучше всего для заполнения этого слота подходят существительные, обозначающие объекты, за которыми четко закреплены те или иные функции (*адвокат, учитель; нож, машина; лошадь, корова*).

«Эталонные» средства заполнения переменной *X* – прилагательные *хороший, плохой, нормальный*. Признаковые лексемы с другими исход-

ными значениями могут встраиваться в эту конструкцию при условии соблюдения следующих требований:

1. исходно они обозначают нейтральные абстрактные признаки особых типов ('относящийся к нереальному миру', 'выделяющийся из общего ряда', 'соответствующий норме', 'наводящий ужас, пугающий');
2. для попадания в оценочную конструкцию они претерпевают имплицативный семантический сдвиг (ребрендинг).

Прежде чем сформировать значение функциональной оценки, прилагательное проходит промежуточную стадию оценки полученного впечатления. Иными словами, сначала прилагательное приобретает способность модифицировать наименования объектов, основное предназначение которых – доставлять удовольствие, т. е. объектов, получающих в первую очередь гедонистическую или эстетическую оценку (*фильм, бусы, отпущ*), и лишь затем – существительные, обозначающие объекты с другими, семантически более сложными функциями¹², получающие инструментальную, техническую, утилитарную, телеологическую и другие виды частной оценки (см. [Арутюнова, 1988: 66]).

Конструкции с оценочным компонентом

Значение таких конструкций – описание того или иного качества или эмоционального состояния человека. Как показывает наше исследование, почти все такие признаки характеризуются оценочной окраской. Слот Y в такой конструкции способны заполнять существительные, обозначающие людей (*женщина, мужчина, мальчик*), их характеры, мысли, чувства, взаимоотношения и т. п.

В эту структуру в качестве переменной X способны встраиваться прилагательные, исходно обозначающие физические свойства предметов: будучи употребленными в сочетании с соответствующими существительными, передающими недоступный органам чувств абстрактный

¹² Интересно, что в случае переноса имплицативного типа исходное значение признаковой лексики постепенно утрачивается, уступая место оценочной семантике (ср., например, *дивный, чудный*). Эта закономерность объясняется особенностями имплицативного механизма: в отличие от метафоры или метонимии, он не подразумевает смену сочетаемости, ср. *удивительный/дивный человек* – 'человек, вызывающий удивление' vs. *дивный человек* – 'хороший человек'. В течение некоторого времени два значения сосуществуют, но, так как подобная омонимия неудобна и в целом для языка нехарактерна, одно значение постепенно полностью вытесняет другое.

внутренний мир человека, они претерпевают метафорический сдвиг и приобретают оценочный семантический компонент.

Таким образом, мы продемонстрировали, что закономерности формирования оценочного значения у признаков лексем связаны как с их исходной семантикой, так и с общей семантикой конструкции, в которую они встраиваются, и с особенностями заполнения второй ее переменной (Y). Значение конструкции поддерживается семантикой обеих своих составляющих. Так, если слот Y заполнен существительным, тяготеющим к употреблению в одном из типов оценочных конструкций (например, *мысль*, *ум* или *фильм*, *отпуск*), то прилагательное, попавшее на место переменной X, вынуждено менять свое значение на оценочное. И наоборот, если в качестве переменной X выступает лексема с сильным значением положительной или отрицательной оценки (*плохой*, *жуткий*, *хороший*, *чудесный*), то под него подстраивается и переменная Y (например, природные объекты окказионально наделяются той или иной функцией).

Безусловно, все выведенные нами закономерности нуждаются в проверке: в первую очередь, на типологическую релевантность.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Вендлер З. О слове *good* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Карпова О.С., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.) / Отв. ред. А. Е. Кибрик. Вып. 10. М., 2011. С. 292–304.
- Кустова Г.И. Оценка как универсальная категория и типы оценочных значений прилагательных // Материалы конференции «Проблемы лексико-семантической типологии (ВГУ, 8–9 октября 2010 г.)». Воронеж, 2011. С. 246–253.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

Рахилина Е.В., Карпова О.С., Резникова Т.И. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009.

Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Карпова О.С. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций / Ред. Е.В. Рахилина. М., 2010.

Рыжова Д.А. Формирование оценочных значений на базе признаковой лексики: Дипломная работа. М., 2012.

Фрей А. Потребность в экспрессивности // Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006. С. 216–273.

Goddard C. Semantic Analysis: A Practical Introduction. 2nd ed. Oxford University Press, 2011.

Goldberg A. Constructions. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago; London, 1995.

Сведения об авторе: *Рыжова Дарья Александровна*, аспирант Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: daria.ryzhova@mail.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Федотов А. Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Tartu: University of Tartu Press, 2016. 178 с. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis. 35).

Рецензируемая книга защищена в 2016 г. в Тартуском университете (Эстония) как докторская (PhD) диссертация, но фактически представляет собой полноценную монографию, почти лишенную ритуальной диссертационной риторики. Рассматривая ключевые эпизоды из истории «Репертуара и пантеона», единственного специализированного театрального журнала 1840-х гг., выходившего под разными названиями с 1839 по 1856 г., А.С. Федотов ставит перед собой более амбициозные задачи – проблематизировать природу театрального журнала и его коммерческую составляющую, описать взаимодействие литературного, журнального и театрального «полей», показать, как журнал влиял на культурную жизнь эпохи, прояснить «темные» эпизоды истории участия Н.А. Полевого и А.А. Григорьева в издании. Автор при этом подчеркивает, что его работа не является связной историей ни журнала, ни его театральной критики (с. 25), и определяет свое исследование, скорее, как проблемное изучение коммерческого и культурного феномена. Такая концепция представляется убедительной, поскольку позволяет уйти от традиционного дескриптивного нарратива и предложить читателю исследование, в котором акцент явно смещается с описания на объяснение. Это не может не вызывать одобрения, поскольку в современных российских исследованиях журналистики и критики XIX в. явно не хватает моделей, которые бы не только органично встраивались в культурную историю, но и объясняли бы феномены, процессы и закономерности.

В каждой главе (а их пять) А.С. Федотов ставит проблему, как правило, выходящую за пределы только его темы, и пытается ее решить на материале журнала «Репертуар и пантеон», однако по мере чтения становится очевидно, что описываемые процессы и проблемы значимы не только для исследуемого издания, но с точки зрения журналистики и критики XIX в. вообще. Прежде чем очертить круг этих проблем и предложенных решений, позволим себе сказать пару слов о методологии исследования.

Введение работы не содержит каких-либо специальных разделов, эксплицирующих методологию автора, хотя в «защитной речи» в Тартуском университете речь об этом шла. Конечно же, из концептуального введения методологические ориентиры вычитываются (новая экономическая критика, институциональная история литературы, театра и журналистики, социология литературного поля П. Бурдьё и другие, более традиционные историко-литературные подходы к анализу текста и литературного быта), однако, как кажется, книга только выиграла бы, если бы читатель получил ясное представление об этой стороне исследования и тем самым увидел его связь с целым рядом зарубежных работ, на которые есть ссылки в тексте¹. Кроме того, возможно, общему замыслу работы не повредил бы и хотя бы краткий обзор того, как современные западные исследователи работают с тем же материалом театральной журналистики разных национальных традиций (в библиографии и сносах содержится много ссылок на такие работы).

В первой главе, на основе архивных документов, запутанная и полная темных мест история запуска и первых лет существования журналов «Репертуар русского театра» (издатель И.П. Песоцкий) и «Пантеон русского и всех европейских театров» (издатель В. Поляков, редактор Ф. Кони), слившихся в 1842 г. в один, описывается на пересечении трех аспектов — исследования русских и европейских образцов, на которые опирались издатели, конкуренции разных издательских форматов (журнала, репертуарного сборника и театральной газеты) и цензурных ограничений того времени. Федотов убедительно показывает, что форма «толстого» журнала в сознании участников литературного и театрального процесса 1840-х гг. не воспринималась как наиболее адекватная насущным задачам театральной критики, главная цель которой заключалась в максимально быстрой реакции на интенсивную сценическую жизнь обеих столиц. Выходящая регулярно театральная газета была более подходящим форматом для рецензирования спектаклей, но не позволяла печатать пьесы и водевили, отчего Песоцкому и его сотрудникам пришлось поначалу экспериментировать с составом и формой журнала, пока они не нашли приемлемый формат. Эти эксперименты привлекали пристальное внимание цензуры, из-за запрета которой открывать новые периодические издания издателям «Репертуара» приходилось лавиро-

¹ Автор мог бы возразить, что в начале каждой главы он эксплицирует использованную методологию. Тем не менее вводный раздел о ней только усилил бы звучание этих пояснительных фрагментов.

вать, поскольку формально «Репертуар» и «Пантеон» были репертуарными сборниками (а фактически – журналами).

Вторая глава работы описывает конкуренцию двух сосуществовавших до 1842 г. театральных журналов в контексте устройства театральной жизни эпохи и финансовой подоплеку самого процесса издания. Как показывает Федотов, полемика между «Репертуаром» и «Пантеоном» в 1840–1841 гг. была обусловлена не принципиальными идеологическими или эстетическими разногласиями, а лишь борьбой за читательскую аудиторию, т. е. за экономический и символический капитал (с. 52). В итоге ни одному из журналов не удалось каким-то образом расслоить публику, что в конечном счете и привело к слиянию журналов. Именно в этой главе на первый план выходят особенности устройства театральной жизни тех лет (специфика спектаклей, оплаты труда актеров, бенефисная практика и т. д.), которые автор тонко учитывает, интерпретируя тактику журналов. Отмечая, что полемика между журналами носила характер «перебранки», автор справедливо предлагает рассматривать ее не в плоскости истории критики и полемики, но с точки зрения того, как была устроена рутинная издательская механика той эпохи, как журналы боролись за аудиторию и капитал. Случай конкуренции двух театральных журналов предельно обнажает эту проблему и позволяет использовать весь потенциал социологии литературы для точного описания подобных феноменов.

В третьей главе анализируется «водевильная война» «Репертуара» с «Пантеоном» в 1840–1841 гг., когда конкурирующие издания обменялись полемически заостренными водевилями, в одном из которых («Петербургских квартирах» Ф.А. Кони), как устанавливает Федотов, осмеивался отец-основатель «Репертуара» И.П. Песоцкий, выведенный под фамилией Присыпочка. Такой ракурс позволяет автору описывать еще один аспект журнально-театрально-литературной жизни 1840-х гг. – памфлетный характер водевиля и использование сцены для сведения литературных счетов. Автор резонно отмечает, что эта сторона театрального быта 1840-х гг. недостаточно исследована, однако, на наш взгляд, немного утрирует, утверждая, что это часто приводит к характерной исследовательской аберрации, согласно которой «журнал представляется подходящей площадкой для сведения литературных счетов, а театр – нет» (с. 77). Представляется, что речь идет лишь о литературоведческой аберрации, поскольку историки театра давно изучают театральную полемику не только начала XIX в., но и, скажем, его конца – времен возникновения

МХАТа, не говоря уже о театре 1900–1910-х гг. В целом в этой главе Федотов снова удачно фокусирует внимание не столько на сути водевильной полемики, сколько на ее прагматике: сам по себе обмен выпадами через водевили представляет мало интересного (разумеется, кроме мелких литературных фактов, годных для составления статей для словаря «Русские писатели»), но важен для лучшего понимания природы коммуникации между зрителем, актерами и драматургами в ту эпоху (с. 86).

В этой же главе Федотов реконструирует репутацию одного из самых заметных, но сейчас совершенно забытых деятелей журнала – И.П. Песоцкого. Сложность исследования в ситуации дефицита документальных сведений сказалась и в примечательном разночтении: год смерти Песоцкого на странице 21 указан как 1849, а на странице 86 – как 1848. Автор показывает, что вопреки устойчивой прижизненной репутации афериста Песоцкий был предприимчивым, но незадачливым издателем, вкладывавшим большие деньги в весьма рискованные журнальные проекты и в итоге на них разорившимся.

Если первые три главы акцентировали внимание на организационно-экономической стороне журнала, то главы четвертая и пятая переключают внимание на две крупные фигуры, сотрудничавшие с «Репертуаром», Н.А. Полевого и А.А. Григорьева. Эти главы, на наш взгляд, существенно раздвигают рамки исследования и могут привлечь внимание не только историков русской журналистики, критики и театра, но и русской драматургии, прозы и поэзии, поскольку предлагают объяснение важных коллизий в творческой судьбе двух известных писателей. Но и в этом случае Федотов подчиняет логику изложения центральной проблеме исследования: он задается вопросами, почему Полевой и Григорьев оказались именно в «Репертуаре», как совпали их творческие и прагматические устремления и как журнал мог повлиять на их творческие стратегии (с. 28).

Описывая печально известную траекторию Полевого как идеологическую трансформацию из «либерального» (принимая всю условность этого термина и частичную применимость к реалиям 1830-х гг.) издателя «Московского телеграфа» и яркого прозаика в сотрудника Булгарина, консерватора и слабого драматурга, Федотов предлагает усомниться в такой интерпретации и более взвешенно посмотреть на эволюцию взглядов Полевого между 1834 и 1840 гг. По мнению автора работы, идеологический разворот Полевого после 1834 г. (и сочинение патриотических пьес в духе разруганного им Н. Кукольника) следует считать скорее ис-

следовательским конструктом, нежели реальным положением дел. В рецензии на пьесу «Рука Всевышнего Отечество спасла» Полевой критиковал, по мнению Федотова, не столько патриотический запал драматурга, сколько «неверную» поэтику – склонность Кукольника к мелодраматическим эффектам (с. 106). Но почему же тогда, спрашивает автор, Полевой спустя несколько лет сам обращается к этому жанру и пишет пьесы типа «Параши-сибирячки»? Для ответа на этот вопрос Федотов обращается к выполненному Полевым малоизвестному переводу статьи А. Фреми «Критический вопрос о новейшей современной драме» («Сын Отечества», 1838): она повлияла на Полевого, определив его новые представления о задачах драматургии и природе театрального успеха. Федотов предполагает, что вслед за Фреми Полевой принял на себя роль «театрального работника» (не подсудного литературной критике), а не «литератора-драматурга» и руководствовался установкой апеллировать к усредненной театральной публике, стремясь к мгновенному эмоциональному воздействию на аудиторию. Такой эффект могла обеспечить лишь мелодрама (с. 110). Для доказательства гипотезы Федотов анализирует, во-первых, авторские комментарии Полевого к сборнику его драматических сочинений, в которых на первое, самое видное место были выдвинуты именно патриотические мелодрамы, а не серьезные драмы, одобрительную реакцию Булгарина и его союзников на продукцию Полевого, критику серьезных драм и перевода «Гамлета» со стороны Белинского и «Отечественных записок».

Соглашаясь с предложенной Федотовым новой интерпретацией эволюции Полевого-драматурга, укажем на некоторые дополнительные факты, которые также могут подтверждать эту версию. Прежде всего, сама фигура А. Фреми, к которой Полевой обращался в кризисный момент жизни, нуждается в комментарии чуть более развернутом, чем представлено в сноске на странице 108. Знание о том, какую эстетическую и идеологическую позицию Фреми занимал во французском театрально-литературном поле и почему Полевой выбрал именно эту статью «второстепенного» автора (был ли его статус таким в 1837 г., когда он печатал статью в «Revue de Paris?»), могло бы прояснить чуть больше в тактике самого переводчика и драматурга. Во-вторых, рассмотрение эстетических ориентиров Полевого можно было связать с идеологическим каркасом его мелодраматических пьес и заново описать эту конфигурацию с учетом нового понимания установок драматурга. Наконец, можно было обратиться и к статьям Полевого-критика начала 1830-х гг.

(в частности, к его статьям о В. Гюго, французской драматургии и пушкинском «Борисе Годунове»), в которых критик представал адептом французской ультраромантической драмы и, соответственно, мог ориентироваться в своих пьесах на какие-то ее приемы, роднящие ее с мелодрамой.

Последняя глава, посвященная сотрудничеству в «Репертуаре» А.А. Григорьева, не менее интересна и предлагает новую интерпретацию творческой «развилки», на которой оказался начинающий поэт в 1846 г. Анализируя цензурные притеснения «Репертуара» и его редактора В.С. Межевича в этом году, Федотов обнаружил, что статья Григорьева «Гамлет на одном провинциальном театре» содержала не только выпад против любимца Николая I и Булгарина В. Каратыгина, но и отрывок из запрещенной театральной цензурой статьи Межевича о шекспировской постановке. Этот эпизод свидетельствует о том, что с первых же шагов в критике Григорьев оказался втянутым в самую гущу театральной полемики.

По мнению Федотова, позиция Григорьева в какой-то степени совпала с положением Н.А. Некрасова в том же журнале пятью годами ранее. С одной стороны, Григорьев сдал в печать сборник стихотворений, подписанный его настоящим именем, а с другой – в 1845 г. начал публиковать автобиографическую прозу в «Репертуаре» под псевдонимом А. Трисмегистов. При этом с середины 1846 г. там же он печатал серьезные критические статьи о драме, сначала подписанные псевдонимом, но начиная со второй статьи – фамилией «Григорьев». Автор исследования полагает, что дистрибуция подписей в начале 1846 г. была обусловлена не столько творческой стратегией автора, сколько раскладом дел внутри редакции: Межевич, единолично ведавший всем, не был заинтересован в появлении еще одного критика с «именем» и не готов был поддерживать молодого сотрудника в этой роли. С уходом Межевича из журнала ситуация изменилась, и издатель Песоцкий, напротив, сделал ставку на Григорьева, который, очевидно, пересмотрел свою тактику и решил «вкладываться» в имя серьезного литературного критика, поскольку к этому времени стало ясно, что его поэтический сборник успеха иметь не будет.

Предложенное объяснение в целом выглядит непротиворечиво, однако, на наш взгляд, оно может быть дополнено и другими фактами. В отличие от Некрасова, издавшего дебютный сборник почти анонимно, подписавшись «Н.Н.», стратегия Григорьева была иной: сборник стихотворений 1846 г. был подписан полным именем, но в журналах на протяжении

1843–1846 гг. он использовал разные способы указания авторства: на страницах «Москвитянина» многие стихотворения печатались как раз под псевдонимом «Трисмегистов», а на страницах «Репертуара и пантеона» — «1.4»² (порядковый алфавитный номер букв, обозначающих его инициалы). Отсюда следует, что подписанный «Трисмегистовым» беллетристический цикл в журнале Песочного должен был отсылать читателя к москвитянинским стихам Григорьева. В то же время, сдавая в печать сборник, подписанный полным именем, Григорьев в конце 1845 г., т. е. еще до своего дебюта в роли «серьезного» критика, уже не боялся ответственности за имя «Григорьев» и, судя по всему, возлагал на эту роль большие надежды.

Кроме того, до сих пор нет исчерпывающего объяснения, как «играл» смыслами псевдоним «Трисмегистов», отсылающий одновременно и к масонской символике, и к роману Жорж Санд «Графиня Рудольштадт». Как известно, в романе под этим псевдонимом граф Альберт появляется при дворе Фридриха, в темных коридорах дворца которого Консуэло сталкивается с фигурой загадочного авантюриста Трисмегиста, чувствует его сходство с Альбертом, но не узнает его окончательно. Соблазнительно было бы предположить, что Григорьев, подписывая дилетантские статьи о Гамлете на провинциальной сцене этим псевдонимом, актуализировал в памяти читателей именно эти эпизоды из популярного в то время романа Санд, подчеркивая свое единство во всех обличьях и то, что читатель, в отличие от Консуэло, мог бы опознать его автора.

Заключение книги посвящено дальнейшей истории «Репертуара и пантеона», уже под редакцией Ф. Кони, в конце 1840-х – начале 1850-х гг., когда реформа журнала на рубеже 1851–1852 гг. привела к превращению его в сугубо литературный и этим ускорила его закрытие в 1856 г. Здесь напрашиваются более общие рассуждения о серьезном изменении в соотношении театральной журналистики, литературной критики и сценического репертуара в 1850-е гг. Федотов обсуждает это, показывая, как умирал театральный журнал «Репертуар» и появился в 1858 г. «Драматический сборник» (с 1860-го его редактировал Григорьев); можно было вовлечь в обсуждение и то, как в 1850-е гг. складывался более «оригинальный» репертуар (пьесы Тургенева, Островского, В.А. Соллогуба, А.А. Потехина и др.) и как этот процесс отражался в театральной крити-

² См. комментарии Б.Ф. Егорова в изд.: *Григорьев А.А.* Стихотворения. Поэмы. Драммы / Подг. текста, сост., вступ. статья и прим. Б.Ф. Егорова. СПб., 2001 (Новая библиотека поэта). С. 692–696.

ке. Примечательно, что ведущие драматурги-литераторы эпохи предпочитают печататься в крупнейших журналах – «Отечественных записках», «Москвитяине», «Современнике», а весьма плодотворные и репертуарные водевилисты чаще издают свои сочинения отдельными изданиями.

В заключение следует упомянуть, что книга Федотова содержит важные фактографические справочные материалы по истории «Репертуара и пантеона» (список названий и редакторов на с. 16; список постановок пьес, опубликованных в журнале в 1839 г., на с. 43–45), которые существенно облегчают работу любого исследователя, сталкивающегося с запутанной судьбой этого издания³. Попутно заметим, что одним из направлений дальнейшего исследования взаимодействия театральной журналистики и русской сцены могло бы стать изучение того, как публикуемые за весь период существования «Репертуара» пьесы доходили до постановки (а какие – нет), каков был жанровый репертуар этих пьес, каков был процент русских пьес среди них, были ли обратные случаи публикации пьесы в журнале после удачной постановки и т. п. Все это помогло бы более точно охарактеризовать роль журнала именно в театральной жизни столичных театров.

Сочетая фактографическую скрупулезность и проблематизацию материала, книга Федотова ставит новые задачи перед исследователями критики, журналистики, книгоиздания, театра, драматургии и литературы середины XIX в. Одна из самых насущных, на наш взгляд, заключается в написании культурной истории этого периода, покрывающей все указанные институты и представляющей их не в их обособленности, но в динамичном единстве и взаимопроникновении.

А.В.Вдовин

Сведения об авторе: *Вдовин Алексей Владимирович*, доцент школы филологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: avdovin@hse.ru.

³ Отдельно можно было бы поставить вопрос о создании росписи содержания «Репертуара и пантеона», однако в задачи рецензируемого исследования это явно не входило и не могло входить, поскольку представляет собой отдельную, сугубо прикладную задачу. Первый шаг для ее решения совсем недавно был сделан Санкт-Петербургской театральной библиотекой, оцифровавшей все номера журнала. Тексты доступны на сайте <http://ateatr.sptl.spb.ru/tp/>

Holá L. Česky krok za krokem 1. Praha: Akropolis, 2016. 204 s.

В Праге в издательстве Akropolis вышла переработанная и существенно обновленная первая часть (уровень A1–A2) учебника чешского языка для иностранцев Лиды Голой «New Czech Step by Step», занявшего в 2004 г. первое место в общегосударственном конкурсе учебников и учебных пособий и с тех пор многократно переиздававшегося. В 2016 г. была опубликована английская (исходная?) версия, а также версия русифицированная («Чешский шаг за шагом 1»), следующим же годом заявлен выход немецкой («Tschechisch Schritt für Schritt») и украинской («Чеська крок за кроком») версий.

Принципиальной особенностью учебника является его последовательно коммуникативный подход к изложению материала лексического, грамматического и лингвострановедческого, призванный развивать как рецептивные (аудирование и чтение), так и продуктивные (говорение и письмо) языковые компетенции.

При первом же знакомстве с учебником бросается в глаза его без преувеличения роскошное в графическом плане оформление. Например, в первом же уроке («Знакомство») на восьми страницах мы обнаружили 23 рисунка и 41 цветную фотографию. Такое же изобилие рисунков и фотоматериалов будет и на последующих страницах, причем в подборке этих фотографий можно усмотреть строгое следование принципам толерантности и политической корректности, так как там представлены люди самых разных возрастов, этнических и социальных типов (на с. 40 лексемы «сын» и «внук» иллюстрируются фотографиями работающих за ноутбуком детей лет шести, причем на «сына» с умилением смотрит закутанная в хиджаб молодая палестинка, а на «внука» – седой китаец; лексему «влюбляться / влюбиться» на с. 152 сопровождает будто спорхнувшая с картины Семирадского молодая итальянка в объятиях чернокожего красавца на фоне моря, неба и облаков; на с. 44 рядом с фотографией молодой благообразной дамы европейского типа с сумочкой мы видим фото обнаженного по пояс и покрытого татуировками юноши с серьгами в ушах, который бы вполне подошел для съемок фильма про якудзу и т.д.).

Не может идти речи и о какой бы то ни было дискриминации по гендерному признаку (на с. 15 из пятнадцати лексем, называющих наиболее важные профессии, восемь иллюстрируются фотографиями представителей прекрасного пола, среди которых есть и политик, и менеджер, и даже полицейский). При этом и сами фотографии, и люди на них действительно красивы даже тогда, когда ими иллюстрируется какое-нибудь не очень позитивное качество, ср. фотографии на с. 112 к лексемам «противный», «грубый, вульгарный», «злой, плохой».

В полной мере учтены современные тренды – например, в качестве домашних питомцев у героев учебника выступают не только собаки или хомячки, но также змеи и «черные мохнатые пауки» (с. 172); на с. 152, где приводится основная лексика тематического округа «отношения между людьми», на одном из первых мест расположена фотография, иллюстрирующая супружескую неверность; текст для обсуждения на с. 142 посвящен человеку, решившемуся подрабатывать «почасовым мужем» (200 крон за вызов + 250 крон в час), «самой тяжелой работой на свете» является отпуск по уходу за ребенком (с. 178) и т. д.

Лексический материал действительно подается «шаг за шагом» – маленькими и хорошо отмеренными порциями. Каждая из двадцати четырех лексических тем учебника включает в себя более дробные «главы», ср. перечисление заявленных в оглавлении тем (после арабской цифры) и «глав» (в скобках после соответствующей темы): 1. Seznamujeme se / Знакомство (Знакомимся. Произношение. Формальные и неформальные диалоги. Кто это? Чем он/а занимается? Числительные от 0 до 10. Контактные данные. Словарь: Профессия). 2. Kde je to? / Где? (Где это? Слева, справа, наверху, внизу. Мы пишем e-mail. Числительные от 10 до 1000. Словарь: Местонахождение). 3. Jídlo a pití / Еда и питье (Еда и питье. В ресторане. Приглашение на кофе. Словарь: Еда и питье). 4. Moje rodina / Моя семья (Моя семья. Семья Петра. Какой/какая/какое...? Числительные от 1000 до 10 000. Словарь: Семья). 4. Kdy je to? / Когда? (Когда это? Когда мы встретимся? Маринин день. Жаворонок или сова? Маринина неделя. Словарь: Планы на день). 5. Co jsi dneska dělal/a? (Что ты сегодня делал/а? Что ты сегодня делал/а? Где ты был/а? Когда это было? Вы знаете, кто это был? Словарь: Страны, национальности, языки). 6. Dům a byt / Дом и квартира (Дом и квартира. Обставляем дом или квартиру. Ищем жилье. Словарь: Мебель и обстановка). 7. Plánujeme víkend / Планируем выходные (Планируем выходные. Эва и пан профессор Хиггинс. Мои выходные. Словарь: Что мы делаем в свободное время). 9. Lidské tělo /

Тело человека (Тело человека. Как мы выглядим? У врача. В аптеке. Словарь: Тело человека). **10.** Místo, kde bydlíme / Место, где мы живем (Место, где мы живем. Эва идет с работы на работу. Приглашение в гости. Словарь: Магазины). **11.** Na dovolené / В отпуске (В отпуске. Путешествием. Проблемы в пути. Словарь: Что нам необходимо в путешествии). **12.** Tradiční svátky / Традиционные праздники (Традиционные праздники. Мы убираем. Какие у вас планы на праздники? Словарь: Домашние хлопоты). **13.** Výmluvy a přání / Извинения и пожелания (Извинения и пожелания. Что было бы, если бы... Ведем себя вежливо. Кто – какой? Каким он должен быть? Словарь: Характеристики и качества). **14.** Mluvíme o počasí / Поговорим о погоде (Поговорим о погоде. Хороший или хорошо? Кто самый красивый? Словарь: Погода). **15.** Technika a komunikace / Техника и общение (Техника и общение. Компьютер и интернет. Покупаем подарки. Приглашение на вечеринку. Словарь: Электроника, компьютер, интернет). **16.** Móda včera a dnes / Мода вчера и сегодня (Мода вчера и сегодня. Покупаем одежду. Я тебя люблю! Жду тебя... Словарь: Одежда). **17.** Stěhujeme se / Мы переезжаем (Мы переезжаем. Нам нужны рабочие. Услуги. Словарь: Ремесленники и услуги). **18.** Etapy života / Этапы жизни (Этапы жизни. Отношения между людьми. Говорим о жизни. Словарь: Отношения). **19.** Rodiče a děti / Родители и дети (Родители и дети. Что говорят детям родители? Петр! Люция! Марк! Словарь: Приказы и запреты). **20.** Vaříme a vážíme / Готовим и взвешиваем (Готовим и взвешиваем. Чье это? Как не соблюдать диету. Словарь: Готовим еду). **21.** Máme rádi zvířata / Мы любим животных (Мы любим животных. Иметь или не иметь? Вот в чем вопрос. В зоопарке. Любопытные факты о животных. Словарь: Животные). **22.** Mluvíme o práci / Поговорим о работе (Говорим о работе. Ищем работу. Собеседование. Общение на работе. Словарь: Работа). **23.** Kultura a my / Мы и культура (Культура и мы. Что одевают в театр? Куда за культурой? Интервью с писателем. Словарь: Культура). **24.** Česko krok za krokem / Чехия: шаг за шагом (Чехия: шаг за шагом. Памятники ЮНЕСКО. Где как говорят. Словарь: Строения и памятники).

Изучаемый лексический и лингвокультурный материал закрепляется стандартными упражнениями на выбор правильного ответа из предложенных вариантов или на заполнение лакун в текстах, причем иногда учащемуся предлагается проконтролировать сделанные вставки, прослушав аудиозапись (к учебнику прилагаются два CD-диска с материалами), упражнениями на соотнесение элементов из двух колонок и т. д.

Изданное отдельной брошюрой (продолжающей, впрочем, нумерацию основной части учебника) приложение содержит грамматические пояснения (с. 206–224), ключ к упражнениям (с. 224–231), распечатку аудиоряда прилагаемых к учебнику CD (с. 232–241) и чешско-русский словарь приблизительно на две с половиной тысячи слов (с. 242–255).

Определенные возражения способны вызвать разве что некоторые приводимые в учебнике русские эквиваленты к изучаемым чешским словам и выражениям. Так, вынесенное в оглавление слово «ремесленники» (в отличие от чешского *řemeslníci*) является историзмом, то есть звучит по-русски приблизительно так же, как по-чешски звучат слова *dráb* или *tovaryš*, вызывая ассоциации со школьными уроками о докапиталистических общественных формациях. Русское «дорогуша» (с. 219) используется для выражения не столько интимных чувств, сколько едкой иронии, так что больше подходит к чешскому *milej zlatej* (в ситуации фильма Kolja, где так обращается «злой» следователь к допрашиваемому интеллигенту), чем к чешскому *drahoušku*. О русских эквивалентах к чешским ругательствам лучше даже и не заговаривать, адресуя все возможные претензии непосредственно к тому носителю русского языка, кто консультировал автора.

Однако если с только зрения лексики учебник заслуживает самой высокой оценки, с грамматическим материалом ситуация сложнее.

С одной стороны, нельзя не оценить titанического труда автора, попытавшегося дать основные представления о грамматическом строе чешского языка с его четырнадцатью только основных типов субстантивного склонения человеку, который не имеет ни малейшего представления ни о падежах, ни о согласовании прилагательных и существительных по роду, ни о славянском виде, ни о различии «тыканья» и «выканья» (особенности формулировок некоторых грамматических пассажей однозначно указывают на первоначальную целевую аудиторию учебника – аудиторию англо-американскую), причем дать эти представления так, чтобы этой грамматикой студента слишком не утомить. Сразу отметим, что данная задача автору удалась блестяще. «Тыканье» и «выканье» было соотнесено с «формальным» и «неформальным» стилем общения, соотношение между глаголами совершенного и несовершенного видов было метафорически проиллюстрировано соотношением фотосъемки и киносъемки, употребление падежей было связано с употреблением тех или иных предлогов и т. д.

Более того, в учебнике нашла место даже информация об обиходном разговорном чешском койне (*obecná čeština*), а также о некоторых осо-

бенностях моравских диалектов, причем отдельной похвалы заслуживает то, что с нелитературными элементами студент знакомится не с самого начала (как в некоторых новомодных учебниках), а лишь тогда, когда они уже будут усвоены как дополнение к элементам литературным, как яркое стилистическое средство, а не вместо их.

Как отмечается на сайте издательства, «в данном учебнике используется оригинальная концепция новых образцов склонения, сформированных в предложения-модели, которые помогают в освоении чешской системы склонений» (<http://akropolis.info/kniha/1932/Cesky-krok-za-krokem-1--ruska->). Добавим, что речь идет об оригинальной концепции не только в области склонения, но и в области словоизменения вообще, а отчасти и в области словообразования, так что пользующему этим учебником преподавателю (а то и студенту, если он уже успел выучить что-то по более традиционным учебникам) порой приходится скрипеть зубами в бессильном протесте.

Например, на с. 65 приводится таблица «четырёх типов будущего времени», где, в частности, от глаголов *jít* ‘идти’, *jet* ‘ехать’ а *letět* ‘лететь’ постулируется образование форм типа *půjdu* ‘пойду’ и т. д., то есть перфективация рассматривается в рамках словоизменения, а не словообразования. Но главное не в этом, а в другом – в чешском языке, как и в русском, **два** типа будущего времени, а именно **будущее простое** у глаголов совершенного вида и **будущее сложное** у глаголов несовершенного вида. Как и в русском, для образования первого из них используется тот же набор окончаний, что и для образования настоящего времени (от глаголов несовершенного вида), второе же, опять же как и в русском, представляет собой сочетание инфинитива соответствующего глагола с формами глагола *být* / *быть*.

В указанной таблице вводится понятие «„коротких“ (обусловленных)» и «„длинных“ (необусловленных)» глаголов, подробнее с которых читателю предлагается ознакомиться на с. 90 и на с. 212.

На с. 90 мы читаем:

„*DLouhá*“ а „*krátká*“ *verba (slovesa) pohybu* • „Длинные“ и „короткие“ глаголы движения

Сравните глаголы в таблице:

„Длинные“ глаголы движения	„Короткие“ глаголы движения
<i>chodit</i>	<i>jít</i>
<i>jezdit</i>	<i>jet</i>
<i>létat</i>	<i>letět</i>

1. „Длинные“ (необусловленные) глаголы движения *chodit* ходить, *jezdit* ездить и *létat* летать выражают повторяющееся движение. Они часто используются со следующими выражениями: *často*, *vždycky*, *obvykle*, *někdy*, *málokdy*, *nikdy*, *rád/a*...

„Длинные“ глаголы также выражают движение как таковое, напр.: *Naše dcera už chodí*. Наша дочь уже ходит.

2. „Короткие“ (обусловленные) глаголы движения *jít* идти, *jet* ехать и *letět* лететь выражают движение в конкретном времени с конкретной целью. Они часто используются в связи со следующими выражениями: *teď*, *v ... hodin*, *dopoledne*, *dneska*, *zítra*...

Существуют и другие „длинные“ и „короткие“ глаголы движения, напр.: *nosit* – *nést* носить – нести *vozit* – *vézt* возить – везти *vodit* – *vést* водить – вести...

На странице же 212 под подзаголовком „Длинные“ (необусловленные) и „короткие“ (обусловленные) глаголы движения мы находим следующую таблицу (в которой, отметим, отсутствует указанный в таблице на с. 65 в числе «коротких», а также на с. 90 глагол *letět*).

Все эти глаголы являются глаголами несовершенного вида.

<i>инфинитив</i>	
<i>chodit – jít*</i>	<i>ходить – идти</i>
<i>jezdit – jet*</i>	<i>ездить – ехать</i>
<i>běhat – běžet</i>	<i>бегать – бежать</i>
<i>nosit – nést*</i>	<i>носить – нести</i>
<i>vodit – vést*</i>	<i>водить – вести</i>
<i>vozit – vézt*</i>	<i>возить – везти</i>
* Звездочкой отмечены глаголы, относящиеся к е-спряжению, для которого типичны чередования в корне, например: <i>čtu, čteš, čte</i> ...	

Мы допускаем, что приводимые выше пояснения действительно способны помочь каким-то категориям иностранных студентов освоить образование форм будущего времени в чешском языке, включая образование этих форм от «коротких» / «длинных» глаголов движения, которые в русской школьной традиции принято называть глаголами разнонаправленного / однонаправленного движения. Однако в русской аудитории в выигрыше окажется лодырь, который просто проигнорирует все эти объяснения и будет говорить так, как Бог на душу положит, то есть так, как

ему подсказывает его языковое чутье, ведь в данной области языкового континуума образование и функционирование чешских форм повторяют почти буквально образование и функционирование форм русских. Тот же, кто попытается следовать приведенным выше объяснениям, скорее всего в этих объяснениях и завязнет, тем более что они далеко не безупречны.

Мы не сомневаемся, что для носителя английского языка упражнение 2 на с. 55, требующее от выбрать правильную форму из нескольких предложенных, действительно важно, потому что оно учит различать существительное мужского и женского рода, а от них обоих отличать прилагательное и наречие, ср.: 1. *Lucie Bílá je česká/Češka zpěvačka. Je Čech/Češka.* 2. *Jaké česky/české město znáte?* 3. *Antonín Dvořák byl český/Čech skladatel.* 4. <...> В самом деле, для человека, в родном языке которого во всех приведенных и подобных случаях будет одна и та же последовательность букв – *Czech*, это задание непростое. Однако для носителя русского языка различия между словами *чех*, *чешка*, *чешский* и *по-чешски* очевидны и не требуют отработки, как не требует отработки, например, и навык ставить подлежащее в именительный падеж, а прямое дополнение – в падеж винительный, ср. из упр. 10 на с. 28 *Perlivá voda/perlivou vodu je dobrá. Dáš si Cola/Colu nebo Fanta/Fantu?* (букв. *Газированная вода / газированную воду хороша. Ты возьмешь кола / колу или фанта / фанту?*).

Носителю русского языка не надо объяснять общее значение того или иного падежа, ведь в русском языке есть те же падежи, что и в чешском, включая звательный (в церкви и в школьной классике). Вместо этого можно было бы обратить внимание на те немногие, однако важные различия в употреблении чешских и русских падежей, с которыми мы сталкиваемся постоянно, – например, на то, что русские благодарят *кого*, а чехи – *кому*, что русские смотрят *телевизор*, а чехи – *на телевизор* и т. д.

Точно так же носителю русского языка не надо растолковывать общие принципы выбора форм совершенного / несовершенного вида, а также различия между «тыканьем» и «выканьем», однако не помешало бы отметить, что, например, в чешском языке, в отличие от русского, для передачи регулярно повторяющихся действий используются формы не только несовершенного, но и совершенного вида, ср. пример из классического учебника, где глаголы несовершенного и совершенного вида идут вперемежку: *Ráno vstávám pravidelně v šest hodin. Umyji se, vyčistím si zuby a učešu se. Pak se oblékám.* ‘Утром я встаю регулярно в шесть часов. Я умываюсь [букв. *умоюсь*], чищу [букв. *почищу*] себе зубы

и причесываюсь [букв. *причешусь*]. *Потом я одеваюсь*'. Что же касается «тыканья» / «выканья», то и здесь можно было бы остановиться на том, что отличает чешский от русского, например на особенностях реализации данной категории в рамках чешского прошедшего времени или кондиционалиса.

А вот на чешских модальных глаголах на с. 46 можно было бы задержаться подробнее хотя бы потому, что конструкции с ними являются в чешском языке основным средством выражения модальных значений (в отличие от языка русского, где функционально нагруженными оказываются прежде всего неглагольные модальные квалификаторы, см.: *Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Brno, 2005.). В приводимой на данной странице таблице отсутствует важный модальный глагол *smět* 'сметь', образующий оппозицию с глаголом *mocť* 'мочь', и глагол *mít*, который, в отличие от русского глагола 'иметь', способен функционировать также и в качестве модального, вступая в оппозицию с глаголом *muset* 'быть должным'.

Для носителя русского языка характеристика существительных по роду – вещь самоочевидная, а поскольку родовые характеристики большинства соотносительных русских и чешских слов совпадают, для русского студента совсем не обязательно запоминать, на какие буквы существительное того или другого рода может оканчиваться (с. 18), достаточно отмечать по мере поступления те в целом нечастные случаи межъязыковых родовых различий, которые касаются прежде всего заимствованной лексики (*vakuum* – вакуум, *téma* – тема, *pláž* – пляж и т. д.).

Мы считаем, что близость современных чешского и русского языков позволяет уже на самом раннем этапе изучения давать обучаемому больше грамматической информации, чем мы наблюдаем в рецензируемом учебнике, ср. статьи из прилагаемого к данному учебнику словарика (существительные мужского одушевленного, мужского неодушевленного, женского и среднего родов печатаются разными цветами) и статьи из словарика к самоучителю чешского языка для русских, изданному в том же году в Москве, где указывается не только род (курсивной буквой после соответствующего слова), но и словоизменительный тип, а также возможные контексты употребления. Далее приводятся совпадающие словарные статьи из начала обоих словарей:

Совпадающие статьи из начала словаря в конце учебника

Holá L. Česky krok za krokem 1. Praha: Akropolis, 2016.		Изотов А.И. Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2. М.: Филоматис, 2016.
а	и	а и
absolvovat	закончить учебу	absolv ovat, -uji сов. окончить; absolvovat techniku окончить технический вуз
adresa	адрес	adres a, -y ж адрес
ahoj	привет	ahoj! привет!
akademický	академический	akademický академический; akademická obec студенты и преподаватели
ale	но	ale но, однако
alergie	аллергия	alergi e, -e ж аллергия
Aljaška	Аляска	Aljašk a, -y ж Аляска
alkohol	алкоголь	alkohol, -u м алкоголь
alkoholický	алкогольный	alkoholický алкогольный
americký	американский	americký американский
ananas	ананас	ananas, -u м ананас
ani	даже, ни	ani ни ani nevím даже не знаю; ani se neptej и не спрашивай
ano	да	ano да
areál	территория	areál, -u м ареал

Наверное, небесполезно было бы и отредактировать некоторые авторские формулировки. Например, на с. 29 мы читаем:

Глагол mít rád любить состоит из глагола mít, который вы уже знаете, и выражения rád. Это выражение в единственном числе имеет формы rád для мужского рода, ráda для женского рода. Во множественном числе различаются формы rádi, rády, rády, ráda в зависимости от рода, но для упрощения мы здесь используем только форму rádi.

Во-первых, mít rád – не глагол, а сочетание глагола с кратким прилагательным (rád). Во-вторых, это краткое прилагательное может образовывать форму единственного числа не только мужского или женского, но также и среднего рода – вполне употребительную (*Dítě ho má rádo* ‘Ребе-

нок его любит'). В-третьих, на том, что чешские прилагательные, в отличие от русских, различают род не только в единственном, но и во множественном числе, именно в силу данного обстоятельства следовало остановиться особо. В-четвертых, во множественном числе речь идет все же о трех, а не о четырех формах: *rádi* – муж. род одуш., *rády* – муж. род неодуш. + жен. род, *ráda* – ср. род; если уж мы решим выделять четыре формы (из них две омонимичные), следовало бы подписать их грамматические характеристики во избежание путаницы.

В заключение подчеркнем, что высказанные замечания имеют характер размышлений и пожеланий на случай переизданий, и констатируем, что данный учебник может служить весьма ценным дополнением к грамматическому описанию чешского языка классического типа.

А. И. Изотов

Сведения об авторе: *Изотов Андрей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru.

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

23–26 мая 2016 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова проходил III Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Первые два форума с таким названием, состоявшиеся в 2009¹ и 2012 гг., стали заметными событиями в научной жизни, вызвав самый заинтересованный отклик у ученых-славистов разных стран.

Программным комитетом были отобраны 304 доклада, которые опубликованы в сборнике «Трудов и материалов» Симпозиума². Реально в Симпозиуме приняли участие 215 ученых из 22 стран: России, Азербайджана, Армении, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Латвии, Македонии, Польши, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Чехии, Швейцарии, Эстонии и Японии.

В своей речи на торжественном открытии Симпозиума председатель Оргкомитета ректор МГУ имени М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий охарактеризовал давние традиции сотрудничества отечественных и зарубежных славистов. Он подчеркнул важность сохранения славянского культурного и языкового пространства во всем его многообразии, отметив, что в этом особую роль играют научные форумы, объединяющие славистов разных стран. Декан филологического факультета профессор М.Л. Ремнева, являющаяся одним из инициаторов проведения Симпозиума, подчеркнула, что благодаря деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия славяне объединены не только общностью своего происхождения, но и духовно. Идея славянской взаимности остается актуальной и в наше время, поскольку она способствует укре-

¹ Дедова О.В., Клобуков Е.В., Петрухина Е.В., Сидорова М.Ю. Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» // Вопросы языкознания. 2010. № 2.

² Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): Труды и материалы / Сост. О.В. Дедова, Е.В. Петрухина, Л.М. Захаров; Под общ. руководством проф. М.Л. Ремневой. М., 2016. 638 с.

плению отношений России с другими славянскими странами и сохранению культур отдельных славянских народов в условиях глобализации. Следует отметить, что тема славянского единения как основа сохранения национальной идентичности неоднократно поднималась на Симпозиуме; она звучала и в приветственных словах представителей дипломатического корпуса, в частности, Посла Республики Сербия С. Терзича, Посла Республики Македония Г. Караянова.

На двух пленарных заседаниях было представлено 10 докладов. Тематически они были разнообразны, но их объединяла актуальность обсуждаемых научных вопросов, которые могли выходить за пределы филологических интересов. Так, Я. Чарногурский (Словакия) в докладе «Славянские народы в двух интеграционных группировках» охарактеризовал современные процессы, поляризующие Европу, и высказал мнение о том, что культура и духовная связь являются для славянских народов более существенными гарантиями исторической перспективы, чем юридические или политические конструкции. Т.И. Вендина в докладе «Судьба праславянского слова в свете новых данных Общеславянского лингвистического атласа» показала, как атлас демонстрирует бытование праславянских слов в современных славянских диалектах. Работа с атласом позволила прийти к заключению, что вопреки принятой точке зрения о том, что ареалы архаизмов обычно сохраняются на периферии, в пределах славянского языкового мира они часто локализируются в центре. И.А. Седакова в докладе «Новые ракурсы Московской этнолингвистики в свете культурно-языковой ситуации в Болгарии и России в XXI в.» обосновала роль новейших источников, в частности Интернета, в современных этнолингвистических исследованиях – как синхронных, так и диахронических. В совместном докладе М. Ухлика, А. Желе (Словения) «Особенности двух типов субстантивной предикации в словенском языке» были проанализированы коннотативный и метафорический смыслы, а также формальная структура предикаций с составными именными сказуемыми в словенском языке. С.А. Мызников выступил с докладом «“Словарь української мови” Б.Д. Гринченко в контексте русской лексикографии», в котором проанализировал материалы знаменитого словаря Б.Д. Гринченко (1907–1909 гг.) в сравнительно-историческом и этимологическом аспектах, продемонстрировав нетривиальные параллели между русскими, украинскими и белорусскими лексемами. Е.Н. Бекасова в докладе «Наследие старославянского языка: пределы проницаемости системы русского литературного языка» анализировала усвоение русским литературным языком некоторых

южнославянских по происхождению церковнославянских элементов (например, рефлексов сочетаний *tj и *dj и неполногласных сочетаний). Языковую специфику церковнославянских текстов служб русским святым выявила А.А. Плетнева в докладе «Словообразовательные и семантические инновации в церковнославянских текстах русского происхождения». А.К. Шапошников обратился к вопросам этимологии славянской ономастики и в докладе «Древнейшие ономастические следы праславянского вида в Восточной Европе» привел многочисленные примеры, свидетельствующие о том, что ареал древней праславянской ономастики простирался от Среднего Подунавья, Потисья до Карпатского хребта, а позднее распространился в междуречье Днестра и Днепра. В докладе М.Я. Дымарского «Протодейкис и речевая модусная рамка» протодейкис был представлен как дограмматический прообраз языковых категорий лица, времени и модальности. М.М. Голубков («Курс истории русской литературы в современном филологическом образовании») обратил внимание на противоречие между увеличивающимся с каждым годом литературным материалом, который нуждается в научном осмыслении и включении в университетский учебный процесс, и уменьшении количества часов на литературу на филологических факультетах. В результате студент-филолог теряет важнейшие компетенции: знание современной литературы и понимание ее художественной специфики.

В секции «История и предыстория славянских языков» (9 докладов) рассматривался широкий спектр вопросов – от проблем, связанных с диалектным членением праславянского языка, до истории поэтического языка XVIII–XIX вв. М. Шекли (Словения) показал, что в западная часть южнославянского диалектного континуума генетически неоднородна и современные говоры этого ареала восходят к разным праславянским диалектам. В. Поломац (Сербия) связал старосербский термин *соће* ‘основной и постоянный налог в сербских средневековых странах’ с греческим уменьшительным существительным *ζάκκιον* ‘мешочек’. М.Н. Шевелева высказала предположение о том, что процесс утраты аориста и имперфекта, в том числе из пассивного зная, начался с русского северо-запада, а в южнодревнерусских диалектах задерживался. Е.А. Галинская и А.Ч. Пиперски в совместном докладе проанализировали псевдоархаические причастия с отпавшим гласным возвратного постфикса типа *крутящаяся, изливавшаяся*, спорадически встречающиеся в поэтическом языке XVIII в. и регулярно, без исключений, используемые Н. Гнедичем в переводе «Илиады» Гомера.

В фокусе внимания секции «Библейские традиции. Проблемы кодификации славянских литературных языков» (14 докладов) оказалось несколько групп проблем, например: 1) кодификация церковнославянского языка разных редакций в текстах и метатекстах – так, Н.Н. Запольская рассказала о кодификации церковнославянского языка в Московской Руси в первой половине XVII в.; 2) типы библейских текстов и практика перевода – в частности, о переводах с нескольких разноязычных оригиналов как об особом типе библейского текста в восточнославянской традиции шла речь в докладе Т.В. Пентковской и Н.К. Котовой; 3) кодификация славянских литературных языков в XVIII–XIX вв. – М.М. Горина рассказала о реформе словацкого литературного языка 1852 г. и ее оценке лингвистами.

На секции «Актуальные вопросы изучения фонетики славянских языков» было сделано 6 докладов. Особый интерес вызвали обсуждение данных современных фонетических исследований в аспекте преподавания славянских языков в иноязычной аудитории (доклады Е.Л. Бархударовой; О.Е. Фроловой, С.А. Крейчи; О.И. Климкиной). Предметом обсуждения стали и актуальные фонетические данные, полученные с применением инструментальных методов (С.В. Князев), в том числе новейших, таких, как МРТ (Г.Е. Кедрова, Н.В. Анисимов, Л.М. Захаров). Представленные данные уточняют информацию о важных явлениях русской звучащей речи (о коартикуляции, просодическом шве).

Секция «Лексикология и лексикография» имела 9 докладов. Интересна была дискуссия, посвященная принципам современной лексикографии. Эта тема прозвучала в докладах В.А. Татарина, В.Г. Кульпиной (славянские богословские словари); Н.В. Боронниковой, Е.В. Верижниковой (словарь междометий македонского языка); О.В. Дедовой, В.В. Подольской (лексикографическое описание поля ИНТЕРНЕТ); И.А. Меркуловой (суммарное параметрическое ядро славянской лексики). Профессиональным лексиконам были посвящены доклады О.Е. Фроловой (юридический лексикон в аспекте общелитературного языка); С. Христовой, В. Няголовой (соматические фразеологизмы в профессиональной коммуникации медиков). Доклад Л.Р. Дускаевой был посвящен метафоре как приему журналистского дискурса. Типологические вопросы были затронуты в выступлениях М.Л. Кулешовой (словенские глаголы падения) и И.С. Правдиной (термины родства в русском и сербском языках).

В секции «Активные процессы в грамматике и словообразовании славянских языков» было три подсекции: словообразование, морфология и

синтаксис. Проблемам словообразования было посвящено 9 докладов. Е.В. Красильникова рассмотрела славянские производные с суффиксами субъективной оценки с разных точек зрения, в том числе и с культурологической. О.В. Кукушкина проанализировала редкие случаи «неперфективации» в славянских приставочных глаголах. Т.А. Корнеева говорила о нулевой суффиксации как о индоевропейском словообразовательном механизме. О.О. Лешкова рассмотрела стихию феминативных новообразований в современном польском языке. Е.М. Маркова, Т. Григорянова (Словакия) представили богатый материал, иллюстрирующий активные процессы в русском и словацком глагольном словообразовании. В докладе Е.О. Борзенко анализировалось окказиональное образование форм сравнительной степени от причастий в современном русском языке. Д. Саболова и В. Косова (Словакия) говорили о деривационном потенциале слова *майдан* в русском и словацком языках.

В морфологической и синтаксической секциях состоялось по 6 докладов. М. Браксаторис проанализировал феномен уменьшение формального контраста между падежами в русском и словацком языках. В докладе С.Ж. Джуровича (Сербия) были прокомментированы актуальные морфологические изменения прилагательных в сербском языке. В. Брой (Германия) рассмотрел особенности развития местного падежа (локатива) в языке славянского меньшинства южно-итальянского региона Молизе, а именно утрату формальных различий между винительным и местным падежами. Доклады Е.Н. Виноградовой и Т.Е. Чаплыгиной были посвящены результатам исследования русских предлогов. М.В. Всеволодова поставила проблему грамматического объяснения разной сочетаемости имен актантов в рамках внутренней парадигмы предложения. Несколько докладов было посвящено синтаксическим конструкциям. И.В. Галактионова говорила об особенностях употребления слова *один* в количественных конструкциях, М. Пила (Италия) об условных конструкциях в резьянском диалекте, Н.А. Герасименко об аналитических конструкциях с семантикой соответствия, В.Б. Портнова о конструкциях с препозитивным атрибутивным оборотом. В докладе В.С. Савельева рассматривалась иллюкутивная полифункциональность древнерусских высказываний на материале «Повести временных лет». Е.Г. Жидкова анализировала субстантивные локативные синтаксемы. К. Сугаи (Япония) сопоставил плеонастическое двойное обозначение подлежащего или дополнения с помощью личного местоимения в русском языке с подобным грамматизованным механизмом в болгарском языке.

Проблемам славянской аспектологии были посвящены не только отдельная секция (с 7 докладами), но и Круглый стол (6 докладов), на котором обсуждались вопросы терминологии, прежде всего с концептуальной точки зрения. В совместном докладе А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян (США), а также в докладе А.А. Шмелева были уточнены и развиты положения о видовых парах, выдвинутые докладчиками в совместных публикациях. На основе понимания видовой пары как чисто функционального отношения между глаголами СВ и НСВ, устанавливаемого в контекстах обязательной имперфективации, докладчики проанализировали тезис о том, что видовые пары определяются лишь в направлении от СВ к НСВ, в том числе при депрефиксации (*построить* – *строить*). Трактовке общефактического значения были посвящены четыре доклада. Х.Р. Мелиг (Германия) предложил различать два типа значения глаголов НСВ при невыражении аспектуальной характеристики действия: не только общефактическое, но также единично-фактическое значение. В докладах Е.В. Петрухиной и С. Славковой (Италия) разные типы общефактического значения рассматривались с сопоставительной точки зрения – с привлечением соответственно чешского и болгарского материала, а в докладе О.К. Грековой – с позиций преподавания русского языка как иностранного. В докладе Е. В. Падучевой анализировался термин «ракурс» в связи с выражением последовательности действий глаголами СВ и НСВ, с учетом ретроспективного ракурса представления ситуации глаголами СВ и возможности разных ракурсов у глаголов НСВ (в том числе синхронного). В нескольких докладах анализировался также термин «предел действия». Е.В. Петрухина обосновала необходимость последовательного разграничения грамматического и лексического пределов: первый выражается глаголами только СВ, второй – в семантике терминативных (предельных) глаголов обоих видов. Е.Э. Пчелинцева (Украина) показала, как от семантического типа предела действия зависит образование отглагольных имен в русском, украинском и польском языках. Н. Самедова (Азербайджан) рассматривала предельность как разновидность фазового значения. Ю. Канеко (Япония) отметила большую степень предельности русских глаголов по сравнению с японскими. Н.В. Зорихина-Нильссон (Швеция) предложила вернуться к терминам «нейтрализация видового противопоставления» и «конкуренция видов», показав их неоднозначное использование в современной аспектологии. Е.В. Горбова представила обоснование словоизменительной трактовки видообразования в русском языке. В докладе Д. Крвины (Словения) на материале словенского наци-

онального корпуса были проанализированы контексты, требующие преимущественного употребления одного из видов.

В секции «Славяноязычная коммуникация: текст, стиль, дискурс» были представлены 7 докладов. Их тематика достаточно обширна. Стилистические и семантические аспекты русско-английского / англо-русского художественных переводов обсуждались в докладах А.В. Уржи (модусная семантика переводческих сносков) и В.А. Немковой (средства трансформации пространственно-временной точки зрения героя). Вызвала интерес тема авторской межъязыковой рефлексии в художественном тексте. Так, О.А. Остапчук охарактеризовала приемы воссоздания многомерности северо-украинского языкового общения (г. Чернигов) в романе М. Хемлин «Дознаватель»; в докладе Л.Л. Шестаковой и А.С. Кулевой представлен анализ диалога славянских языков и культур в поэтическом языке эпохи Серебряного века. Выступления С.Б. Потемкина и Е.С. Суровцевой объединяет интерес к личности В.И. Ленина и к специфике ее реализации в разных жанрах (школьное сочинение, письмо к вождю).

Секция «Славянские языки в современных средствах массовой коммуникации и в Интернете» была представлена 8 докладами. воздействием современных СМИ на национальные языки и масштабностью последствий данного явления. А. Зобеница (Сербия) проанализировала влияние языка СМИ на сербский язык, предметом обсуждения Т.В. Чернышовой стало смещение стилистических границ (т.е. «дозволенного») под воздействием текстов СМИ. В докладах рассматривались инновационные явления и речевые жанры, спровоцированные современными формами массовой коммуникации: письменная разговорная речь (Е.И. Литневская), спонтанность / квазиспонтанность устных медиатекстов (Р.А. Каримова), речевые тактики «прямых линий» (Го Бинь, Китай). Также анализировались конкретные явления медиадискурса: прагматика заголовков (Т.С. Моница), способы представления лица – номинация должности и рода занятий (Т.Г. Рошкетасева). Манипуляционному воздействию СМИ был посвящен доклад Т.В. Калугиной, где развернутые метафоры рассматривались как средство мифологизации.

Разнообразной была тематика секции «Этнокультурное сознание и проблемы перевода», где состоялись 7 докладов. Были рассмотрены проблемы перевода в аспекте различных языков, текстовых жанров, языковых уровней и т. д. Специфические явления перевода, спровоцированные разнообразными факторами, анализировались в докладах следующих авторов: А.Ю. Краев, Д. Саболова (Словакия) (передача безэквивалент-

ной словацкой лексики средствами русского языка, например, *dukátové buchtičky*, *stravný listok* и др.); Н. Дукатова (Словакия) (перевод русской литературы для детей и юношества на словацкий язык в послевоенное время и ее использование как средства идеологического воздействия); Г.П. Тыртова (причины неадекватности русско-сербского перевода художественного текста – на материале повести С. Довлатова «Заповедник»); М.Н. Коннова (передача темпоральных смыслов при переводе русского поэтического текста на английский язык). Актуальные вопросы перевода общественно-политических текстов и СМИ были рассмотрены в докладах Э. Ниами (Македония) и Ю.В. Кудрявцевой.

Секция «Языковая ситуация и языковая политика в славянских странах» была представлена 4 докладами. Актуальные вопросы языковой политики в интерпретации современной социолингвистики были охарактеризованы Г.П. Нецименко. Вызвали интерес доклады, посвященные языковой ситуации государств на территории бывшей Югославии – Сербии и Македонии, представленные М. Стоянович (Сербия) и Э. Ячева-Улчар (Македония). Г.П. Пилипенко охарактеризовал социолингвистические аспекты функционирования украинского языка в Аргентине и Парагвае.

На секции «Концептосферы славянских языков: традиции и развитие» было сделано 9 докладов. Их тематика была посвящена как древнейшим славянским лингво-культурологическим феноменам, так и анализу современных тенденций в этой сфере. Диахронические аспекты данной тематики были освещены в докладах Т. Мийич (Сербия) (мифологема змея / дракон у древних сербов и русских), Е.И. Якушкиной (концепты *честь* и *совесть* в сербской народной культуре), О.В. Моргуновой (календарная оппозиция в культурном и языковом кодах восточных славян). Синхронная проблематика прозвучала в докладах Н.И. Мироновой (семантика прилагательного *агрессивный* в современном русском языке) и О.Н. Шапкиной (культурные ценности польского общества в польской языковой картине мира). Ряд докладов – Е.П. Иванян, А. Пясецка (Польша); А. Нью (Китай); Е.И. Колосова – так или иначе затрагивал «атропоцентрическую» тематику (соматизмы, антропонимы, атропоцентрические коннотации), что отражает интересы современных функциональных исследований.

Выступления, прозвучавшие в секции «Славянская диалектология в синхронии и диахронии» (8 докладов), были разноаспектными и затронули широкий круг тем. Был описан социолингвистический статус диа-

лектных идиомов в славянских странах, о чем говорила Л.Э. Калнынь, и литературных микроязыков, о которых рассказала Ю. Дудашова-Криш-шакова (Словакия). Целый ряд докладов был посвящен фонетике и грамматике славянских диалектов. Так, особенности расположения энклитик в предложении применительно к паннонским говорам словенского языка было освещено М.М. Громовой, гибридные образования в славянских языках – Н.Е. Ананьевой. В трех докладах (А.В. Тер-Аванесовой, В.В. Малышевой и С.В. Дьяченко) описывались весьма архаичные фонетические и грамматические явления говора с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. Нашли отражение в докладах и проблемы лексической семантики и языковой картины мира. Например, Е.А. Нефедова рассказала о вариативности семантики глаголов с префиксом *до-* и постфиксом *-ся*, И.Б. Качинская – о различных номинациях отца в архангельских говорах.

Выступления на заседании круглого стола «Классические языки в славянском языковом мире» были посвящены русским переводам произведений античной литературы на русский язык (доклады Т.Ф. Теперик и О.М. Савельевой) и толкованию латинского слова *praetoriola*, встречающегося в латинском тексте пророка Иезекииля, и тонкостям перевода его на русский язык (О.С. Павлова).

Тематика круглого стола «Балто-славянские языковые, литературные, культурные связи в современном мире» оказалась весьма актуальной, поскольку выступления его участников затронули различные аспекты балто-славянских контактов: в частности, о взаимодействии русского и латышского языков в Латвии говорила И.В. Диманте (Латвия), об особенностях языка общения жителей литовско-белорусского пограничья – А.В. Окушкайте (Польша), об особенностях перевода на латышский язык романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» – А. Логинова (Латвия).

Доклады на секции «Преподавание славянских языков: теория и практика» были посвящены лингвометодическим проблемам. Саяма Гота (Япония) представил оригинальную концепцию классификации русских приставочных глаголов в матричной форме. С.А. Москвичева и Л.А. Нестерская изложили концепцию учебного русско-французского двуязычного словаря, вышедшего в Париже. В докладе И.В. Одинцовой были рассмотрены «тематические примитивы» как основа обучения языку на начальном этапе. О.Н. Короткова посвятила свое выступлению проблемам речевого этикета как совокупности прагматических (речевых и нерече-

чевых) клише. В докладе А.Г. Лилеевой был предложен алгоритм интерпретации произведений современной русской литературы. Л.В. Эглит (Казахстан) остановилась на проблемах преподавания русского языка в Казахстанской высшей школе. На Круглом столе «Методологические аспекты изучения и преподавания славянской филологии» М.Ю. Сидорова говорила о проблемах русского языка естественных наук и об англификации науки и образования. А.И. Изотов представил последовательный коммуникативный подход к подаче материала опубликованном им самоучителе чешского языка для русских.

Доклады в литературоведческих секциях симпозиума обнаруживали наиболее значимые тенденции в развитии современного литературоведения. Одна из таких тенденций – интерес к фантастике, выразившийся в том, что на симпозиуме в формате «круглого стола» работала секция «Научная фантастика славянских стран: взгляд в прошлое и будущее» (5 докладов). Вызвала дискуссию тема утопии и антиутопии (доклады С. Ш. Шарифовой, Б.А. Ланина). Интерес к утопии обусловлен поворотом современной фантастики как к вопросам философии истории (доклад А.М. Лобина), так и к социально-прогностической функции (О.С. Бочкова). Свидетельством популярности этой тематики является востребованность межфакультетских курсов МГУ о фантастике, о чем рассказала Е.Н. Ковтун.

Секция «Славянские литературы: типологические схождения и национальное своеобразие» (15 докладов) обнаружила наиболее актуальные литературоведческие тенденции современной славистики. Одна из них – очевидный всплеск интереса к интермедийным исследованиям, к изучению влияния визуальных видов искусства на литературу. Так, Е.П. Коляничко (Украина) исследовала модернистскую новеллу рубежа XIX–XX вв., где взаимодействуют семиотические коды живописи и искусства слова. Такому же ракурсу изучения литературы были посвящены доклады И.Е. Адельгейм и Гун Цинцин (Китай). Другая не менее значимая тенденция современного литературоведения – осмысление социально-политических явлений славянского мира и их преломление в художественном сознании. Она проявилась в докладах Н.Н. Стариковой о современном словенском романе, Л.Ф. Широковой о словацком историческом романе, в докладах П.В. Корольковой и О.В. Цыбенко. Несколько неожиданный аспект этой темы был предложен в докладе А. Бельчевича (Словения), где анализировался иск одной из словенских семей к писательнице, якобы нанесшей ее семье оскорбление. На секции были представлены

доклады, характеризующие и актуальность традиционного компаративистского подхода. Е.В. Жуйкова сопоставила художественные принципы А.И. Солженицына и сербского писателя Д. Чосича, а И.Е. Иванов сделал доклад на тему «Образы неволи у Ф.М. Достоевского и И. Андрича». Проблема рецепции русской литературы в инонациональной среде была поставлена в докладе Сай На (Китай) о творчестве И.С. Тургенева. Были также доклады, обращенные к герменевтическому исследованию творчества одного автора (А.Г. Машковой о творчестве Павла Великовского; Е.М.Барановской о творческом наследии Я.П. Полонского). В докладе Д. Гучковой (Словакия) рассматривался жанр «беседы» в словацкой литературе. Н.В. Баландина говорила об опыте создания хрестоматий по современной русской литературе для иностранных учащихся.

Секция «Славянский фольклор: история и современность» (6 докладов) обнаружила общую для симпозиума тенденцию: поиски общих для славян аспектов менталитета, картины мира, характера верований, представлений о добре и зле. Таковы были доклады Д. Антоняковой (Словакия) «Символика образа печи в поверьях, приметах, обычаях и обрядах», воспроизводящий общеславянские верования и суеверия; М.В. Ясинской «Заперты, связанные со зрением, в традиционной культуре славян». Эта же тенденция характеризовала и доклады, посвященные той или иной национальной традиции: А.И. Чиварзиной «Символика цвета в македонской свадебной обрядности (балканская триада)», М.Ю. Михайловой «Семантика невыразимого в русском фольклоре», Н.И. Федоровой «Отрицание в русской народной загадке». Совсем иной аспект избрала для своего доклада ««Советская пастораль» А.Н. Егунова» Г.М. Васильева: она рассматривает, каким образом фольклор является средством выражения народного взгляда на мир в романе антиковеда А. Н. Егунова (1895–1968) «По ту сторону Тулы».

На заключительном заседании единогласно был принят Итоговый документ III Международного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире» (<http://slavmir2016.philol.msu.ru/>), в котором констатируется, что универсальное и уникальное по своей сущности понятие славянской взаимности, включающее в себя генетические, исторические, культурные и идейные связи славянских этносов, в настоящее время оказалось перед экзистенциальным вызовом. В связи с этим существенно возрастает значение исследований, направленных на изучение истоков общности славянских языков и литератур в их взаимодействии друг с другом, а также исследования их современного состояния.

При этом бережное отношение к родному языку и культуре не противоречат идее славянской взаимности, так как взаимодействие и взаимовлияние близкородственных языков и культур способствуют их обогащению.

О.В. Дедова, Е.В. Петрухина, Е.А. Галинская, М.М. Голубков

Сведения об авторах:

Дедова Ольга Викторовна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ov.dedova@gmail.com.

Петрухина Елена Васильевна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: elena.petrukhina@gmail.com.

Галинская Елена Аркадьевна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: egalinsk@mail.ru.

Голубков Михаил Михайлович, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: m.golubkov@list.ru.

КОНФЕРЕНЦИЯ «МГНОВЕНИЕ КАК СЮЖЕТ» В ТВЕРИ

7–9 апреля 2016 г. в Твери состоялась международная научная конференция «Мгновение как сюжет», организованная кафедрой истории русской литературы Тверского государственного университета. Конференция «Мгновение как сюжет» продолжала исследовательскую работу, начатую кафедрой в 2012–2015 гг. в рамках серии конференций «Время как сюжет» («Прошлое как сюжет», «Настоящее как сюжет», «Будущее как сюжет», «Вечность как сюжет»). На предшествующих конференциях рассматривались «вторичные проявления» (фиксации представлений об истории), формы «спасения достоверности», модели конструирования будущего, проблема репрезентации времени и вечности и сюжетного потенциала временных категорий. Категория «мгновения» также важна, так как может приобретать значение длительности или может оставаться поэтическим образом, задающим основу временной структуры в тексте, а может выражать дискретность переживания времени. Но участники конференции (на которой прозвучало 40 докладов) не ограничились этими, наиболее очевидными интерпретациями.

Вступительное заседание открыл *В.А. Кошелев* (Великий Новгород) докладом «“Остановленное мгновение” и “жирный карандаш”», в котором рассматривалось противопоставление двух вариантов мгновенных впечатлений в лирике; докладчик противопоставил «мимолетное» и «вечное», продемонстрировав их сближения и расхождения в русской классической поэзии. *С.В. Денисенко* (Санкт-Петербург) выступил с докладом «“Незапный мрак иль что-нибудь такое”». Роковой миг у в пушкинской сюжетике», в котором продемонстрировал значимость «зловещего» события, неожиданного и поворотного, для разрушения традиционных представлений о сюжете. Совершенно иную трактовку понятия «мгновение» предложила *С.А. Васильева* (Тверь), соорганизатор конференции; она рассказала о «мгновении моды» в прозе *И.А. Гончарова*, о восприятии преходящих жизненных явлений в разножанровых текстах. *Э.Ф. Шафранская* (Москва) выступила с докладом «Мгновение в классической и неклассической модели повествования», где мгновение как единица времени рассмотрено в

рамках традиционно реалистических (рассказ «Страшное мгновение» Н. Каразина) и постмодернистских (роман М. Шишкина «Взятие Измаила») представлений. По мнению исследователя, мгновение у Каразина – экспрессивно выраженное переживание в кульминационной точке развития сюжета; мгновение у Шишкина – философская категория истории. Завершилось вступительное заседание докладом *И.В. Мотеюнайте* (Псков) «Мгновения штандартенфюрера СС фон Штирлица и секунды лауреатов Государственной Премии СССР Р. Рождественского и М. Таривердиева». Это выступление было посвящено теме времени в сериале Т. Лиозновой «Семнадцать мгновений весны», раскрытой в рамках центральной музыкальной темы фильма. Песня «Не думай о секундах свысока» рассмотрена во взаимодействии с композицией видеоряда, которая отражает исторический, сюжетный (детективный) и биографический аспект времени.

Секционные заседания были посвящены специфике временных категорий и роли мгновения в сложившейся категориальной системе.

Отдельный блок докладов связан с проблемой дискретного времени. *Н.И. Бурнашева* (Москва) в сообщении «Секунда, показавшаяся часом» сконцентрировала внимание на «мгновении» в сюжетной структуре произведений Л.Н. Толстого. По мнению автора, время у Толстого всегда индивидуально и по наполнению, и по протяжённости. Мгновение – не только рождение и конец жизни человека, но и своего рода «пробуждение к истине», начало новой, «духовной», жизни многих персонажей писателя. В связи с использованным новым подходом к исследованию структуры и семантики анекдота как основного источника для понимания современного русского фольклора и русской культуры у *С.Б. Потемкина* (Москва) в докладе «Развязка анекдота как момент истины» обсуждались различные формы анекдотов, представляющие «момент истины» в разнообразных жизненных ситуациях.

Д.Д. Николаев (Москва) говорил о мгновенной перемене как сюжетном приеме в юмористической прозе А.Т. Аверченко. *А.М. Грачева* (Санкт-Петербург) сфокусировала внимание на дискретности времени в снах Алексея Ремизова. *И.Б. Сазеева* (Арзамас) выступила с докладом «Нелинейность времени у Амброза Бирса и Жюль Делеза», проанализировав рассказ А. Бирса «Случай на мосту через Совиный ручей» на основе концепции времени Ж. Делеза; анализ оказался весьма оригинальным, применение постмодернистского категориального аппарата позволило продемонстрировать те особенности творческой манеры Бирса, которые обычно ускользают от внимания исследователей.

Одна из секций была названа «Мгновение в системе временных категорий». Здесь, в частности, выступил *Ю.М. Никишов* (Тверь) с докладом «Быстрые и растянутые мгновения в поэзии Пушкина». По мнению исследователя, мгновения в поэзии Пушкина представлены широко и разнообразно. Обретая метафорическую форму, они повышают эмоциональность речи. Поэт использует этот образ при создании картин жизни. Но тот же образ важен при возрождении переживания в сознании человека. На примере послания «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») Ю.М. Никишов показал, как отправной образ разрастается и становится многогранным и неоднозначным. Выступление *О.С. Карандашиевой* (Тверь) было посвящено мгновению в поэтическом мироощущении И.С. Тургенева, в особенности в стихотворениях в прозе. *В.Н. Сузи* (Петрозаводск), выступивший с докладом «Мифопоэтический принцип остановленного мгновения в рассказе И. Бунина “Чистый понедельник”: эсхатологический ракурс», пришел к выводу, что в микрокосме автора миг соотносен с вечностью и таит потенции личного спасения в эпоху всемирных катастроф. По мнению докладчика, у Бунина проблема «время – миг – вечность» стала инструментом, способом раскрытия менее умозрительных тем: любви и призвания, культурного и исторического творчества. В докладе *И.Л. Багратион-Мухрани* (Москва) речь шла о стихотворении «Генералам двенадцатого года» М.И. Цветаевой. Здесь «великолепный миг» предстал формой диалога поэта, пребывающего в пространстве мифа, с героями. Автор доклада высказал гипотезу о том, что на текст Цветаевой оказали влияние «Героиды» Овидия, элегические послания покинутых женщин своим возлюбленным. Сразу в нескольких сообщениях речь шла о пространстве мифа, где миг равен вечности. В этом ключе *Е.В. Никольский* (Москва) рассмотрел мгновение как пусковой механизм сюжета в романе Орхана Памука «Музей невинности», а *А.М. Лобин* (Ульяновск) продемонстрировал роль категории «мгновение» в исторической концепции В. Сорокина, выступив с докладом «Сюжетная функция мгновения в цикле В. Сорокина “Сахарный Кремль”».

В рамках секции «Мгновение и смежные категории» выступила *Н.И. Рублева* (Вологда) с докладом «Мгновение длиною в вечность», представив категория двувременья в художественном мире Ф. Сологуба. По мнению автора, аксиологическая триада, лежащая в основе философской концепции Ф.Сологуба (Жизнь – Смерть / Сон – Творчество / Мечта), раскрывает в мгновении пересечение вечного и временного, позволяющее в земном существовании ощутить прикосновение бесконечного,

внести добавочное знание, подаренное пребыванием в ином мире. *Г.Р. Атаянц* (Тверь) в докладе «Мгновение контакта в путевых очерках Д.Л. Мордовцева», проанализировав очерки «По Испании» и «По Италии. Путевые арабески», пришла к выводу, что в данных текстах прошлое сплетается с настоящим и совершается переход от мгновенного к бесконечному, в зависимости от впечатлений героя, исторических или мифологических. *В.В. Шадурский* (Великий Новгород) говорил о «случае» и «мгновении» в прозе Марка Алданова, в основном уделив внимание романной форме. *И.В. Миронова* (Тверь) в «Мемуарах моей жизни» Софьи Константиновны Кегель определила роль мгновения как средства самопрезентации женщины, творческие амбиции которой остались неудовлетворенными.

Второй день конференции начался с «Лирического мгновения». В выступлении *Е.А. Денисовой* (Новосибирск) говорилось о создании иллюзии «мгновения» в стихотворении Александра Блока «Обман»; лингвистический анализ текста продемонстрировал сложный и многоуровневый характер, казалось бы, совершенно очевидных построений. *А.П. Люсый* (Москва) выступил с докладом «Мгновеннософия Максимилиана Волошина и Марка Алданова». По утверждению исследователя, мгновение у М. Волошина – явление пространственной логики, «построенной на законах несовместимости двух предметов в одной точке». Алданов, пытаясь воссоздать течение мировой истории как «равнодействующую бесконечно малых моментов свободы», возвращается к временному истолкованию заглавной категории. О миге тишины на материале поэзии андеграунда рассказывал в своем докладе *Б.Ф. Колымагин* (Москва). Обращаясь к опыту переживания молчания в стихе, автор пришел к выводу, что миг тишины является частью поэтической речи.

Соотношение категорий «мгновение» и «вечность» рассматривалось в нескольких выступлениях. *М.Г. Пономарева* (Ярославль) на примере исторической прозы первой половины XIX века рассуждала о принятии решения как ключевом мгновении романтического сюжета. *П.С. Громова* (Тверь) рассказывала об особенностях репрезентации времени в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный». Философии мгновения, которая получила широкое распространение среди символистов, и переживанию мгновенности в буддизме, было посвящено выступление *Е.В. Шахматовой* (Москва). В докладе *С.М. Пинаева* (Москва) речь шла о мгновении как знаке вечности в поэзии и философии Максимилиана Волошина. По мысли докладчика, сам принцип художественного выражения текущего

мгновения, выхваченного из калейдоскопа жизни, восходит к эстетическим основам импрессионизма. Однако Волошина в большей степени привлекает «логический переход от импрессионизма к символизму», и в его статьях и эссе эта тема раскрыта вполне. *Е.П. Беренштейн* (Тверь) обозначил тему длительности мгновения на материале творчества И. Анненского. Символика мгновения демонстрирует онтологический и экзистенциальный дуализм миропонимания поэта. В «Кипарисовом ларце» мгновение выступает как актуализированная концентрация экзистенциальных состояний в прошлом и будущем; переводы Анненского обнажают специфику этой категории в творчестве поэта. В докладе *А.И. Кузнецовой* (Москва) речь шла о роли мгновения в сюжете романа У. Голдинга «Хапуга Мартин». Анализ романа выявляет специфику сжатия «спирали» воспоминаний в пределах единственного мгновения умирающего сознания. Остров оказывается моментом истины среди потока жизни, вокруг которого строится система пространственно-временных координат, и поэтому именно здесь в одиночестве и искусно созданной писателем «пограничной ситуации» герою является его истинная сущность.

К «запечатленному мгновению» участники конференции обращались неоднократно, как в тех случаях, когда речь шла о визуальной фиксации впечатлений, так и в докладах о «словесном материале». *С.И. Кормилов* (Москва) говорил о роли «вдруг» в «Преступлении и наказании»; в докладе суммировались наблюдения над словоупотреблением в романе Достоевского и рассматривались категориальные оппозиции, в которые встраивается «запечатленное мгновение». *В.Л. Гайдук* (Москва) в докладе «Опыты фиксации театрального мгновения в 1920–1930-е гг.» рассмотрела разные способы фиксации театральных постановок, которые применялись в XX в. Особое внимание было уделено системе, разработанной в Научно-исследовательской лаборатории Государственного театра им. Вс.Э. Мейерхольда Л.В. Варпаховским и Вс.Э. Мейерхольдом в середине 1930-х гг. Автор пришел к выводу, что Л.В. Варпаховский включает в свою систему все существующие достижения в области театральной нотации; тотальная фиксация театральных мгновений становится неизбежным следствием внедрения новой модели. *П.А. Волошин* (Москва) избрал для анализа нетривиальный материал – песни о фотографии, в которых оппозиция «вечность / мгновение» коррелирует с основной темой. Докладчик, проанализировав песенные тексты (как бардовской песни, так и рок-поэзии) разных лет, где акцентирован мотив фотографии и фотографирования, уделил особое внимание взаимодействию времен-

ных категорий внутри песенного текста, который фиксирует «мимолетность» – и вместе с тем ориентирован на «запечатление в вечности». *Н.К. Загребельная* (Киев) в докладе «Лирический момент и мгновение фотографии» рассматривала уже не песни, а стихотворения о фотографии, презентующие съемку или созерцание фотоизображения. По мнению исследователя, фотография останавливает мгновение (фиксирует доли секунды), но в лирическом тексте посредством различных приемов (детализации, повтора, амплификации и др.) это мгновение раскрывается и углубляется. Тему «визуализации» мгновений продолжила *С.Н. Еланская* (Тверь), которая анализировала культовые советские фильмы в поисках «счастливых мгновений советского кино». Несомненно, самым ярким в этом ряду стал фильм «Покровские ворота», где потенциал мгновения раскрывается (пусть и в идеологически заданных рамках) с достаточной полнотой.

Заключительное заседание началось с «Мгновений, которые не смог или не захотел остановить Бродский» *О.И. Федотова* (Москва). Вопреки названию, доклад был посвящен не отсутствующим текстам, а намеченным, потенциально существующим «мгновениям», которые оказались выключенными из течения лирического времени. *Ю.В. Доманский* (Москва) говорил о контекстуальном смыслообразовании в вариантах песни Егора Летова «И снова темно» (из альбома «Некрофилия» 1987 г. и альбома «Русское поле экспериментов» 1989 г.). Сопоставление проводилось на базе лирического сюжета, в котором важную роль играет мотив мгновения: и как эксплицированный в вербальном субтексте, и как включенный в характеристику звучащей природы песни, и как родовая особенность лирики. В заключительном выступлении *А.Ю. Сорочана* (Тверь) речь шла о роли мгновения в системе континуальных и дискретных моделей темпоральности. Дискретность нашего понятийного мышления приводит к фиксации мгновений. Но сакральный опыт, несомненно, континуальный, требует описания неуловимого мгновения. Заявленная антитеза рассматривалась на нескольких уровнях: индивидуальных точек зрения, природы / цивилизации, сакрального / профанного. Докладчик, резюмируя выступления, прозвучавшие на конференции, сделал вывод: ценность мгновения, как ни парадоксально, в отсутствии устоявшейся ценности. Перед нами амбивалентная категория, законы трансформации которой можно установить. Но отличие от временных категорий, которые рассматривались на предшествующих конференциях в Твери, телеологический статус мгновения неопределим. Ибо мгновения формируют

не только время, но и образ человека в нем. И в дальнейшем, расширяя представления о сюжетном потенциале временных категорий, участники проекта рассчитывают приблизиться к описанию ценностной системы, сочетающей разные модели организации темпоральности.

Г.Р. Атаянц, А. Ю. Сорочан

Сведения об авторах:

Атаянц Гаяне Рафаеловна, аспирант кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета. E-mail: gayka7713@mail.ru;

Сорочан Александр Юрьевич, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета. E-mail: bvelvet@yandex.ru.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В САЛОНИКАХ

В Салониках (Греция) в Солунском университете Аристотеля 29–30 марта 2016 г. в рамках перекрестного года России в Греции и Греции в России прошла выставка-презентация четырех ведущих российских университетов: МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, РУДН и КубГУ (Краснодар). Инициатива проведения этого важного мероприятия была выдвинута на встрече ректоров Московского университета В.А. Садовниченко и Солунского университета П. Миткаса во время визита последнего в апреле 2015 г. в Москву.

Ректор Солунского университета Периклис Миткас адресовал участникам выставки-презентации официальное приветствие, в котором отметил особый характер этого события. Оно является несомненным свидетельством развития и укрепления связей в сфере науки и образования между нашими странами. Руководитель греческого вуза с удовольствием проинформировал всех присутствующих на выставке, что сейчас в Солунском университете обсуждается вопрос о создании кафедры русского языка и русской культуры. П. Миткас отметил также, что отношения Солунского университета с российскими вузами основаны на глубоких и многолетних связях и подписанных двусторонних соглашениях о сотрудничестве, которые вносят несомненный и существенный вклад в развитие греческо-российских отношений в области высшего образования. В частности, двустороннее соглашение между МГУ имени М.В. Ломоносова и Солунским университетом Аристотеля действует уже на протяжении более пятнадцати лет. Поэтому у студентов и профессорско-преподавательского состава есть прекрасная возможность проходить языковую практику и обмениваться опытом со своими коллегами.

Пожалуй, самой репрезентативной на выставке была делегация МГУ имени М.В. Ломоносова: в ее составе были представители филологического факультета, Института русского языка и культуры (ИРЯиК) и факультета вычислительной математики и кибернетики (ВМК). От филологического факультета в презентации программ обучения на всех ступенях

высшего образования принимали участие профессор и доценты кафедры византийской и новогреческой филологии, а также кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного д.и.н. профессор М.В. Бибиков, д.ф.н. доцент Ф.И. Панков и к.ф.н. доцент И.В. Тресорукова. На выставке-презентации были освещены основные возможности обучения на филологическом факультете МГУ по разным направлениям подготовки. Были представлены также программы научного сотрудничества студентов и аспирантов, в частности в рамках Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», различных олимпиад и универсиад, проводимых МГУ имени М.В. Ломоносова.

Перед началом работы выставки российская делегация встретила с проректором Солунского университета по академическим вопросам, профессором психологии Ариадни Стояниду. На встрече состоялся обмен мнениями по вопросам сотрудничества в сфере преподавания русского языка в Греции и греческого языка в России, были выдвинуты предложения по проведению студенческих олимпиад. Заместитель директора ИРЯиК В.В. Частных выступил с предложением об учреждении именных стипендий для студентов Солунского университета, которые особо проявили себя в изучении русского языка и русской культуры, и для студентов МГУ имени М.В. Ломоносова, изучающих греческий язык и добившихся успехов в этой области. Такие стипендии будут давать возможность пройти языковые курсы в стране изучаемого языка. Предложение В.В. Частных нашло горячую поддержку со стороны греческих коллег.

Презентация российских вузов, и прежде всего МГУ, вызвала живой интерес и многочисленные вопросы со стороны обучающихся по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры Солунского университета, которые выразили желание продолжить образование на филологическом факультете МГУ. Наибольший интерес вызвало направление «Русский язык как иностранный». Участникам делегации МГУ был задан также ряд вопросов по возможной переподготовке и повышению квалификации преподавателей русского языка как иностранного. Были высказаны предложения по развитию сотрудничества между Солунским университетом Аристотеля и филологическим факультетом МГУ в рамках продвижения преподавания русского языка в Греции и обмена опытом профессорско-преподавательского состава.

У стенда филологического факультета за два дня работы выставки побывало не менее пятисот студентов, желавших продолжить обучение в

России, в частности в МГУ имени М.В. Ломоносова. Интерес вызвали также программы обучения, предлагаемые ИРЯиК, для подготовки к поступлению в МГУ и в другие вузы России. Любопытно, что среди студентов и потенциальных абитуриентов были граждане не только Греции, но и наши соотечественники, стремящиеся к получению высшего образования на родине. Внимание греков привлекли и магистерские программы других факультетов: ВМК, физического, географического, биологического, химического, факультета фундаментальной медицины.

С греческой стороны инициатором и вдохновителем проведения выставки-презентации российских вузов на территории Греции стал преподаватель русского языка Солунского университета к.ф.н. Димитрис Фотиадис. Этот энтузиаст своего дела является также куратором программы по продвижению изучения греческого языка и греческой культуры в вузах стран Причерноморского бассейна «ЯСОН», которая реализуется уже на протяжении последних пятнадцати лет в рамках двустороннего сотрудничества между Солунским университетом Аристотеля и МГУ имени М.В. Ломоносова. Большую поддержку в проведении выставки оказал также Центр греческого языка и лично директор Центра профессор Иоаннис Казазис.

После завершения работы выставки-презентации ведущих российских вузов было высказано обоюдное желание со стороны греческих и российских коллег продолжить начатое плодотворное сотрудничество.

Ф.И. Панков, И.В. Тресорукова, члены делегации МГУ

Сведения об авторах:

Панков Федор Иванович, докт. филол. наук, доцент кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: pankovf@mail.ru.

Тресорукова Ирина Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: itresir@mail.ru.

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

26–28 ноября 2015 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась VI Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». Конференция была организована кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета при участии кафедры русского языка и кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. В работе конференции приняли участие 365 лингвистов, в том числе 74 зарубежных русиста, которые подготовили 317 докладов. Российские участники конференции представляли вузы таких городов, как Архангельск, Астрахань, Брянск, Владивосток, Владимир, Волгоград, Воронеж, Глазов, Елец, Иваново, Казань, Краснодар, Липецк, Махачкала, Москва, Набережные Челны, Новосибирск, Орел, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Таганрог, Тамбов, Тверь, Тюмень, Уфа, Хабаровск, Элиста. Зарубежные участники конференции приехали из 25 стран мира: Австрии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Бельгии, Германии, Ирана, Италии, Казахстана, Канады, КНР, Латвии, Монголии, Мьянмы, Польши, Сербии, Словакии, Словении, США, Таиланда, Тайваня, Турции, Украины, Франции, Японии.

26 ноября 2015 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось торжественное открытие конференции, на котором со вступительным словом выступила Председатель Программного комитета конференции, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета доцент *Л.В. Красильникова*. С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратилась заместитель декана по международным связям филологического факультета доцент *Г.Е. Кедрова*. 26 ноября 2015 г. было проведено пленарное заседание конференции, в ходе которого докладчиками были сформулированы основные направления лингвистических, дидактических и междисциплинарных исследований в области преподавания русского языка как иностранного.

На пленарном заседании конференции был заслушан доклад профессора МГУ *В.С. Елистратова* «Магическая функция русского текста в начале XXI века» о лингвопсихологических аспектах порождения речи и о формировании образного мышления у иностранных учащихся в процессе изучения русского языка. В докладе профессора МГУ *А.И. Чагина* «Бездонность образа. О возможностях анализа поэтического произведения (О. Мандельштам. «Концерт на вокзале»)» был дан анализ расширяющегося контекста поэтического произведения, творчества поэта и историко-культурных процессов эпохи. В пленарном докладе профессора МГУ *В.В. Красных* «Теория и практика межкультурной коммуникации: современные подходы» было обращено внимание на важность междисциплинарного подхода к разработке теории межкультурной коммуникации, обусловленного прикладным характером данной дисциплины. В докладе профессора МГУ *Л.О. Чернейко* «Асимметричный языковой знак в аспекте тексто- и смыслопорождения» заявленная проблема была рассмотрена в аспекте базового свойства языкового знака – его асимметрии, воплощающейся в таких лексико-семантических категориях, как полисемия и синонимия. Полисемия разрешается слушающим, восстанавливающим из контекста необходимый смысл, а синонимия – говорящим, выбирающим из предлагаемых системой возможностей знак, необходимый для передачи смысла в определенных речевых условиях (конситуации). В докладе на материале диалогов, извлеченных из обыденной речи, было показано, что большой текстопорождающий потенциал заложен в многозначных словах, особенно в глаголах, и в абстрактных именах существительных, за которыми стоят важные для социума («ключевые») понятия и которые рождают спор из-за метафоры. Л.О. Чернейко подчеркнула, что смыслопорождающий потенциал текста определяется ассоциативной связью идеального по своей природе означаемого с материальным означущим. Так, художественный текст, воспринимаемый в акте эмоциональной рефлексии, обладает такой смыслопорождающей потенцией, которая обуславливает неоднозначность его понимания, толкования и интерпретаций. В докладе «Звучащий текст в обучении иностранных студентов русской интонации» профессор Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина *М.Н. Шутова* обратила внимание на проблемы, возникающие при работе со звучащим текстом в практике РКИ. М.Н. Шутова отметила, что трудности овладения интонацией русской речи обусловлены ее модальной функцией и отражением в речи эмоций и волеизъявлений индивидуума. Доклад профессора МГУ *Л.А. Дунаевой* «Сетевые культурно-просветительские проекты в изучении русского языка как иностранного в России и за рубежом» был посвящен вопросам использования сетевых технологий в практике РКИ. Л.А. Дунаева познакомила участников и гостей конференции с культурно-просветительским про-

ектом «Русский язык». Цель данного проекта – создание мультимедийного контента, отражающего богатство русской поэзии XIX–XX вв. и способствующего формированию интереса у иностранных учащихся к русскому языку и к России. Л.А. Дунаева рассказала и о сетевом мультимедийном проекте, использование которого на занятиях РКИ дает возможность познакомиться иностранным учащимся с коллекциями российских музеев, с природно-экологическими комплексами, с уникальным потенциалом научных и учебных заведений России. Данный проект был реализован Министерством образования и науки РФ и Министерством культуры РФ в 2011 г. Доклад словацких лингвистов *Н.П. Щитанской и Драгомиры Саболовой* «Лексическая и культурологическая ценность концепта Русь – Россия в современном русском языке» представила Д. Саболова. В докладе были освещены проблемы перевода на иностранный язык топонимов «Русь – Россия», рассмотрены частотность и продуктивность данных лексических единиц в современном русском языке.

26–27 ноября состоялись заседания 13 секций.

На заседаниях секции «Информационно-коммуникационные технологии в теории и практике преподавания РКИ» в выступлениях участников конференции был раскрыт методический потенциал художественного фильма как текста, расширяющего языковую и коммуникативную компетенции иностранных учащихся на занятиях РКИ (*Г.А. Алиева; О.В. Иванова; О.В. Кряхтунова*). Были представлены доклады об использовании в преподавании РКИ гаджетов (*Х.К. Лерхер*), о применении обучающих компьютерных программ (*А.В. Зубов; В.А. Силаева*), мультимедийных программ (*Е.А. Новикова*), учебных мультимедийных пособий (*Е.В. Степаненко*). Был представлен доклад о роли интерактивной лингводидактической среды при чтении лекций (*Е.Ю. Николенко*).

На заседаниях секции «Учебный, научный и деловой текст как единица обучения РКИ» обсуждались лингводидактические аспекты работы над научной статьей (*Л.В. Еришова, Л.Н. Норейко*), над текстами инженерного профиля (*И.Б. Авдеева*) и текстами по специальной дисциплине в военном вузе (*Э.В. Костерина*), над текстами-биографиями (*О.В. Кондрашова, И.В. Шельдешова*) и текстами психологических дисциплин (*Д.В. Федорова*), над текстами сценариев (*А.Ю. Мещерикова*) и текстами песен (*О.Н. Халеева*). Были рассмотрены проблемы разработки учебных текстов на основе аутентичных материалов по специальным дисциплинам. Докладчиками были проанализированы проблемы использования интернет-ресурсов при обучении работе с учебным текстом (*Ю.С. Ализаде; М.А. Бондаренко; О.В. Низкошапкина*). Часть докладов была посвящена описанию жанровых и структурных особенностей учебного текста (*Аиши Мурат; И.М. Вознесенская*;

В.М. Касьянова; Л.П. Мухаммад; О.Ю. Усачева). Были рассмотрены проблемы дефиниции «смысловых скважин» в текстах начального этапа обучения (*И.В. Одинцова*), лингводидактические проблемы эмотивности учебного текста (*Н.В. Лучкина, С.А. Мирзоева, И.Ю. Проценко*), социопрагматический аспект специальных текстов (*Л.В. Рычкова*), лингводидактические аспекты работы с текстом по специальности с целью его перевода (*Саранцацурал Цэрэнчимэд*). Была предложена модель самостоятельной работы с учебным текстом (*О.П. Быкова, Н.Н. Сусакова*) и рассмотрены нормативные аспекты устной научной речи (*А.Б. Недосугова*). Выступающие представили разработки учебных, научных и деловых текстов, которые являются как инструментом обучающего процесса, так и средством создания коммуникативной среды на занятиях РКИ.

Материалом анализа лингвостилистических особенностей медиатекстов на заседании секции «Медиатекст: лингводидактический потенциал» послужили газетные и журнальные тексты, устная речь телеведущих, блоги, Интернет-ресурсы. Выступающие представили анализ языковых изменений, которые отражаются в речевой структуре современных медиатекстов (*И.В. Баданина; П.Ж. Балхимбекова; Р.А. Каримова; Параккини Лайла*). Были рассмотрены лексические и синтаксические особенности медиатекстов (*Н.В. Баско; Т.Г. Рощектаева*), текстовые (*Л.А. Нестерская; М.В. Силантьева*) и лингвометодические характеристики публицистических текстов (*Л.Б. Армоник; А.Н. Богомолов; В.Г. Фатхутдинова*). В своих выступлениях докладчики отмечали, что проведение лингвостилистического анализа медиатекста на занятиях РКИ позволяет развить дискуссионные навыки у иностранных учащихся и расширить их знания о стране изучаемого языка.

Участники секции «Функциональная грамматика и текст» выступили с докладами, в которых был дан анализ текста, предложения-высказывания и словосочетания (*М.В. Всеволодова*), категории оценочности (*С.А. Гореликов*). Доклады были посвящены анализу простых предложений с предикатами эмоционального состояния (*И.А. Антонова*), анализу функционирования описательных предикатов в структурировании текста (*В.А. Кузьменкова*). Были рассмотрены случаи контаминации синтаксических моделей со значением действия, состояния и качественного признака субъекта в речи иностранных учащихся (*О.Ю. Дементьева*). В докладах были представлены результаты анализа синтагматических свойств наречий (*Л.Л. Бабалова*), изложены особенности функционирования в тексте отглагольных существительных (*Е.А. Бастракова*), местоимений (*З.Ф. Юсупова; З.Ф. Юсупова, Луй Ю*), компаративов (*Н.С. Першина*), афористических высказываний (*Л.В. Русинова*). Затрагивались вопросы описания функционально-семантического поля одушевленности-неодушевленности в современном русском

языке (*Шакар Реишат*), вопросы формирования структуры функционально-смысловых типов речи на основе семантико-коммуникативных типов предложений (*К.А. Рогова*). Докладчики касались вопросов функционирования фразеологизированных предложений в тексте (*А.В. Величко*), взаимосвязи текстового потенциала и контекстуальной парадигмы слова (*Ф.И. Панков*). Отмечалась роль методически значимых типов вопросов при воспроизведении и построении монологического текста иностранными учащимися (*В.В. Добровольская*). Были рассмотрены прагматические аспекты грамматики РКИ и ряд явлений прагматики вида русского глагола, группы глаголов движения, залога и диатезы (*О.К. Грекова*). Были проанализированы случаи лексико-семантических и грамматических замен, используемых в переводе (*И.И. Громова, О.В. Злобина*).

В докладах, заслушанных на заседаниях секции «Дискурсивная функция лексики и словообразования», были затронуты актуальные проблемы русского словообразования, показан его лингводидактический потенциал, который раскрывается в текстах (*Н.Н. Горбонос; С.В. Касабиева; В.Н. Мусатов; Е.А. Овтина*). В выступлениях докладчиков рассматривались вопросы лексической семантики, парадигматики и синтагматики, поднимались вопросы функционирования в дискурсе специальной, социальной, политической лексики, паронимов (*М.М. Вереитинова; Гао Тянь; Наумович Гордана; Г.В. Николенко; Руеангдам Ангсана; Н.Ю. Санникова; О.М. Сергеева; Е.В. Суrowцева; Е.И. Якушкина*). Обсуждались вопросы структурной организации и функционирования в тексте фразеологизмов и идиом (*Е.А. Филатова; Хань И; О.И. Шаповалова*).

В ходе работы секции «Звучащий текст в практике обучения РКИ» рассматривались проблемы методики работы над артикуляцией звуков (*Е.В. Голубева; Д.Л. Давидян; К.И. Долотин*). Были проанализированы особенности ритмической организации русской звучащей речи в свете обучения русскому произношению (*Е.Л. Бархударова*). В докладах затрагивались вопросы преподавания интонации на занятиях РКИ (*С.В. Киржанова; А.А. Коростелева; Т.Г. Шихалкина*). На заседании секции обсуждались проблемы обучения иностранных учащихся аудированию текста (*Ю.Б. Жидкова; Е.Н. Тарасова*).

На заседании секции «Лингвокультуроведение и проблемы межкультурной коммуникации в аспекте обучения РКИ» были представлены доклады, посвященные исследованию лингвокультурологических аспектов русских народных сказок (*М.А. Белицкая*), художественных текстов (*Е.В. Балдина; А.Г. Лилеева*) и частных объявлений о продаже недвижимости (*Т.В. Игнатьева, Н.С. Брызгунова*). Был показан лингвострановедческий потенциал темы «Еда» (*О.В. Чагина*). Были затронуты проблемы определения национально-

культурной специфики этикетных фреймов (*О.Н. Короткова*), вопросы формирования социокультурной компетенции у иностранных учащихся (*В.А. Марьянчик*), а также вопросы изучения логоэпистем через русское топонимическое пространство (*А.Ю. Устинов*). Было обращено внимание на необходимость сопоставительного изучения языкового сознания в рамках исследования проблем лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (*Браксаторис Мартин; Лю Чань Юнь; С.Л. Нистратова*). Был поднят вопрос о создании словарей и пособий для иностранных учащихся, составленных на основе анализа регионального ономастического материала (*Н.В. Бубнова*).

В докладах, заслушанных на заседании секции «Художественный текст как средство формирования билингвальной личности», были представлены результаты лингвостилистического анализа произведений древнерусской литературы (*Дастамуз Сауде Алиасгар; К.А. Калинин*), прозаических произведений русской литературы XIX–XX вв. (*Ван Цзяо; И.П. Кузьмич; Е.В. Суровцева, Е.В. Полищук; О.Е. Фролова*), произведений литературы русского зарубежья первой волны эмиграции (*Тан Мэн Вэй*), произведений мировой литературы (*О.Е. Ефимчик*), а также был дан лингвостилистический анализ поэтических текстов (*И.В. Зезекало; В.В. Калинина; Тэтик Кевсер; Е.Г. Федулова; Г.А. Хайрутдинова, Чжан Синьсинь*). Был затронут вопрос о методах и приемах комплексного анализа (*М.П. Селиванов*), комментирования (*В.Г. Смирнова*) и интерпретации (*Е.Ю. Хонг*) художественного текста. Отмечалась роль художественного текста как средства формирования билингвальной личности в процессе преподавания русского языка иностранным учащимся (*Н.Р. Ахметшина; Т.Е. Владимирова; Н.В. Кулибина; З.М. Кумахова; И.И. Яценко*).

В докладах, представленных в ходе работы секции «Интерпретация текста и проблемы перевода: лингводидактический аспект», затрагивались вопросы перевода фразеологизмов (*Бунруанг Сивапорн*), метафор (*Чанг Джуй Ченг*), юридических текстов (*О.В. Новицкая*). Особое внимание было уделено методическим вопросам преподавания перевода (*Л.Л. Ружанская*) и проблемам перевода безэквивалентных ментальных смыслов (*Е.М. Какзанова*).

На заседаниях секции «Учебники и учебные пособия, образовательные стандарты и программы по РКИ» выступающими были сформулированы принципы разработки и составления учебников и пособий по преподаванию РКИ. В докладах отмечалось, что создание учебных пособий и учебно-методических комплексов необходимо для осуществления профессиональной подготовки учащихся (*Н.А. Боженкова, Р.К. Боженкова; В.А. Кулакова, С.В. Смирнова, Т.В. Шустикова; А.К. Сулейманова, Н.Г. Сабитова; Т.В. Шустикова*), для обучения иностранных учащихся чтению (*Н.Г. Большакова*;

И.В. Курлова, А.Ю. Петанова), для развития речи на занятиях по РКИ (*Е.О. Патаракина*), для изучения лексики русского языка (*Л.Ф. Крапивник, Мидзуками Норико*). На заседании секции были затронуты вопросы разработки образовательных стандартов и программ по РКИ (*Е.В. Кожеевникова, М.Е. Трубочанинова; Модести Ваня*). Была проведена презентация пособий по РКИ (пособие *Е.В. Крапивник*; пособие *В.А. Марковой*).

Докладчики, выступавшие на заседании секции «Система тестирования по русскому языку как иностранному на современном этапе», предложили корректировку стандартов, на основе которых составляются тесты (*Н.П. Андрюшина; А.П. Жорова*). В докладах были затронуты вопросы итогового тестирования иностранных учащихся на подготовительном курсе (*М.Г. Волотова*), вопросы составления лексических минимумов как компонента Российской системы тестирования по РКИ (*Н.П. Андрюшина, И.Н. Афанасьева, Л.А. Дунаева, Л.П. Клобукова, Л.В. Красильникова, И.И. Яценко*). Было уделено внимание проблемам создания тестов в рамках сертификационного тестирования и вопросам определения критериев оценки продуктивных тестов в русской и английской системах тестирования (*Л.Н. Некрасова, Л.Н. Норейко*). Были предложены критерии определения статуса носителя языка (*Е.Ю. Булыгина, Е.Г. Басалаева*).

В выступлениях, заслушанных на заседании секции «Методические аспекты преподавания РКИ», затрагивались проблемы методики преподавания лексического материала (*А.Е. Евграфова*) и русской культуры (*В.А. Федосов*) на занятиях РКИ. Была изложена методика анализа ошибок иностранных учащихся (*Е.М. Кузнецова*). Участники заседания секции познакомились с методикой использования настольных игр на занятиях по РКИ в целях изучения страноведческих аспектов текстового материала (*Т.М. Обухова*).

На заседании секции «Проблемы лингвистической текстологии и источниковедения» был представлен анализ лингводидактической концепции учебной грамматики Ивана Иконника с точки зрения современной лингводидактики (*Е.А. Кузьмина*). Был рассмотрен вопрос об источниках «Граматики словенской» Федора Максимова (*Ма Цзя-Ин*), а также вопрос о классификации частей речи в первых учебных пособиях по церковнославянскому языку (*Сюй Инь*). Была представлена концепция включения преподавания древнерусского языка во французские гуманитарные программы бакалавриата (*Шмит Ороп*).

В рамках работы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» были проведены заседания круглых столов «Художественный текст как объект лингводидактики» и «Информаци-

онно-коммуникационные технологии. Сетевые проекты», на которых заслушивались сообщения по тематике заседаний круглых столов и проводилось обсуждение проблем, затронутых в докладах. На заседании круглого стола «Информационно-коммуникационные технологии. Сетевые проекты» интересную дискуссию вызвали доклады о структуре, содержании и задачах сайта «Русский язык для наших детей» (*О.Э Чубарова*) и доклад о принципах обучения на портале «Образование на русском» (*М.И. Яскевич*).

27 ноября на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета состоялось закрытие конференции, на котором участники лингвистического форума обменялись мнениями о работе научно-практической конференции, продолжили обсуждение дискуссионных вопросов методики преподавания РКИ, решение которых поможет осуществлять преподавание русского языка как иностранного на современном уровне.

В рамках проведения конференции была организована культурная программа. 27 ноября состоялась экскурсия в Третьяковскую галерею на выставку «Валентин Серов. К 150-летию со дня рождения», а 28 ноября – экскурсия по Замоскворечью.

Работа VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» проходила в деловом, конструктивном ключе. В представленных на конференции докладах были отражены актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного и были затронуты насущные вопросы методики преподавания РКИ. Часть докладов сопровождалась демонстрацией современных интерактивных материалов, используемых на занятиях по русскому языку как иностранному.

Перед началом работы конференции вышли из печати Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного», опубликованные в сборнике «Слово. Грамматика. Речь» (вып. XVI).

Т.Г. Рощектаева, Л.В. Красильникова

Сведения об авторах:

Рощектаева Татьяна Геннадьевна, канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: rkiff@philol.msu.ru

Красильникова Лидия Васильевна, докт. пед. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: likras@mail.ru.